

Евгений Чернобыльский

Фантастический роман

Точка бифуркации

«Они могли спасти жизни, но выбрали наживу».

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Евгений Чернобыльский

Точка бифуркации

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38981480

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-11365-7

Аннотация

Они могли спасти жизни и предотвращать катастрофы, но выбрали наживу и безнаказанность. Почти три года Кирилл помогает богатым клиентам. Во временной петле он Оператор. Лишь одна из функций в большом механизме. Задачи Кирилла – сохранить жизнь клиента и вернуть время в исходную точку. Ошибка Оператора грозит оставить тёмные фантазии в реальности. По большому счету, Кирилл ничего не знает о своих работодателях и их технологии. Когда приходит беда, Оператор может положиться только на себя и серийного убийцу. Вокруг остались те, кто продает и творит беззаконие. Содержит нецензурную брань.

Пролог

Молодая запыхавшаяся женщина выбежала из здания и замерла на крыльце. Она затравленно озиралась судорожно глотая воздух, подгибающиеся ноги не держали тело. Вместо крика о помощи изо рта вырвался сдавленный хрип. Одновременно с рассекшим воздух выстрелом хрупкое тело девушки изогнулось назад, и молодая женщина немного коряво, словно брошенная неловкой детской рукой кукла, слетела с крыльца. Она рухнула лицом вниз, на асфальтовую дорожку, оставив подогнутые чуть вывернутые ноги на газоне. Спину девушки разворотило картечью.

На крыльце, щурясь от утреннего солнца, появился плотный мужчина. Он мельком взглянул на распластавшуюся перед ним девушку, отбросил в сторону дробовик и посмотрел на массивные наручные часы. 9:30. По его расчетам все клерки уже допили кофе и принялись стучать по клавишам, пригвозждая горожан и местный бизнес к очередным штрафам, предписаниям, ограничениям. Мужчин зло обильно сплюнул и развернулся к козырьку над крыльцом. Он позволил себе попаясничать перед камерой.

– Виталий Дмитриевич. Черкашин, – мужчина демонстративно поклонился. – Директор ООО «Алгоритм», Заместитель директора в ЗАО «Артём», а также ИП Черкашин. С любовью и нежностью.

Виталий Дмитриевич вынул пистолет из кобуры на пра-

вом бедре и не целясь разворотил камеру видеонаблюдения первым же выстрелом. Черкашин быстрыми движениями поправил бронежилет, все повязки, заклёпки и ремешки, – всё, на чем держалось разнообразное оружие. Удовлетворившись результатом, он поднял валяющуюся около крыльца охотничью сумку. Здесь оставались его любимицы – короткоствольный автомат и полуавтоматическое ружье Beretta. Закинув сумку на плечо и вооружившись автоматом, он по-мальчишески бодро спрыгнул с крыльца, разом минуя три ступеньки.

Уверенным бодрым шагом он пересёк ухоженный газон и кусок асфальтовой дороги. Теперь он уже не оглядывался и не тратил время. Опять участок газона и новое крыльцо. Там уже испуганно оглядывались и толпились несколько чиновников. Автоматная очередь перемолола любопытных.

Всё закрутилось быстрее. К месту преступления спешила вооружённая охрана, стягивалась полиция. Черкашин нырнул в трёхэтажное здание. Он походя лишил жизни беззащитного вахтёра, зачистил первый этаж. Все хрупкие ненадёжные двери с треском распахивались от удара тяжелого ботинка, забившиеся под столы клерки поднимали бессмысленный вой... Сосредоточенный Черкашин не щадил никого, хотя и не тратил время на поиски каждого. Наверняка кому-то удавалось спрятаться лучше других.

Виталий Дмитриевич пробежал пролёт второго этажа. Внизу истошно выли серены. Время поджимало. На третьем

этаже снова без сопротивления. Он выстрелил в спину убежавшей в туалет секретарше, но даже не посмотрел на результат. Именно в открытой двери освободившегося кабинета ждала его последняя остановка. На пороге Черкашин замедлился. Перед ним одиноко возвышался массивный стол, опустевшее рабочее место секретаря перед которым разбивают лбы посетители всех рангов. Слева хлипкая межкомнатная дверь и ненавидимый Черкашин чиновник.

Черкашин обхватил вспотевшей ладонью рукоять пистолета. Он не был спортсменом и редко ходил в тир. Стоило опасаться загнанного в своем кабинете человека, но он пришёл именно за ним. Это его ягодка на именинном торте.

Плотно сбитый Виталий Дмитриевич, вложившись в удар, выбил дверь, и влетал в кабинет левым плечом вперед, его пистолет в правой руке, и он прижимал оружие к животу, согнув локоть. Спортивного вида чиновник притаился как раз справа, он чуть поторопившись бросился на террориста и выдал себя. Заработал пистолет. Два выстрела в плечо, один в ногу. Переполненный ненавистью Черкашин задыхаясь выхаркивал проклятия в лицо корчившемуся от боли беззащитному функционеру. Опять дробь, теперь уже Беретта.

Черкашин обмяк, он приставил ружьё к стене и, пожалуй, впервые за это утро внимательно посмотрел на последнюю жертву. Он был доволен результатом. Выполнивший свой план Виталий Дмитриевич грузно осел на офисном кресле важного чиновника, закинул ноги на письменный стол, до-

стал сигарету и жадно закурил. Он о чем-то задумался с блаженной улыбкой, не замечая, как пепел кружится и летит на пол.

Под окнами надрывались сирены, кто-то орал в мегафон. Даже на третьем этаже ощущалась бившая по половине Нижегородского Кремля истерика. По территории рассредоточивался спецназ. В их рядах мелькали помощники из полицейских и штатные охранники. Наконец, Черкашин позвонил, давая отмашку для отката петли.

***

Виталий Дмитриевич у стен Нижегородского Кремля. На часах снова полдевятого утра. Шестидесяти минут, целого часа кровавой расправы в нижегородской администрации, уже не существует. Черкашин – Клиент, рядом с ним переминается с ноги на ногу Оператор. Черкашин удовлетворенно хмыкнул и привычно засветил Оператору своей увесистой лапой по плечу. Это в его понимании высший знак одобрения. Оператор в очередной раз сморщился от боли и кое-как сохранил равновесие. Система сработала без сбоев, они вернулись в точку отсчета.

– Знаешь, что я придумал, Кирюха? – Черкашин опять пыхтел сигаретой. – Нечего бегать по Управе и выискивать их по одному. В следующий раз соберу на корпоратив всех вместе. Они ж как мухи на мёд, только помани халявой и

сразу сбегутся. Куда-нибудь в лес заманить... Там всех и порешим.

– Порешите, – поправил Оператор. – Я только наблюдаю.

– Ну да, ну да, – Клиент довольно крикнул и охотно согласился с доводом. – А ещё лучше знаешь... медведя на них натравить. Закрыть всех в сарае и голодного мишку на них. Как думаешь?

– Жестко, Виталий Дмитриевич, – Кириллу остается надеяться, что кому-то другому из Операторов придётся быть свидетелем большой фантазии этого человека. – Но технически нет разницы. Мы откатываем вас и не важно кто и как умирает.

– Вот и здорово. Я подумаю.

Черкашин передал Оператору ставший традицией бумажный конверт. Там особая премия и благодарность. Успешные государственные подрядчики зарабатывают большие деньги, хотя и ненавидят своих властных патронов. Пакет Оператор взял не раздумывая, после трёх лет в профессии у него похоже атрофировалась брезгливость. Он пожал руку Клиенту и вызвал такси. Пора в аэропорт. Клиенты по всей стране с нетерпением ждут Операторов для воплощение своих, как правило омерзительных, замыслов.

Сам Виталий Дмитриевич сейчас направится в нижегородский Кремль. Он будет обходить чиновников, дарить подарки и договариваться о новых подрядах. Сегодня у него очень хорошее настроение и опостылевшие морды бюрокра-

тии вызывают у подрядчика улыбку. Он обязательно придумает что-то новое к следующей оплаченной петле времени. Он даже не представляет до чего сможет дойти. Абсолютно всех Клиентов развращает безнаказанность.

Глава 1

Накануне. Четверг. Екатеринбург.

Конечно, Кирилл не рассказывал Веронике (или Валерии?) про нижегородского подрядчика. Он планировал её соблазнить, а не испугать до чёртиков. Девушка и так оказалась излишне сомневающейся. Хорошо, что начал действовать алкоголь, Вероника (или Валерия? Кирилл никак не мог вспомнить её имя) расслабилась, смирилась с недюжинной фантазией молодого спутника, подсевшего за столик полтора часа назад, и увлеченно подыгрывала. В этом нет ничего нового, все реагируют примерно одинаково.

– Можно ведь и банк ограбить? – девушка пыталась придумать что-нибудь новенькое.

– Нет, при откате системы нельзя оставить ничего материального, только твои воспоминания.

– И оператора.

– Да, – Кирилл охотно поддакивал, в конце концов они должны говорить о нём.

– Тааак... – Вероника (или Валерия?) надолго задумалась, Кирилл воспользовался заминкой и жестом попросил офи-

цианта повторить напитки. – Тогда можно изменить мужу. Никто же не узнает.

– Ты замужем?

– Нет, – девушка продемонстрировала свободный от кольца безымянный палец. – Хотя оператор ведь всё запомнит. Некрасивая сцена получится.

– Оператор всего лишь функция. Считай он обезличен. Как робот.

На самом деле, как бы не так. Первый год работы Кирилла натурально трясло от ужаса и отвращения. Он пожимал руку закончившим игру Клиентам, пересиливая удивление, презрение и ненависть. Очень сложно смириться с увиденным несколько часов назад и лицезреть довольные лица богатых извращенцев. До сих пор, Кирилл тяжело переносил сцены жестоких изнасилований, которые встречались всё чаще. У Оператора появлялись мысли о вариантах выхода из этой опасной игры. Смушало грозившее безденежье, а к высоким заработкам молодой человек быстро привык. А ещё Кирилл боялся собственного руководства. Руководства, которое он ни разу в жизни не видел лично.

Кирилла завербовали три года назад. Со смешком и показным недоверием он явился на презентацию. Точно уже не вспомнить, но скорее всего ему потребовалось не меньше недели для осознания новой реальности. Ему предложили создавать и замыкать петли времени. А ещё ему предложили за это огромные, фантастические деньги. Он был честно пре-

дупрежден о постоянных перелётах, ненормированном рабочем дне и прочих бытовых неудобствах, но, черт побери, разве он мог отказаться от такого предложения?

Достаточно быстро выяснилось, что работа не подразумевала никакого контакта с коллективом. Оператор получал предписания, назначения и задания под своей учётной записью в специально разработанном личном кабинете в глубинах даркнета. Работодатель и неведомые вышестоящие органы в его лице лаконично именовали себя Фирмой. Он ничего не знал о структуре компании, её подразделениях, масштабе и географии работы. Однако его счета, открытые в банках разных юрисдикций, исправно пополнялись. А к особенностям работы он быстро не то чтобы привык, но свыкся. Своей семьёй молодой человек ещё не обзавелся, а мама считала, что её сын коммивояжёр (похоже ей очень нравилось само слово) и не задавала лишних вопросов.

– Ты правда считаешь, что это аргумент для девушки за которой будут подглядывать? – Вероника (пусть будет Вероникой решил Кирилл) в шутку похлопала Оператора по руке.

Тактильный контакт очень важен: алкоголь и обаяние, о котором питал искренние иллюзии молодой человек, начинали брать своё.

– Тогда проще изменить мужу сразу с оператором, – Кирилл пошёл ва-банк и замер в ожидании реакции.

– И какая экономия денег! – девушка рассмеялась, и мо-

лодой человек облегченно выдохнул: всё шло по плану.

– Это точно, – добавил он в тон Вероники.

– А какой самый необычный сеанс ты проводил?

– Смотря что считать необычным, – Кирилл немного подумал. – Есть у меня один клиент, в Питере. Он заказывает сразу сутки. Двадцать четыре часа. Это очень дорого. Итак, представь: начинаем с утра пораньше. Он посылает по всем в стране известному адресу жену и тещу. Тёще, кстати достается целая гневная отповедь. Короче, клиент всех посылает, закрывается дома с пиццей и ведрами мороженого, отключает телефон и до ночи смотрит фильмы, – Кирилл победно посмотрел на девушку и пояснил, – график у человека напряженный. Домашние раздражают, а в реальности сделать ничего не может. Вот и нашёл способ отдыхать, чтобы голова окончательно не закипела.

– Странно, – Вероника легкомысленно хихикает уже не переставая. – Развелся бы с женой и все дела.

– У богатых свои причуды. Ему проще заплатить и перезагрузиться таким образом.

– Интересная у тебя работа.

Вероника пересела поближе. Глаза девушки уже блестели, выдавая алкогольное опьянение. Осталось чуток дожать и вечер можно будет считать удавшимся. Сам Кирилл старался уже не пить, долгая дорога до Екатеринбурга, хронический недосып и предстоящая бурная ночь оставляли всё меньше шансов на чистую голову в завтрашнем рабочем дне.

Кирилл огляделся. Скучающий бармен зачем-то листал меню, пара официантов увлеченно шушукалась около монитора с интерфейсом приема заказов. Через стол от Кирилла и Вероники выпивали трое мужчин, а чуть поодаль справа, уткнувшись в смартфон, ужинала одинокая женщина. По почти пустому залу, сменив трансляцию хоккейного матча (которым никто из присутствующих не заинтересовался), разливалась лёгкая музыка неопределенного жанра. Кирилл принял решение взять с собой бутылку вина и уходить. Вероника чуть поджала губы, слегка покраснела, но согласилась покинуть ресторан.

– А ничего что ты мне это рассказываешь? – девушка вдруг стала серьезной.

– Тебе же всё равно никто не поверит.

Кирилл отмахнулся от вопроса совершенно искренне. Какой-то незнакомец рассказал о возможности зафиксировать тебя в конкретной точке пространства и времени, а затем вернуть после строго оговоренного срока в те же условия чтобы не произошло за отведенное время? «Пфф» – ответит любой здравомыслящий человек. Кирилл и сам так ответил, когда впервые услышал...

Глава 2

День первый. Пятница. Екатеринбург.

Вероника ушла через пару часов после полуночи. Кирилл

не следил за временем, сразу завалился спать. Утром сказывался нарушенный постоянными перелётами график сна и выпитый вечером алкоголь – голова немного шумела, желудок напоминал о своем существовании противной сосущей болью. Хорошо, что не забыл выпить болеутоляющее перед тем как уснуть. По опыту Оператор знал – спать с головной болью, значит не выспаться совсем.

В очередной раз порадовавшись собственной находчивости в борьбе с похмельем, он простоял десять минут под контрастным душем, побрился и был почти готов к любой нагрузке. Оставалось плотно позавтракать.

Ресторан гостиницы огорчил скудным выбором блюд, но горячая яичница и свежий хлеб оказались вполне сносными. Больше всего порадовали две вещи: настоящий свежесжатый сок и отсутствие Вероники. Девушка видимо ещё отсыпалась. Или уже позавтракала. Она, как и Кирилл, была командировочная. Её забирали в банк, название которого он не запомнил. Самого Оператора Клиент ждал у входа в отель ровно в девять.

Не спрашивая разрешения немногочисленного персонала, Кирилл самостоятельно налил три порции эспresso в граненый стакан для сока и отправился обратно в номер. Перед работой добросовестный Оператор всегда тратил время на изучение Клиента и его досье, составленного неизвестными аналитиками Фирмы. Накануне после прилёта он получил у курьера расходники и терминал, документы же присылали

по электронной почте.

– Итак, здравствуйте, Вадим Аронович.

Кирилл загрузил досье очередного Клиента. Что ж, в меру опытный человек. Вадим Аронович шёл на свой четвертый сеанс, хотя в этот раз ему предоставили нового Оператора. Это могло стать проблемой. Сеансы с одним Оператором важны в таком деликатном деле как услуга петли времени. Клиент привыкает к Оператору, расслабляется. К сожалению, привычный Вадиму Ароновичу Оператор прилететь, видимо, не смог. Вместо него в срочном порядке отправили Кирилла. Вряд ли Клиент откажется от сеанса – внушительный аванс платится вперед, а смена Оператора не считается основанием для отмены сделки по вине исполнителя. Как-то так Кирилл в соответствии с одной из инструкций должен был аргументировать своё появление перед Клиентом.

Оператор привычно пролистывал досье Клиента одним пальцем прокручивая файл. Аналитики составляли личные карточки по установленному образцу. Общие данные сменялись бизнес-справкой, в конце файла шли подробные протоколы предыдущих сеансов с комментариями Оператора. Кирилл понимал, что Фирме важно отслеживать динамику в воплощаемых фантазиях Клиентов. Безнаказанность порожидала всё новые витки жестокости, садизма и риска. Действия заигравшегося Клиента могли привести к непоправимому – смерти самого Клиента.

Однако Вадим Аронович был последователен. Никаких

излишних эмоций. Он словно таил в себе только одну фантазию и реализовывал её с фанатичным упорством, не отклоняясь от привычного сценария из сеанса в сеанс. Вадим Аронович Шац был из тех людей, кто не любил экспериментировать. Похоже у него имелись личные счета с большой шишкой из Москвы, и сеансы подгадывались к каждому приезду столичного гостя. Кирилл хмыкнул: работа представлялась несложной.

Сам Вадим Аронович был достаточно зауряден в сравнении с многими обычными Клиентами не только в фантазиях, но и в бизнесе. Относительно небольшое предприятие по переработке цветных металлов, несколько магазинов на первых этажах в Екатеринбурге и Пышме, транспортная компания и оставшаяся с девяностых полуживая радиостанция. Он был богаче большинства россиян, но не дотягивал до настоящих олигархов. Насколько рядовой Оператор мог оценивать расценки на каждый сеанс, Шац должен был выплачивать Фирме большую часть своих доходов. Но чёрт их знает бизнесменов, Кирилл никогда не мнил себя аудитором, чтобы оценивать бизнес и доходы Клиентов.

Бегло пролистав досье, Кирилл убедился, что невидимые аналитики Фирмы не посчитали нужным добавить к досье ничего настораживающего. Скорее всего, Оператора с Клиентом опять ждал допрос с пытками и медленная расправа над московским гостем. Пытки? Это неприятно. Кирилл напомнил себе, что его дело десятое, Оператор только наблю-

дает. По сути происходящее в петле времени не становится реальностью. Они играли в игру, всё понарошку. Главное уберечь жизнь Клиента и откатить систему в точку отсчёта. Тогда в реальности не останется никаких последствий.

Ещё раз пролистнув досье, Кирилл зафиксировал в памяти обычную жертву Клиента. Севастьянов Михаил Антонович. Кстати, Севастьянов перемещается с охраной. Оператор пообещал себе учесть этот факт при выборе точки для наблюдения.

Шац встретил Оператора на своем внедорожнике. Вадим Аронович сам водил машину и сейчас, сухо поздоровавшись и представившись, уверенно вклинился в утренний поток спешащих на работу горожан. Шац судя по всему никогда не блистал разговорчивостью, нечего было ожидать изменения его привычек с незнакомым человеком. Кирилл смиренно уставился в окно и с интересом разглядывал центр летнего Екатеринбурга.

За три последних года он увидел больше российских городов, чем многие смогут посетить за всю жизнь. Как правило, работа не закидывала Операторов в захолустья. Как не крути, а основной капитал и его хозяева осели в Москве и крупных городах. Но и поглядеть на города-миллионники тоже интересно и познавательно. Например, Екатеринбург высоко котировался в личном рейтинге российской провинции двадцатисемилетнего Кирилла.

– Да, алло.

Ленивые размышления Оператора прервал входящий звонок на телефон Вадима Ароновича. Связь выводилась на встроенную в машине систему громкой связи и теперь водитель неловко пытался её перевести в приватный режим.

– Подожди, я переключу вызов на трубку...

– Зая, мне нужно знать, что ответить дизайнеру...

– Подожди, я выключу громкую связь...

– Алло, зая, тебя плохо слышно...

Кирилл деликатно устался в боковое стекло и улыбнулся. Пока водитель пытался выключить громкую связь динамики машины трижды обращались к нему милым женским голосом и прозвищем «зая». Звонила его нынешняя жена, вторая по счету. С новой супругой Вадим Аронович нажил дочь. Девочке уже исполнилось семь лет, в этом году ей предстоит знакомство со школой. В Москве живет и учится старший сын Шаца. Все данные о семье Клиента были в высланном досье.

– Вы завтракали?

Вадим Аронович закончил разговор с женой и видимо, желая сгладить неловкую ситуацию, изменил своему правилу и заговорил с Оператором, хоть и на отвлеченную от предстоящего сеанса тему.

– Спасибо. Более-менее.

– Сейчас заедем в одно неплохое место. Там можно будет перекусить и я приму препарат. Сам... – Шац запнулся, – сам сеанс вечером. Но много неожиданных изменений и мне

нужно взвесить все за и против.

– Хорошо.

Оператор легко согласился, но про себя отметил, что изменения должны быть исключительными. Услуги Фирмы оплачиваются почасовым тарифом, и редко кто из клиентов берет сверх необходимого. Что-то не так с Севастьяновым и его охраной? Или Шац решил удивить и сегодня у него заготовлен новый сценарий? Жаль, что с этим человеком нельзя поговорить по душам. Тишина в машине тяготила Оператора. Во-первых, Кирилл не любил молчать, а во-вторых, Оператору необходимо понимать задумку Клиента, чтобы в случае необходимости успеть нажать заветную кнопку и вернуться в исходную точку.

***

Уютный восточный ресторанчик удивил обширным утренним меню. Посетитель мог сделать выбор в пользу континентального завтрака или, отбросив новомодный ЗОЖ, сразу наброситься на жирный плов. Неожиданно спокойные тона мебели и приглушенный свет располагали к долгой трапезе и неспешным разговорам.

Вадим Аронович заказал кофе и фаршированные лепёшки с разными начинками. Кирилл выбрал шурпу из баранины и, несмотря на раннее время, с удовольствием отхлебывал горячий густой бульон. Шац повертел в руках трезвонив-

ший телефон и сбросив звонок обратился к орудовавшему ложкой Оператору.

– Я должен предупредить вас о своих задумках?

– Хотя бы в общих чертах, – подтвердил Оператор, вытирая салфеткой жирные от бульона губы. – Прежде всего мне важны потенциальные угрозы для вашей жизни.

– Разве что тромбы, – отделался шуткой Вадим Аронович и надолго замолчал.

Кирилл посмотрел на Клиента. Прямой как палка, подобранный, словно готовая в любой момент распрямиться пружина, крепкий мужчина средних лет (Оператор знал, что Шацу сорок четыре года, но не был уверен соответствует ли этот возраст категории «средних лет»). Правильное волевое лицо Вадима Ароновича было плотно обтянуто кожей, он в принципе был худым и поджарым. Шац будто выверял каждое своё движение, экономил каждую эмоцию и представить этого человека душой компании у Кирилла никак не получалось.

– Скорее всего, – наконец вымолвил Клиент. – сами события произойдут вечером. При этом я допускаю смещение графика в любую сторону. Это зависит не от меня. Я сброшу вам смс. И мне жаль, но вам придётся добираться до места встречи самостоятельно. Надеюсь это не проблема.

Кирилл пожал плечами. На его оклад он мог арендовать лимузин, конечно, такси не было проблемой. Скорее для самого Клиента раннее начало сессии могло стать проблемой.

Оплата выставлялась за каждый час в петле, но не дело Оператора считать чужие деньги. Сам Кирилл доберется до ближайшего торгового комплекса, привычно купит билеты в кино и просидит на сеансах до назначенного времени.

Оператор открыл терминал, достал футляр с двумя капсулами, одну проглотил сам, а вторую протянул Шацу.

– Вам нужно сделать таблетки синими или красными. И предлагать выбор, – неожиданно пошутил Вадим Аронович, запивая капсулу.

Кирилл запустил сессию. В Екатеринбурге было ровно 10:30 утра.

***

Проводив взглядом рассчитавшегося по общему счету Шаца, Кирилл остался в кафе. Он заказал прохладный морс, без особой цели поразглядывал меню. Ему не хотелось выходить на улицу, там становилось жарко. Оператор открыл прогноз погоды. Программа не обещала изменений до понедельника. Три дня подряд по двадцать девять градусов, без единого облачка. В понедельник начинались дожди, столбики сохранившихся термометров опускались до плюс пятнадцати. Кирилл уже слышал о резких изменениях погоды на Урале. Однако он сам уже в субботу вернется в Москву. А к понедельнику окажется в новой точке большой страны.

Официант принес морс. Полноватый мужчина средних

лет восточной внешности. На лице искреннее дружелюбие. Официант с уважением покосился на открытый терминал. Кирилл улыбнулся. Стилизованный под ноутбук терминал выводил на экран графики и диаграммы жизнедеятельности Клиента. Без должной сноровки и знаний в истинных значениях показателей на экране разобраться невозможно. Скорее всего, официант воспринял информацию на экране как биржевые котировки или нечто похожее.

Пальцы Кирилла пробежались по клавиатуре – он забыл ввести блокирующий терминал код. Каждый Оператор имел индивидуальный пароль. Этого требовала безопасность. Пароль вводился в начале сессии и повторно перед замыканием петли. В промежутке действия блокировки терминал становился бесполезным железом, а при попытке вскрытия – самовозгорался. Или взрывался. Тут Кирилл точно не помнил. В любом случае, попади терминал в чужие руки, никто не сможет ни убедиться в его работоспособности, ни разобрать на запчасти. В системе безопасности был только один изъян – Кирилл сомневался, что будет терпеть пытки и не сдаст пароль при необходимости.

Заблокировав терминал, Оператор убрал его в рюкзак. Вместо терминала на столе появился настоящий ноутбук. Кирилл вошёл в даркнет и погрузился в чтение форумов. Последнее время он тратил на это занятие все свободное время. Даркнет хранил необъятное количество информации и обсуждение «делишек» Фирмы занимало немалую часть ин-

формационного пространства.

Кирилл начинал с прикладной информации. Ему было важно правильно настроить перемещение собственных денежных средств на разных счетах в России и за рубежом. Ссылка за ссылкой и Оператор вышел на другие ресурсы с информацией. Где-то обсуждали самые чудовищные причуды Клиентов, кто-то коллекционировал самых милых и безобидных. Но особый интерес и Кирилла вызывали форумы с обсуждением масштабов и истинной силы Фирмы. Доходило до того, что работодателей Кирилла объявляли реальным теневым правительством всей планеты.

Глава 3

День первый. Пятница. Екатеринбург.

Несмотря на бесхитростное название, «Баньки у Иваныча» оказались большим, ухоженным комплексом. Сами бани, в количестве семнадцати штук, разместились в сосновом лесу. Между домиками бань талантливый ландшафтный дизайнер втиснул открытое кафе, прудик и многочисленные пешеходные дорожки, выводящие к небольшим беседкам с мангалами. Судя по припаркованным автомобилям, «Баньки у Иваныча» пользовались большим спросом у состоятельной публики.

Кирилла по-королевски и в гордом одиночестве разместили в домике под номером три. Вадим Аронович встречал го-

стей в баньке с порядковым номером пятнадцать. Несмотря на разницу в номерах, эти домики находились практически друг напротив друга и располагались на самом краю огороженной территории. До появления Шаца Оператор успел разместить прослушивающую аппаратуру в комнате отдыха пятнадцатой бани, а потом посидел на лавочке перед своим домиком, вдоволь надышался теплым хвойным воздухом и мысленно уважительно пожал руку неизвестному предпринимателю, организовавшему этот уютный комплекс. Некий Иваныч подошел к делу с душой, которая чувствовалась в каждой детали, будь то разбросанные под деревьями садовые гномы или милая резьба на деревянных лавочках.

Ближе к сумеркам пришлось приниматься за работу. Разумеется, Кирилл не заходил в парилку и даже не раздевался. Предложение обслуживающего персонала о доставке в баню напитков и еды было вежливо отклонено. Кирилл попросил его не беспокоить, дополнительно акцентировав на этом внимание администратора пятисотрублевой купюрой. Разложив аппаратуру, Оператор включил монитор терминала, ввёл код безопасности, разблокировав терминал, и из-за приоткрытой занавески наблюдал за прибытием веселой компании, за которой следовал хмурый Вадим Аронович.

Четыре мужчины, включая Шаца, пропустили вперед себя трёх крепких молодых людей, тащивших пакеты с алкоголем и различной снедью. Носильщики оставили свой груз и, бегло осмотрев баню, пожелали хорошего отдыха. Компа-

ния мужчин, подбадривавших друг друга сальными шутками, скрылась за дверями бани. Кирилл убедился, что троица крепких молодых людей направилась в здание крытого кафе у входа в банный комплекс, и сосредоточился на экране.

Судя по разобранным пакетам, гости собирались отдохнуть шумно и со вкусом. Арендованная на шесть часов баня освобождалась далеко за полночь, к тому времени московские гости должны были быть в полнейшей некондиции. Хотя компания подобралась суровая. Щеголяющие в одних полотенцах мужчины производили впечатление крепких и выносливых. Даже явно старший здесь по возрасту Севастьянов, мужик исполинских габаритов, несмотря на некоторую обрюзглость, излучал богатырское здоровье и молодецкую удаль. Да, такие перепьют любого.

– Ну как вам, дорогие гости? – пробасил ещё трезвый Севастьянов. – Шац даром, что еврей, знает толк в правильном отдыхе.

– Женщины будут? – отозвался кто-то из парилки.

– Конечно, – Шац разливал напитки по стаканам и раскладывал нарезку.

– Только давай без марамоек, Вадик, – прокомментировал тот же голос. – Не порть отдых.

– Только лучшие женщины города-героя Свердловска, – поддержал младшего товарища Севастьянов. – Мы за ценой не постоим!

– А что, Свердловск город-герой? – спросил мужчина, до

сих пор не отрывающийся от планшета.

– А вот увидишь наших баб и сам решишь, – расхохотался собственной грубой шутке Севастьянов.

– Ты, дядя Миша, интригуешь. Давай часа через три вызывай, а пока потолкуем по-мужски.

Мужчина отложил планшет и направился в душевую. По скромному предположению притаившегося в соседнем домике Оператора, в этот раз московские гости приезда раскрепощенных женщин не дождутся. Не допустит Вадим Аронович лишних жертв, не его, если это уместно сказать в сложившихся обстоятельствах, стиль.

Прошедшие с начала вечеринки два часа не подарили никаких запоминающихся событий. Миниатюрная колонка чистым звуком передавала Оператору все разговоры. Беседа в бане не отличалась от любой другой. Мужчины травили байки, периодически вставляя в разговор рассуждения о расстановке сил на политических олимпиах разных уровней. Сегодняшнее собрание не подразумевало никаких переговоров, они пришли отдохнуть и расслабиться в неформальной атмосфере. В том формате, который был недоступен в обычной жизни большинству присутствующих из-за высокой занятости.

Кирилл поглядывал на дорожку, ведущую к домикам. Извилистая, укрепленная по бокам белоснежными камешками, тропка раздваивалась непосредственно перед баньками под номерами три и пятнадцать. Оператор посмотрел на развил-

ку и усмехнулся, вспомнив о прочитанной сегодня утром на форуме теории бифуркации. Когда много думаешь о вариантах развития событий, начинаешь искать точки отсчета в любых бытовых вещах.

Большей частью Оператор следил за дорогой из-за опасения увидеть приближающуюся охрану, но за два часа гостей соседнего домика никто так и не побеспокоил. Важные люди отдыхали в проверенном кругу друзей и холуям были не рады. Тем не менее, Кирилл не сомневался, что охрана находится неподалеку и при необходимости прибудет на место в считанные секунды. Вадим Аронович по-прежнему медлил, а Оператор поглядывал на монитор одним глазом. Слушать бесконечные разговоры с вкраплением мата, усиливающимся по мере поступления в организм алкоголя, было скучно.

В скором времени Кирилл планировал отправиться в заслуженный отпуск и перебирал возможные варианты направлений. Благодаря своей работе он не нуждался в деньгах и мог себе позволить любой сервис и географию. Оператор много ездил по России и отпуск хотелось провести на зарубежных курортах.

Несколько практически слившихся в единый треск хлопков вывели Оператора из состояния благодушных размышлений. Кирилл даже не сообразил, как услышал эти хлопки – через аппаратуру или окно. Вадим Аронович работал пистолетом с глушителем, но этот, как сейчас модно говорить, девайс не делал оружие полностью бесшумным. За три года

работы Кирилл научился разбираться в оружии. Оператор лихорадочно считывал обстановку в бане, не забывая поглядывать в сторону дорожки: появление вооруженной охраны потребовало бы немедленной реакции и прекращения сеанса.

Никто из телохранителей московских гостей не появился. Вадим Аронович сменил обойму и обходил залитую кровью баню, завершая начатое контрольными выстрелами. Кроме него, в домике номер пятнадцать ещё дышал только истинный антигерой сегодняшнего вечера – Севастьянов. Огромная туша Михаила Антоновича свернулась в большой комок и скулила. Похоже Шац прострелил старому товарищу обе колени.

– Рассказывай.

Шац положил пистолет на стол и держал в руке армейский нож. Кирилл пропустил начало разговора и теперь наклонился к колонке (в чем не было никакого смысла), чтобы не пропустить ни одного слова и разобраться в странном поведении Клиента.

– Ты с ума сошел, Вадик! Ты чего творишь?

– Рассказывай. Не надо юлить.

– Да ты понимаешь, кого ты завалил, идиот?

Севастьянов смог взять себя в руки и сел на полу, поджимая ноги и опершись на стену.

– Чтобы ты не задумал, мы уже трупы. Даже мне не отмазаться.

– Наплевать, – тем же усталым грустным тоном оборвал истерику Вадим Аронович.

– Наплевать ему! – Севастьянов вскинул руку в знак негодования. – Что ты тут расселся со своим ножичком? Ты забыл кто я?

Вадим Аронович молниеносно наклонился к сидящему на полу Севастьянову и резкими быстрыми движениями нанес несколько резанных ран Михаилу Антоновичу. Севастьянов взвыл от боли.

– Сука! – орал Севастьянов. – Да как же так-то? Что на тебя, сволочь, нашло!?

– Расскажи про Машу.

– Какая ещё Маша, урод?

– Сестра, – Вадим Аронович сунул в лицо Севастьянову фотографию старшеклассницы. – Моя сестра.

Михаил Антонович много матерился. Он переходил с крика на мольбы, пытался увещевать и обещал простить. Вадим Аронович ловко и болезненно орудовал ножом. Севастьянов снова орал и матерился. Он клялся, что не помнит никакой Маши, потом вспоминал о десятках своих жертв.

– Ты знаешь сколько было этих проשמандовок? Их хватили на улицах и тащили ко мне. Отовсюду! Из кафе и кинотеатров, с дискотек и свиданий. Все хотели уважить дядю Мишу!

– Дядя Миша, – презрительно пробормотал Шац. – Ты ответишь за всех. Ты ведь понимаешь, что не уйдешь отсюда?

– Да куда уж мне, – зло выкрикнул Севастьянов и выразительно посмотрел на простреленные ноги. – Резать меня прекрати, трусливый ты жидёнок.

– Прекращу. Признайся, – Вадим Аронович воткнул нож в громадную ляжку своей жертвы.

– Хорошо! – заорал от новой порции боли раненый. – Хорошо, сволочь ты поганая. Была она, да! Я об этом позже узнал, когда тебя уже к себе взял. Рассказали мне хорошие люди, но что это меняло? Ну трахнул я её и что?! Подробностей хочешь? Как она кусалась хочешь знать?

Глаза Севастьянова налились кровью, изо рта при каждом выкрикнутом слове фонтаном брызгала слюна. Казалось в порыве гнева он может встать несмотря на все ранения и проломить голову своего мучителя.

– А потом убил? – без эмоций спросил Шац.

– Конечно, нет! Зачем? Я их всех отдавал. Я всегда делился.

– Тварь, – со всхлипом выдавил Вадим Аронович и с усилием повернул рукоять ножа, разрывая плоть. Севастьянов опять заорал благим матом. – А кто убил? – тихо спросил Шац.

– Я мальчишкам её отдал. Дружка твоего бригаде. Они её и притащили!

– Имена вспомнишь? – Шац говорил всё тише.

– Да откуда? У дружка своего спроси!

– Спрошу, – почти беззвучно прошептал Вадим Ароно-

вич.

Шац стиснул зубы и вонзил армейский нож в висок Севастьянова. Могучее тело Михаила Антоновича даже не дернулось, только тяжёлая голова гулко стукнулась об обшитую деревянной вагонкой стенку.

В бане номер пятнадцать воцарилась тишина. Кириллу показалось, что он слышит собственное сердце. Пожалуй, впервые за три года он хотел посмотреть на убитого Клиентом человека. Состояние Шаца Оператор даже не пытался представить. Безобразное, отвратительное откровение Севастьянова останется навсегда. Скоро Оператор отмотает сегодняшний день на десять тридцать утра, «дядя Миша» Севастьянов будет сытно и счастливо жить, а Вадим Аронович никогда не забудет случившегося.

Через некоторое время Шац появился в единственном окне, прорубленном в прихожей. Он подал условный знак, перекрещивая руки, и Кирилл облегченно вздохнув приготовился совершить последнюю манипуляцию психологически тяжелого сеанса. Нажимая кнопку, он представил себя в утреннем восточном кафе и пообещал сам себе постараться забыть страшную историю Севастьянова.

Кнопка поддалась пальцу и ушла в основание корпуса. Кирилл моргнул и, забывая сглотнуть мгновенно скопившуюся во рту слюну, осознал: он по-прежнему находился на окраине вечернего Екатеринбурга, а в соседнем домике оставался Клиент в окружении трёх трупов.

Глава 4

День первый. Пятница. Екатеринбург.

Случайному свидетелю, оказавшемуся на дорожке, ведущей к домикам под номерами три и пятнадцать, могло показаться забавным, что полуголый мужчина, обернутый одним полотенцем, забыв про тапочки, выбежал из одной бани и, не оглядываясь по сторонам, припустил к домику напротив. Этот же мужчина вскоре вернулся, проделал обратный путь и через некоторое время появился на дорожке вновь. На этот раз полуголый мужчина внимательно посмотрел в разные стороны, он даже задрал голову вверх и замер на несколько секунд словно выискивая что-то в сгущающихся сумерках. Не обнаружив ни радуги, ни дронов, ни волшебных фей, он во второй раз бросился к домику с литерой три.

На этот раз мужчина пробыл в домике подольше. Сторонний наблюдатель мог бы уже и забыть о странном поведении обернутого в полотенце мужчины, но тот снова появился на крыльце. Мужчина ещё раз неспешно осмотрелся и подав кому-то знак рукой, направился к своему домику под номером пятнадцать. За мужчиной вышел молодой человек. Тот выглядел взъерошенным и растерянным. В отличие от своего спутника парень был полностью одет и нес в руке спортивный рюкзак.

Кирилл по-прежнему ощущал на шее железные пальцы Шаца. Оператор понуро плёлся за своим Клиентом на место преступления. Место и само преступление должны были исчезнуть, но Оператор шёл именно туда. Кириллу стало дурно.

На ватных ногах он миновал узкую прихожую и практически ввалился в комнату отдыха. По телу стремительно, в разных направлениях одновременно, растекалась противная слабость, колени предательски подгибались. В комнате мелькнули растянувшиеся в нелепых позах, казавшиеся бесконечно большими в этом помещении с низким потолком, тела. Кирилл на мгновение зажмурился. Он непроизвольно втянул носом воздух. Никакого запаха смерти, никакого давящего ужаса, ничего такого. Только мерный скучный голос бесстрастного репортёра из включённого телевизора. Кирилл заставил себя открыть глаза.

Шац уже прошёл в другой конец комнаты. Он удалился на добрый десяток шагов и замер рядом с осевшим на пол Севастьяновым. Окровавленный «дядя Миша» словно вышел из парилки и присел отдохнуть, опёршись спиной на прохладную стенку. Всю могучую грудь Севастьянова заливала кровь, из правого виска торчала рукоятка ножа. Вдоль правой стены, ровно между полупрозрачными дверями в душ и парилку лежали два тела с пулевыми отверстиями в голове.

Этих мужчин убили первыми. Без эмоций, быстро и эффективно. Севастьянову досталось больше.

Вадим Аронович с противным хрустом вытащил нож из виска Севастьянова. Крупная голова подалась за рукой своего палача, а затем откинулась обратно и завалилась под бородком на грудь. Шац направил окровавленный клинок в сторону Кирилла и показал на перевернутую скамейку.

– Пробуй ещё.

Ослабевшими руками Кирилл поставил на место тяжёлую скамью и расстегнул молнию рюкзака – терминал как ни в чем не бывало поблескивал стальным корпусом. Разместив устройство на столе, Оператор приступил к уже кажущемуся идиотским действием – непрерывному нажатию на клавишу. Экран терминала работал. На Кирилла смотрели данные сессии, показатели Клиента. Графики ползли, диаграммы мигали и меняли пропорции. Даже текущее время, Оператор сверился с наручными часами, шло верно и без перебоев. Но возврат в точку отсчета не происходил. Кириллу было нужно время. Но его у Оператора не было.

– Собираемся, – Шац уже был одет и складывал в кожаную походную сумку оружие.

Тон Вадима Ароновича не подразумевал и малейшего возражения. Хотя возразить Кириллу было как раз нечего. За всё время с момента неудавшегося возврата в точку отсчета он не проронил и слова, если не считать невнятного лепета о сбое системы.

Кирилл захлопнул терминал и закинул аппарат в рюкзак. Он ещё раз скользнул глазами по трём трупам. Намеренно не задерживаясь взглядом на мёртвых телах, он автоматически отмечал аккуратные отверстия на головах двух мужчин, изуродованное ножевыми ранами тело Севастьянова... Чёрт побери, Кирилл видел зверства и похуже, так почему именно Шац остался со своими трупами в реальности? Почему именно Кирилл стал тем самым Оператором, который не вернул Клиента в условленное время? Не может быть, чтобы он стал первым провалившимся заказ Клиента. В конце концов, он не настолько невезучий.

– Нам нужно убраться отсюда. Никогда и никому не отмыться на этом месте преступления. Мы ведь можем уйти отсюда? – Шац показал на терминал. – Не стоит дожидаться гостей.

После краткой вспышки ярости после незакрытой петли времени, Вадим Аронович оставался сдержанным и собранным, в его тоне даже сохранялись оттенки вежливости. Оператор помотал головой – точка возврата была во времени и не зависела от их местоположения, они могли уйти. Он закинул рюкзак на спину и в этот момент входная дверь распахнулась. Кирилла обдал свежий воздух.

– Тук-тук, кто заказывал суши?

Веселый немного истеричный и скрипучий мужской голос парализовал Кирилла. Оператор застыл спиной к входной двери, так и не продев вторую руку в лямку рюкзака.

Он поборол желание вновь зажмуриться и впился взглядом в Шаца. Вадим Аронович как раз направлялся к выходу, он был одет и в правой руке держал свою похожую на торпеду походную сумку. И без того обтянутые кожей скулы Шаца побелели от сжатых челюстей. Кирилл находился между Шацем и неизвестным посетителем. Он медленно развернулся в сторону двери.

Мужчина в плотных темных джинсах и красной поло уже миновал прихожую и застыл в двух шагах от Кирилла. Незваному гостю было далеко за пятьдесят. Чуть ниже среднего роста, коренастый, с короткой как у Шаца стрижкой, он с нелепым видом оглядывал помещение. В руках мужчины гроздьями повисли не менее шести пакетов с суши.

– Тебя-то кто звал, Юра, – устало и немного обреченно выдавил Шац.

– Суши вот привез.

Юра приподнял пакеты с коробками еды в качестве доказательства своих слов. На его лице, покрытом сетью глубоких морщинок, застыло недоумение. Он несомненно уже разглядел мёртвые тела, глубоко посаженные серые глаза растерянно оглядывали помещение, переходя с одного трупа на другой. Наконец взгляд остановился на Вадиме. Лицо мужчины резко изменилось, а взгляд стал жёстким. Он видимо хотел что-то сказать, уже открыл рот и сделал шаг назад, но Вадим Аронович среагировал быстрее.

Шац разжал руку с сумкой, и пока торпедообразный сак-

вояж падал, уже приблизился к мужчине, сократив расстояние в несколько метров двумя то ли шагами, то ли прыжками. Еще не сблизившись с Юрой, он выбросил вперед руку. Удар в горло как будто совсем не потревожил так некстати появившегося мужчину, он лишь крякнул и прекратил пятиться. Через мгновение Вадим Аронович был уже сзади невольного свидетеля тройного убийства. Кирилл толком не рассмотрел всю серию ударов, в которую вошли тычок ногой под колени, пара болезненных ударов по почкам.

С головокружительной скоростью Вадим Аронович уложил скрючившегося Юрия на полу. Шац с сомнением посмотрел на Кирилла, словно обдумывая попросить ли того о помощи, но быстро отказался от своей мысли и приступил к самостоятельным действиям. Через считанные секунды Юра был стреножен брючным ремнём, его руки заломлены за спину и плотно зафиксированы лямкой от торпедообразной сумки. Рот перевязан разорванной простыней.

– Юра, Юра.

Вадим Аронович наконец присел на лавку. Связанный Юра отчаянно мычал. Тугая повязка практически не пропускала звуки. Шац с видимым усилием поднялся, переступил через разбросанные пакеты с японской едой и взял с пола небольшую сумочку Юры. Быстро проверив содержимое, он убрал в карман брюк ключи от машины и деньги.

– Уходим, – бросил Кириллу Вадим Аронович.

Кирилл подхватил сумку Шаца, поправил на спине рюк-

зак с терминалом, аккуратно обошёл связанного и поспешил вслед за Вадимом Ароновичем. Напоследок он бросил взгляд на связанного Юру. Мужчина отчаянно хрипел и ёрзал на полу, его глаза налились кровью и яростно буравили Кирилла. Оператор был рад, что не слышит всей гневной тирады пленника. Самодельный кляп плотно закрывал рот связанного мужчины, он мог дышать только носом.

– А если у него насморк? – спросил на крыльце Кирилл и это были его первые внятные слова за последние несколько часов.

Щац ничего не ответил, он внимательно рассматривал выход из банного комплекса. Настало время покинуть место преступления.

***

Они беспрепятственно прошли по петляющей между домиками-баньками и могучими соснами дорожке до самого выхода. В летнем кафе из семи столиков только за одним расположился посетитель. Мужчина в красной бейсболке задумчиво что-то черкал в блокноте, он не посмотрел на Щаца и Оператора, как раз сейчас официант подавал клиенту фирменный шашлык. Никого из охраны Севастьянова и его сопровождающих на улице не оказалось. Хотя в чём-то повезло.

Вадим Аронович вышел за пределы банного комплекса и

облегченно вздохнул. Они уже были на парковке, по трассе пролетали машины, сумерки окончательно уступали место ночной темноте.

***

– У вас работают камеры? – неожиданно спросил посетитель в красной бейсболке.

– Видеонаблюдение? – сообразительный официант бросил взгляд на одну из камер, закрепленную на одной из сосен. – Муляжи. Только это секрет, – молодой человек подмигнул и заговорщицки добавил. – Для безопасности была мысль вести съемку, но у нас публика солидная. Многие гости бывают в приватной компании, если вы меня понимаете. А ведь они, как правило, в законных отношениях, – добавил официант для полной ясности.

– Понимаю, – лаконично ответил мужчина в красной бейсболке и сделал какую-то пометку в блокноте.

Официант подозрительно посмотрел на блокнот одинокого посетителя. Пожалуй, он сболтнул лишнее. Мужчина потерял к нему всякий интерес и, немного помявшись у столика, официант наконец ушёл.

Мужчина в красной бейсболке отпил пиво и одной затяжкой докурил тлеющую в пепельнице сигарету. Он придвинул к себе шашлык и с аппетитом принялся ужинать.

Глава 5

День первый. Пятница. Екатеринбург.

Белый Х5 мерно мигал аварийкой, в открытое окно заплывал тёплый сладковатый от множества росших на лугу трав воздух. То затихая, то вновь набирая силу трещали насекомые. Цикады? Нет, откуда на Урале цикады. Пожалуй, обычные кузнечики или сверчки.

Шац остановился здесь после тридцати минут бешеной гонки. Он не проронил ни слова за весь путь, неожиданно остановился и несколько раз ударил кулаком в середину руля. Клаксон обиженно захлебывался под кулаком Вадима Ароновича. Шац быстро вышел из машины, практически выбежал и даже не закрыл дверь. Кирилл никогда бы не подумал, что в короткое слово «сука» можно вложить столько отчаяния. Ночь была не такой уж и тёмной. Полная луна освещала дорогу и поле справа. По левой стороне дорожного полотна монолитной стеной замерли деревья. Смешанный лес из хвой и берез безучастно наблюдал за одинокой машиной, не мешал волнением крон, не оттягивал на себя внимание.

Вадим Аронович сидел на обочине и смотрел в сторону бескрайнего поля. Кирилл не сводил глаз со своего Клиента. Он ли его подвёл, должна ли его грызть совесть? За три года он сотни раз сдерживал ярость и накатывающую рвоту, мечтал о возмездии для собственных Клиентов, представлял их опозоренными, раскрытыми в своих зверствах и извра-

щениях, представших с обречёнными лицами и поникшими фигурами перед законом и общественностью. Так почему он переживает из-за Шаца? Только ли потому что по обычным меркам Фирмы Вадим Аронович был незатейливым убийцей или он, Клиент, подкупил его подчеркнутым тактом и сдержанной вежливостью? Наверное, ответ крылся в другом. Кирилл чувствовал ответственность. И отвращение к жертве Шаца – Севастьянову.

Кирилл ощущал себя беспомощным. После тройного убийства он ожидал другого. Ему мерещились погони и перестрелки, вереницы полицейских патрулей и озлобленные бандиты. Но наяву ничего не происходило. Совсем ничего. Только летняя ночь, сверчки и притихший Клиент.

Шац поднялся с земли, отряхнул брюки и вернулся к машине. Он молча забрал смартфон Кирилла и зашвырнул его в кусты у обочины. Распотрошив рюкзак, Шац выкинул в другую сторону дороги ноутбук. Некоторое время разглядывал терминал и, так ничего и не сказав, обошёл BMW и сел за руль. Вадим Аронович пристегнулся ремнём безопасности, выключил аварийку и выехал на дорогу. Похоже, в отличие от Кирилла у него был план.

***

День второй. Суббота. Екатеринбург. Улица Академическая.

Дверь плавно поддавалась лёгкому нажиму. Мужчина слегка поморщился, вспомнив противный, разъедающий мозг скрип железных петель. Смазать петли было первым вложением в эту съемную квартиру. Ещё до покупки стола и техники, кофеварки и аквариума с золотой рыбкой. Аквариум. Он всегда хотел иметь аквариум из иностранных фильмов, обычный стеклянный сосуд, напоминающий раздутый пузырь или пакет с водой, только с отрезанным горлышком. Никаких систем очистки воды, подачи кислорода, минимум пластмассовых декоративных водорослей. Одинокая, как и он сам, золотая рыбка. Временное, как и у него, жилище.

Строго говоря он арендовал только комнату в двухкомнатной хрущевке. Устный договор был на вторую, маленькую комнатушку, путь к которой лежал через большой зал. Поначалу такое решение казалось верным. Он заменил межкомнатную дверь, поставил усиленный врезной замок и лично проложил интернет кабель в свои владения. Только вот Петя стал быстро надоедать. Здоровая паранойя была тревогу: если уж собутыльники Пети, зачастую черпавшие недюжинные силы в алкоголе, и не раскроют всех секретов арендатора, то рано или поздно, взломают дверь и вынесут всю аппаратуру.

Петя был арендодателем. Он давным-давно миновал тот нежный возраст, когда его имя ещё не трансформировалось в увесистое Пётр, однако, сам представлялся не иначе как Петей, не считая подобное обращение к взрослому человеку

предпенсионного возраста чрезмерно неформальным. Собственник «изысканных двухкомнатных апартаментов в тихом центре был готов сдать часть жилплощади любому интеллигентному путешественнику», а также «был рад неспешным взрослым беседам с интеллектуально развитым человеком». Что подразумевалось под «взрослыми» беседами у Пети уточнить не удалось, в момент сдачи комнаты он не был в состоянии вести внятный диалог.

Петя оказался запойным алкоголиком. В моменты прозрения он и правда был склонен к обстоятельным беседам, сопровождая все свои слова бодрым иканием.

Теперь горе-собственник квартиры жил в дальней, меньшей из двух, комнате собственной жилплощади. Почти каждое утро он принимал неизвестный ему препарат и запивал безвкусную пилюлю обильными порциями алкоголя. Арендатор щедро снабжал гостеприимного хозяина напитками и закуской, но не выпускал из собственной квартиры. Точнее из маленькой комнаты, в которой вместе с узником размещались стеллажи водки, нехитрая еда, помойное ведро для естественных отправлений несчастного арестанта, а также кушетка и телевизор.

Арендатор прошёл в узкую прихожую и беззвучно закрыл дверь. Петли опять не подвели. Соседям не стоило знать график жильцов этой квартиры. Для их собственного блага. Пусть Анна Дмитриевна, старушка из квартиры напротив, спит спокойно и не присматривается к «спокойному мужчи-

не, снимающему у Пети комнатку».

«Спокойный мужчина» снял красную бейсболку и повесил спортивный головной убор на единственный крючок. Где-то за тумбочкой валялась оторванная утром планка с пятью крючками, но вешать её обратно было бессмысленно. Как и любой ремонт пока ты в петле времени. Когда последняя сессия закроется, тихий арендатор сюда больше не вернется.

Он на несколько секунд задержался у зеркала, попытался взъерошить редкие русые волосы, но быстро сдался – после пятидесяти и без того негустая шевелюра несла сокрушительные потери как по количеству, так и по качеству волос. Хотя он не седел. Волосы оставались светлыми, как и двадцать, и сорок лет назад. Он прошёл на кухню, налил воды из полупустой пятилитровки и одним махом осушил эмалированную кружку. Не включая свет, переместился в комнату. Несколько компьютеров и мониторов мигали и светили индикаторами. Он сел в кресло и замер, всматриваясь в золотую рыбку, нарезающую замысловатые фигуры в небольшом круглом аквариуме.

– Мне нужно пару минут.

Он привык разговаривать с самим собой. Эта странность появилась ещё в детстве, проявившись в полной мере в студенческие годы и окончательно закрепившись в дальнейшем. Мужчине было лень анализировать такую особенность. Отчим зло называл его аутистом, что возможно частично бы-

ло правдой.

Опустив голову на спинку кресла, мужчина бессмысленно устался в потолок. А затем ненадолго закрыл глаза. Спать не хотелось. Адреналин уже не будоражил, он находился в этой петле далеко не в первый раз, эмоции притупились, а новизна первых суток давно стёрлась.

Не открывая глаз, он помассировал виски, покачал головой, разминая шею, и наконец решил, что готов к работе. Перед несколькими часами сна было необходимо внести корректировки сегодняшней сессии в сводную таблицу. Даже его математический мозг не справлялся с множеством анализируемых данных, не мог держать в памяти все засекаемые временные промежутки. Мужчина открыл глаза, выпрямился и придвинул к себе разлинованную общую тетрадь. Половина листов формата А4 были испещрены цифрами. В течение нескольких минут графы первого дня текущей петли времени были заполнены.

– Ну и что им делать? – он оторвался от записей и вновь заговорил сам с собой. – К кому обратиться? Если бы мне пришлось сорвать сессию, я...ну не знаю. Хотя нет знаю. Пристрелил бы клиента и свалил из страны. Спрятался. Только у этого Кирилла смелости не хватает. Не та закалка... Шац он другой. Он решительный. Но тоже не готов на крайности. Пока не готов. Поэтому-то мы им и помогаем. Заблудившихся нужно направить. Дать ориентир.

Он взял со стола ноутбук. Проверка писем, многочислен-

ные логины и пароли. Мужчина сверхъестественно быстро работал и переключался между всплывающими окнами. Разные браузеры, ядовитый интерфейс большинства форумов и спрятанных в глубины даркнета страничек. Он действовал уверенно и последовательно. Наконец мужчина вздохнул и закрыл ноутбук.

– Как и ожидалось, пока никакой активности. У нас-то всё с тобой под контролем? – спросил он вполне серьезно у золотой рыбки, пучившей глаза из аквариума – Наш друг Петя? Хорошо, давай проверим данные, чтобы исключить субъективизм и эмоции.

Мужчина встал и ушёл в дальний конец комнаты. Несколько мгновений постоял у двери, ведущей в комнату хозяина квартиры. Никаких звуков безвредный пьянчужка не издавал, удовлетворенно хмыкнув, мужчина достал из потрепанного фанерного чемодана современный саквояж и вернулся к креслу. Усевшись на своё прежнее место перед золотой рыбкой, он открыл саквояж и нежно провел рукой по металлическому корпусу увесистого старомодного дипломата.

– Новые значительно легче. Ох уж эти их новомодные штучки, – золотая рыбка сделала круг по аквариуму, словно в знак солидарности. – У сотрудников практически нет простора для творчества, только функция. И эту функцию постоянно урезают. Таковы общемировые тенденции. Я могу их понять. Их, хозяев всего этого банкета. Они боятся.

Да-да, бояться, – рыбка беззвучно открывала рот, наверняка имея своё мнение по обсуждаемому вопросу, но её никто не хотел слушать. – Они боятся лишней информации и, скажем так, нежелательных инициатив. Поэтому их терминалы объединены в сеть и поддерживают только одну петлю. В мои времена каждый такой аппарат, – он похлопал дипломат рукой, – был ого-го какой добычей! Поэтому они и придумали отрубать терминалы дистанционно. Нажали кнопку где-то в Москве или, например, Иваново, и через считанные мгновения терминал в Париже стал грудой бесполезного железа. Надо признать решение изящное. Ведь именно я его придумал! – он гордо посмотрел на золотую рыбку, ожидая похвалы и признания.

Мужчина достал дипломат и отбросил ненужный кожаный саквояж. Некоторое время ушло на пальпирование царапин и зарубок. Это стало обязательным ритуалом. Дипломат прошёл многое, выжил на настоящей войне, бойне, в которой они оба должны были сгинуть. Как отработанный материал, как допустимый сопутствующий ущерб.

Отбросив неприятные воспоминания, он резко распахнул дипломат. Экран терминала серии СВЛ-16 был открыт на текущей сессии. Судя по показателям состояние Пети, хозяина квартиры, оставалось стабильным.

– Вот же здоровье у человека. Соплей перешибешь, на вид задохлик задохликом. Пьёт уже лет двадцать, а сердце качает. Мда...

Он всегда умел делать несколько дел одновременно. Вот и сейчас, ведя неспешную беседу то с самим собой, то с бессловесной рыбешкой, мужчина изучал показатели жизнедеятельности Пети, оценивал риски для его здоровья, и вновь одиноко разглагольствовал в тёмной комнате.

Перед сном нужно было проверить и другие открытые сессии.

Глава 6

День второй. Суббота. Екатеринбург.

Вадим Аронович припарковал машину в частном секторе, долго звонил в калитку и с кем-то переговаривался по встроенному домофону. Затем он вернулся к Кириллу, занял свое место на водительском сиденье и сохранял молчание добрых полчаса. Потом появился он. Огромный, бочкообразный детина словно материализовался в воздухе, вынырнул из ниоткуда и напугал Оператора до непроизвольного крика. Незнакомец приблизился к ним со стороны Кирилла, сложив руки большим кольцом, он прислонился к стеклу, и видимо в чем-то убедившись, постучал костяшкой пальца по стеклу.

Вадим Аронович отдал великану ключи, и они с Кириллом пересели в белую Camry. Шац опять кружил по окраинам города, белая тойота то выезжала в густонаселенные районы Екатеринбурга, то опять ныряла в темные улицы частного сектора. Кирилл окончательно запутался в их переме-

щениях, он давно перестал следить за дорогой и только обнимал свой неработающий терминал.

Наконец они прибыли на место, с третьего захода нашли место на забитой парковке и направились к многоэтажному дому. На торце здания светилась табличка с красивым названием: улица Ясная.

Их никто не встречал, и они топтались у закрытого медицинского центра, занимающего не меньше половины первого этажа многоэтажки. Через некоторое время появился великан. При свете уличных фонарей он оказался больше похожим на человека, хотя всё равно приводил Кирилла в трепет своими ужасающими габаритами. Оператор ни разу в жизни не видел таких крупных азиатов, а широкое круглое лицо и немного раскосые глаза не оставляли сомнений в его этнической принадлежности.

– Закрыто, – озвучил очевидное Вадим Аронович, показывая взглядом на дверь.

– Надо с чёрного.

Азиат провёл их через двор, попутно открыв целых три зарешеченных двери с кодовыми замками, которыми жильцы защищали свой двор от наркоманов и других непрошенных гостей. Внутри медицинского центра оказалось темно, но азиат, занимая собой чуть ли не весь коридор, уверенно пошёл налево. Одна из дверей многочисленных кабинетов была приоткрыта, пробивающийся оттуда свет не оставлял Кириллу и его спутникам иного маршрута.

Их встретил обаятельный, излучающий энергию и уверенность мужчина. Он полусидел на столе, опершись на столешницу. Хозяин кабинета демонстративно положил рядом с собой пистолет и коротко поприветствовал Вадима Ароновича.

– Сделал? – спросил Шац.

– И жену, и дочь, – медленно ответил мужчина, не меняя позы.

– Спасибо, Паша, – облегченно выдохнул Вадим Аронович.

В квадратном кабинете, по прикидкам Кирилла не больше тридцати квадратных метров, повисла пауза. Оператор и Шац стояли перед Павлом, за ними шумно дышал бочкообразный азиат.

– У меня, Вадик, телефон разрывается, – облокотившийся на стол мужчина показал вибрирующий телефон. – А ты толком ничего не объяснил. Нурлан перегнал машину Юры. Глупо было её брать.

– Психанул, – коротко ответил Шац. – Всё должно было закончиться не так. Только ты можешь понять. Оператор, – Вадим Аронович показал на Кирилла.

– Оператор? – на лице Павла появился интерес.

Кирилл облегченно выдохнул. Он понял задумку Шаца и даже успел мысленно одобрить такое решение. Они приехали к человеку, который знал о петлях времени и похоже был достаточно авторитетным для помощи в сложившейся ситу-

ации. Несмотря на недружелюбный прием, Павел производил впечатление доброго дядюшки, способного решать любые проблемы.

– Павел Дыжин, – представился Кириллу хозяин кабинета.

Павел внимательно выслушал рассказ Шаца, изредка перебивая вопросами. Он предсказуемо подозрительно поглядывал на Оператора, но разрешил Нурлану выйти из кабинета. Они расселись в разные стороны. Павел пересел за стол, на кремовое кожаное кресло, Вадим Аронович расположился на удобном на вид диванчике, а Кирилл деликатно устроился на обычном офисном стуле.

Терминал торжественно расположили на журнальном столике. Все трое не отрывали от устройства глаз и, наверное, напоминали археологов нашедших непонятную, но однозначно ценнейшую реликвию. Только бесконечная вибрация телефона Дыжина нарушала тишину в кабинете после рассказа Шаца.

– Удивил ты, Вадик, – наконец сказал Дыжин. – Я думал у тебя яйца с горошинку. Это ж надо придумать, дядю Мишу завалить.

– Ублюдок он, – только и ответил Шац.

– Согласен, – вполне радостно подхватил Павел. – Только я бы не решился его завалить. Да никто бы не решился. Хотя он не только здесь всем надоел. Сколько он уже в Москве? Лет пять. Дядя Миша не дипломат, он как двадцать пять лет

назад был бульдозером, так и остался. Никакой изящности. А амбиции, да помноженные на деньги... Понимаешь к чему я клоню?

– Без понятия, – честно ответил Вадим Аронович.

– А я к тому, что врагов у него много.

– Мне он не враг, – через силу выдавил Шац.

– Враг, враг. Причём кровный, – Павел вышел из-за стола и опять облокотился пятой точкой на столешницу. – Я знаю, что ты ему Машу приписываешь. И свою вину за неё чувствую, не уберег. Сто раз обсуждали. Меня ты в своих петлях времени не убивал?

– Нет, – Вадим Аронович смотрел в пол.

– И на том спасибо. Ситуация дрянная. Три жмурика за тобой. Москвичи с дядей Мишей из спецслужб были. Подробностей не знаю, сейчас этих служб как грязи, любые три буквы соедини и что-нибудь грозное получится. Как у боксеров с их поясами. Ладно, лирика. Короче, по силовым линиям тебя точно прижимать будут. А ещё сам дядя Миша. Тут местные на тебя обидятся. И шалупонь, и ребята посерьезнее. Этот, – Дыжин показал на Кирилла, – нам похоже не помощник.

– Я готов помочь, – вскинулся Кирилл, даже чуть привстал со стула, но тут же притих. – Только не знаю как.

– Не знаю как, – передразнил его Дыжин. – Ты мне ответь, как же это у вас с Фирмой вашей связи нет?

– Я получаю указания через личный кабинет, у меня ни-

когда не было необходимости задавать вопросы, – пояснил Оператор. – Периодически с нами связываются, проводят беседы. Разные места, разные люди. Еще по дороге из этих бань я попытался зайти в кабинет, посмотреть входящие письма, но система меня не пустила.

– Что значит не пустила?

– Неверный логин или пароль, – пробормотал Кирилл и развел руками.

– Хорошо, – не сдавался Павел. – Вот, например, терминал, такой серьезный аппарат и через него нет связи?

– Нет. Никаких передатчиков или типа того. Нельзя допустить помехи, иначе возможны фатальные для сеанса нарушения.

– Ну я смотрю он и без помех отказался работать.

– Он работает, – горячо запротестовал Кирилл. – Видите, он отражает текущий сеанс. Тут дело в другом, терминал не реагирует на любые команды, как если от компьютера отсоединить клавиатуру. Хоть застучись по кнопкам.

– И нельзя провести, а точнее закончить петлю с другого устройства? Они как-то объединены?

Кирилл замялся, но отступить было некуда. Не он заварил эту кашу, не ему и решать допустимость дозволенного. В конце концов, после благополучного исхода Фирма сама разберется с излишне информированным Клиентом. Даст денег или скидку. Если же их поиски окажутся безрезультатными, то его скорее всего убьют прямо здесь. Тогда проблема рас-

крытия информации встанет для него в один ряд с глобальным потеплением и подарком классному руководителю на десятилетние окончания школы.

– Точно сказать не могу, – наконец выдал из себя Кирилл. – Современные терминалы объединили в сеть. Но я не слышал о дистанционном замыкании петли.

– Ты и о подобной ситуации не слышал, – зло прокомментировал Дыжин. – Значит нужно поддавить на вашу Фирму, чтобы они разобрались и вернули всё на свои места. Давай я разобью его к чертям, и у них там, наконец, какой-нибудь сигнал разбудит ответственных за этот беспредел бездельников.

Дыжин вскочил со своего места и сделал шаг к столу с терминалом. Идея не показалась Кириллу удачной. Весь его опыт и обрывочная информация требовали остановить разгорячившегося Павла. Что-то подсказывало – устройство их единственная зацепка, без него они потеряют интерес для Фирмы. Кирилл вспомнил о пугающих слухах на форумах.

– Нет! – Оператор сам не ожидал от себя подобной резкости. – Пока рано. У нас ведь никто не отнимал надежду на возобновление связи.

– Согласен, – включился в разговор Вадим Аронович, сидевший до этого с полузакрытыми глазами в кресле. – Надо думать дальше. Предлагайте, Кирилл. Покопайтесь в памяти.

– Я стараюсь, – честно ответил Оператор.

– Тогда вскроем! – не унимался Павел. – Найдём толковых айтишников.

– Терминал самоуничтожится при вскрытии, – Оператор в очередной раз развеял планы Дыжина и неуверенно добавил. – По крайней мере так нас инструктировали.

– Если бы я читал все инструкции...

– Слишком большой риск, Паша, – опять заступился за позицию Кирилла Вадим Аронович.

Все трое снова бестолково посмотрели на терминал:

– Может поломка? Как вы там про клавиатуру сказали? Окислились контакты, мало ли что могло случиться, – Дыжин насупившись молчал, и теперь Шац задавал вопросы.

– Тогда была бы инструкция. Все случаи поломок фиксируются. Техники составляют полный отчёт, разрабатывают алгоритмы действий, протоколы.

– Что за техники? – живо включился Павел. – Где найти?

– Редкие специалисты, разбираются в железе. А искать их бесполезно.

– Туповатый он, Вадик. Совсем ведь толку нет. Или игру свою ведёт.

– Другого нет, – вздохнул Шац.

– Мне бы моего Алёшку сюда. Тот поопытнее и толковый парень. Мы с ним много дел делали.

Дыжин не стал упоминать совместные сеансы с его Оператором. В нарушение всех инструкций Оператор Алексей участвовал в сценариях Клиента, благо память об исчезнув-

ших впоследствии событиях оставалась у них обоих. Разумеется, в отчётах Оператор не отражал своих сомнительных подвигов, отмечая при этом поступки Дыжина вполне полно и точно.

– Значит нужен твой оператор. У тебя когда следующая петля?

– Шустрый ты. Это же конфиденциально. А вдруг я тебя прихлопнуть решу, как ты Севастьянова порешил?

– Боюсь скоро меня и без тебя прихлопнут. По-настоящему.

– Не нагнетай, – Дыжин попытался изобразить примиряющий жест. – Нет у меня новой петли пока. Денег на этот наркотик заработать надо.

– Подожди, а давай сейчас? – Шац даже привстал с кресла от озарившей его идеи.

– Что?

– Аукцион на вечер. Давай, Паша. Выручай. Вызовем твоего Алексея, пусть помогает.

– Там только через сутки ведь... а к чёрту, давай попробовать.

Дыжин пересел к своему компьютеру и быстро открыл нужную страничку. Пальцы ловко скользнули над клавиатурой, едва заметно набирая логин и пароль. Кирилл ни разу не видел пользовательского интерфейса и об аукционах знал мало. По сути он знал о них только как о факте. Клиенты взаимодействовали с Фирмой через сеть, тот самый дарк-

нет. Для «мелких» Клиентов проводили аукцион, каждый выбирал временной промежуток и торговался с конкурентами за право купить петлю времени. «Крупных» Клиентов вели персональные менеджеры.

Придвинуться к Дыжину не получилось, место рядом с Павлом занял Шац.

Через считанные минуты Дыжин получил стандартное подтверждение и уведомление о предварительной стоимости услуг. Ценник его заметно порадовал. Павел вышел из-за стола и плюхнулся на диван. Он выглядел так, будто только что решил все проблемы.

– Вечером в субботу ждём. Алексей нам поможет, – уверенно заявил Дыжин. – Я не доверяю людям младше сорока, – он не очень-то тактично ткнул пальцем в сторону Кирилла. – Не то поколение. Поверхностные они. Поколение сто сорок.

– Это что ещё за поколение? – вяло отозвался Вадим Аронович, оставшийся за компьютером и изучавший подтверждение сеанса.

– Это из Твиттера. Есть такая социальная сеть. Кстати, ни разу прибыль не показывали за всю историю, можешь представить? А деньги в них вкладывают, мама не горюй.

– И что там с этой сетью-то? – Шац наконец оторвался от изучения документов.

– У них можно писать до ста сорока знаков в одном сообщении.

– Сейчас двести восемьдесят, – зачем-то вклинился в разговор Кирилл, ни разу в жизни не пользовавшийся Твиттером.

– Ну я это придумал не вчера, – немного обиженно парировал Павел. – Короче говоря, я вывел теорию. Все эти миллениалы, поколение Y и как их только там не называют, они поколение сто сорок. Все знания умещаются в сто сорок знаков. А разве можно изучить вопрос по такой крохе информации?

– Пожалуй, что нет.

Шац отвечал с неохотой, из вежливости. Он думал о том, что до вечера ещё больше четырнадцать часов, и всё это время его будут искать за тройное убийство.

– Ладно, оставим лирику и поговорим о плане Б. Этого уберем? – Дыжин опять говорил о Кирилле.

– Да пусть сидит. Чего уж, – отмахнулся Вадим Аронович.

– Как хочешь, – с неохотой согласился Павел. – Что если это не ошибка? Что если аппарат не ломался, как мы сейчас решили?

Кирилл и Шац недоуменно уставились на Дыжина.

– У Севастьянова много врагов. Сильных и влиятельных. Я с этого начал. Ты знаешь, что они ведут на всех нас досье?

– Кто?

– Операторы наши, – горько усмехнулся Дыжин. – Помощнички, мать их. Алексей, оператор мой, пьет ещё хуже тебя, а ты мою политику знаешь. При знакомстве, человек-

ка надо напоить и внимательно послушать, подготовиться к сюрпризам, так сказать. Они описывают всё, что ты наделал, и называют это сценарием. Каково?

– Звучит не очень, – отозвался Вадим Аронович. – Продолжай.

– Продолжаю, – охотно отозвался Павел. – Ты ведь только Севастьянова и убивал раз за разом, верно? – Шац неохотно кивнул. – Вадик, Вадик... не сложно было догадаться. Проблема в том, что об этом знаю не только я. Улавливаешь мысль?

– Обрубить сеанс и сделать убийство реальным, – задумчиво проговорил Шац.

– Идеальное убийство! – почти радостно подытожил Дыжин. – К тому же не зря у него, – на этот раз Павел ограничился только кивком в сторону Оператора, – связь с его конторой пропала. Думаю, парня тоже слили. Не факт, что на дядю Мишу заказ был. Может на собутыльников его московских.

Кирилл вжался в офисный стул и сидел тише воды. Он разом вспомнил все предупреждения в Сети, которые он считал глупостью и бредом. Вы продаёте безнаказанность клиентам, но за всё придется платить, – такая и подобные ей угрозы наводняли форумы даркнета.

– Валить тебе надо, – продолжил Павел. – Через Казахстан, потом в Израиль. Лена паспорт твой взяла, я проконтролировал. С Нурланом границу проедешь, там вариантов

множество. Три убийства... если не менты, так тебя наши же порешат.

– Уезжать поздно. Колмаков уже, наверное, всех поднял.

– Юру надо было убить, – просто сказал Павел.

Вадим Аронович промолчал. Дыжин пролистал десятки пропущенных звонков на телефоне.

– Пора мне ехать, посмотреть кровавую баньку. А то пациенты не поймут, – Павел саркастически изобразил распальцовку. – Ложитесь спать. Может я нагнетаю.

Нурлан проводил Кирилла в одну из медицинских комнат. Запретив открывать окно, он протопал в коридор и захлопнул дверь.

Кирилл лежал с открытыми глазами. Он не мог связаться с Фирмой, его профиль был заблокирован, терминал будто завис и стал бесполезным. В случае обрыва сессии по инициативе Фирмы у них не оставалось шанса. Что может ЕГО клиент? «Это было понарошку, убивать этих людей не имел умысла и мотива, – Кирилл представил Шаца перед судом присяжных. – Прошу винить во всем Фирму, оказавшую мне ненадлежащую услугу. Нет, про Фирму ничего не знаю. Нет, никого конкретно обвинить не могу. Нет, доказательств своих слов суду предоставить не могу». Кирилл грустно усмехнулся.

Кстати Вадим Аронович хотя бы мог скрыться в другой стране, для самого Кирилла этот путь был закрыт. Похоже у Оператора оставалось только два союзника: известный ему

менее суток Шац и знакомый всего пару часов Дыжин. Если мотивация Клиента была понятна, они были в одной упряжке, то Дыжин для Кирилла оставался тёмной лошадкой. Нет, мужик он, конечно, в себе уверенный и производит впечатление надёжного...

На улице рассветало.

Глава 7

Павел Дыжин делил свою жизнь на три этапа. Сначала он был ребенком, потом искал себя и, наконец, стал успешным предпринимателем.

Кто-то помнит себя лет с пяти. Он запросто наберет с десятков ярких эпизодов о днях рождения, первой банке сгущёнки, любимой игрушке, сбитой коленке (обязательно правой), прыжков с гаражей или, например, первом детском поцелуе на площадке садика. Иные вспомнят и ясли, и пеленки, а есть и те, что на голубом глазу расскажут об утробе матери. Вспомнят музыку, что та слушала на сносках или ссору родителей. Без подробностей, только нечёткие эмоции. Это, конечно, болтуны. Павел Сергеевич Дыжин вёл отсчет своим воспоминаниям с шести лет. И именно с этого возраста (а не с рождения или, например, яслей) считал себя ребенком.

Паша родился в марте, в свои полные шесть лет он готовился перешагнуть заветный порог таинственной, но заманчивой школы. Школа только маячила где-то впереди, а пока, в июне, он отправился в деревню. Набираться сил перед

первым учебным годом.

Его привезли на машине. Марку и цвет Паша не запомнил. Он помнил восторг мамы и гордость папы – автомобиль в семье появился за месяц до поездки, и советский мальчик смутно понимал грандиозность этой покупки. Личный транспорт производил интерес и в городе, но именно в деревне Паша оценил весь масштаб создаваемого автомобилем эффекта. Не успев разгрузиться у ворот дома, а Паша активно помогал перетаскивать сумки, узлы и корзины, городские гости были окружены плотной толпой чумазых туземцев. Мальчики и девочки с исцарапанными ногами, опухшими от укусов комаров руками и лицами, цокали языками, норовили постучать, потрогать, а самые шустрые и вскарабкаться на автомобиль. Кто-то просился посидеть в салоне, некоторые (видимо постарше) умудрялись вставлять заумные вопросы о лошадиных силах и даже карбюраторе. Паша нервничал. Он растерялся от всех этих криков и напора оравы нахальных детей. Он не знал слово карбюратор, а предположение о «лошадях под капотом» и вовсе заставляло сомневаться в умственной полноценности местных детей. Паша хотел, чтобы все чужие ушли, и он сделал для этого всё возможное. Паша заплакал.

По словам мамы Паша плакал, когда нервничал. А когда плакал Паша, нервничал его папа. Отец не очень понимал, как успокаивать нервы сына и эмпирическим путём нашёл универсальное решение – давать ребенку желаемое. Это шло

вразрез с воспитательными методами мамы, но было неизменно эффективно. Пашин папа грубо разогнал чужих детей, а к вечеру и сам уехал в город. На ближайšie два с половиной месяца Паша остался с бабушкой, тёткой и обиженными детьми с соседних улиц.

Первый раз Пашу побили на следующий день. Он не сопротивлялся. Не знал, что можно. Первый раз он только плакал. Во второй раз он убежал. Как и в третий, четвёртый и пятый. А потом в его жизни появился дядя Гриша.

Дядя Гриша работал в местном коровнике загадочным механизатором, всегда был в хорошем настроении, странно пах и приударял за Пашиной тёткой. Зачем он «приударял» тётку Паше было неизвестно. Пашу и самого били соседские дети, разумеется, он не видел в этом ничего хорошего. Благо сама тётка похоже не обижалась на дядю Гришу и даже поощряла его регулярные визиты. Бабка ворчала, но тоже была рада «рукастому мужику». В доме и хозяйстве была нужна умелая мужская рука, а дядя Гриша был несомненно одарённым человеком.

Вникнув в проблему мальчика, дядя Гриша не отвернулся от Паши. Вместо этого он начал давать советы.

– Имя у тебя неудачное, пацан, – первым делом авторитетно заявил дядя Гриша. – Павел, Паша, Пашка...тьфу. Имя должно греметь! Имя – оно как стержень.

– Наука об именах называется антропонимика, – вставила тётка. Она любила читать отрывные календари и газеты,

Паша считал свою тётку очень начитанным человеком.

– Про индейцев слышал? – добавил дядя Гриша. – Вот у них имя человека определяло. Задавало жизненный путь.

Про индейцев Паша не слышал. Много позже он усомнился и в знаниях самого дяди Гриши по этому экзотическому в наших краях вопросу. Паша не хотел вникать в наверняка сложную науку антропонимику и был готов немедленно взять имя Гриша, но это оказалось невозможным.

– Так не пойдёт, – отрезал специалист по антропонимике. – Имя Григорий не просто так дается. Тут стержень нужен, да такой что двумя руками схватишься да не согнешь.

Дядя Гриша изобразил невидимый стержень и обхватил его обеими руками. Тётка противненько рассмеялась, чем расстроила Пашу ещё больше. Мелькнувшая была надежда решить все свои проблемы сменой имени рухнула, да ещё и под глупый смех родного как казалось человека.

– Но не грусти, – подмигнул дядя Гриша. – Вот фамилия у тебя какая?

– Дыжин? – с сомнением и вопросом ответил Паша.

– Дыжин! – пробасил дядя Гриша. – Мощная фамилия! Короткая и сильная. Так и представляйся. Не Пашка ты, слюнтяй городской, а Дыжин. И бей.

– Бить? – Паша надеялся обойтись без драк.

– С такой фамилией не страшно. С первого раза может не получиться. Но это потому что ты к фамилии ещё не привык. И ещё: бить надо первым.

И Паша начал бить. Остается только догадываться сколько раз с диким кличем «Дыжин» несся на своих противников городской мальчишка, но фактом оставалось одно: провожать в конце августа Пашу пришли почти все соседские дети.

Много лет подряд Паша Дыжин приезжал в деревню на всё лето. Дядя Гриша бросил «приударять» за тёткой мальчика, но самого парнишку не бросил. Паша по-прежнему ловил каждое слово деревенского механизатора, набирался уму-разуму и с сожалением возвращался в город перед первым сентября. За многие месяцы каникул, проведенных в деревне, Павел Дыжин усвоил две вещи: во-первых, нужно бить первым, а во-вторых... а во-вторых, принимать роды у коровы не страшно.

Дядя Гриша объяснял несмышлёному подопечному необходимость быть первым, сметливым и в меру наглым. А ещё он очень любил слово инициатива.

– Я беру это на складе, – механизатор показывал изогнутую несколько раз железяку. – И продаю твоей бабке. Честно?

– Честно, – неохотно соглашался Паша, подозревая подвох.

– Но беру бесплатно, – подсказывал дядя Гриша.

– Тогда нечестно, – радостно подхватывал способный ученик.

– Возможно, – снисходительно соглашался предприимчи-

вый механизатор. – Но главное не в этом. Почём отдать деталь?

– За три? – наугад палил Паша.

– Рубля? – с усмешкой переспрашивал дядя Гриша. – Допустим. Но главное в другом, – на этом месте наставник становился серьезным. – Деталей у меня тридцать, а бабка твоя одна.

– И что делать? – сокрушенно спрашивал Паша.

– Не знаю. Но надо стремиться к масштабу. Инициативу проявлять.

– А может моей бабке две детали продать? – импровизировал ученик.

– Да ей и одна то не нужна. Это я инициативу проявил, убедил старушку. Только ты ей об этом не говори.

Откуда дядя Гриша узнал и главное почему так беззаветно полюбил слово инициатива осталось для Павла загадкой. Дядя Гриша вообще знал много разных слов. Он изысканно матерился и блистал вполне себе научной терминологией. Если талантливый и инициативный механизатор не знал значения слова, то он не колеблясь придумывал ему собственное значение, а так как в компетенцию дяди Гриши входили все возможные работы с техникой и коммуникациями, то деревенские охотно прислушивались к специалисту в наступавшем веке автоматизации. Проверить значение слов, обильно сыпавшимися от главной звезды сельского населенного пункта всё равно было некому.

Дела у дяди Гриши шли неплохо, и он регулярно грустил об упущенных возможностях. Паша грустил вместе с дядей Гришей. Паша мечтал организовать продажу всех тридцати деталей со склада дяди Гриши. Раз продавать можно то, что людям и не нужно, то тридцать человек всегда можно найти. Страна у нас большая.

Через несколько лет Павел Дыжин узнал о понятии сетевой маркетинг.

Тем временем жизнь менялась. В 90-м семья Дыжиных перебралась в Свердловск. Агония большого государства не особо коснулась подростка. Его заботой была новая школа, неизбежные стычки с одноклассниками и прыщи.

Сергей Дыжин, отец школьника, никогда не славился особо внимательным родителем, но сына любил и с тревогой ожидал перевода единственного отпрыска в новую школу. Паше нужны были друзья и Дыжин старший с радостью ухватился за новое знакомство – мало того, что семья Арона Шаца жила в соседнем подъезде, так и сам Арон был коллегой Сергея. Работа в одном НИИ, нередкие совместные посиделки и общий круг внерабочих интересов делали сына Арона Шаца идеальным другом для Павла Дыжина в новом городе.

Отдав сына на попечение местного мальчишки Вадима, Сергей Дыжин успокоился и окончательно перестал вникать в дела Павла. Сам молодой Дыжин взаимно не интересовался делами отца, ограничиваясь осознанием важности отцовской работы и его статусом доктора каких-то теоретических

наук. Павел с интересом присматривался к скромному и тихому Вадиму.

Вадим Шац не был обычным тихоней. Парень всерьез увлекался биатлоном, неплохо учился и уверенно держал себя в коллективе. Рабочий микрорайон, в котором предстояло жить Дыжину был знаком одиночке Вадиму до каждого коллектора, гаража и заброшенного сарая. Павел заявил, что у Шаца нормальное имя и он готов с ним общаться. Несколько опешивший от такого начала Вадим принял предложение дружбы и немедленно приступил к назначенным родителями обязанностям по введению новичка в курс дела.

Конечно, сверстники пытались проверить новичка. Авторитет спокойного, но колючего Шаца не всегда охлаждал пыл одноклассников, но в большинстве случаев Павел Дыжин справлялся сам. Паша по-прежнему бил первый.

Вадим уравнивал бойкого Павла. Они вместе посещали кинозалы и дискотеки, ходили на парные свидания и оба неплохо учились. Павел хотел поступать в уральский политех, а Вадим на удивление не высказывал никаких пожеланий. Молодые друзья часто разглагольствовали о будущем. Жизнь шла своим чередом, страна менялась.

После школы Вадим уехал. Он принял решение в одиночку, не обсуждая важный шаг в семье. Никто не мог понять переезда в Израиль. Но Вадим никогда не менял своих решений и Павел Дыжин остался один.

Павел с удивлением смотрел на изменяющийся город. На

рынках появлялась одежда, недоступные раньше продукты и неизвестные до этого вещи. Паша очень хотел компьютер. Дыжина будоражили возможности тратить наличные и угнетало отсутствие этих самых денег. Впервые за многие годы он пристально посмотрел на отца. Перед глазами юноши был пример тяжелейшей интеллектуальной работы и скромные плоды этого труда. Павел Дыжин выбрал другой путь. Без Вадима никто не мог контролировать Павла.

Дыжин перестал посещать институт, влился в одну из мелких, растущих как грибы, группировок, занялся мелким рэкетом и даже служил мальчиком на побегушках. Он не стеснялся низкого статуса, он учился и ждал.

Толковый и деятельный Павел прошёл большой путь. Он брал своё неумной энергией, отчаянной дерзостью и проявившимся цинизмом. Вскоре двадцатилетний Павел Дыжин стал бригадиром. Его непосредственные начальники, авторитетные бизнесмены братья Ветровы, помимо прочего любили читать об итальянской мафии. Они пытались создать строгую вертикаль и решили сделать Павла своим консье́ри. Рядовым бойцам Дыжина не полагалось знать личности братьев, а самим Ветровым было не досуг знакомиться с часто меняющимися «пехотинцами». Благодаря поддерживаемой философии инкогнито главарей, братья Ветровы могли позволить себе жить без охраны.

В январе 94-го авторитетные бизнесмены прогуливались по зимнему ночному городу. Снег оглушительно скрипел

под тяжёлыми ботинками, морозный воздух выкуривал из организма алкоголь. Скорее всего бизнесмены строили дальнейшие планы, а может быть обсуждали проституток. Тема их ночной беседы была не так уж и важна, определяющим стала их роковая встреча с четверкой молодых и наглых крепких парней в надвинутых на глазах шапках. Богато одетые братья Ветровы сверкнули лакомой добычей в глазах мелких начинающих бандитов, а собственная значимость не позволила отдать вещи без боя.

Дыжину предстояло много о чем подумать. Мало того, что по иронии судьбы его боссов зарезали собственные бойцы, он оставался без главарей, регулировавших споры за дележ территории и прикрывавших Павла от милиции. Дыжину совершенно не хотелось становится главным, он знал насколько это не просто и прекрасно видел скоротечные карьеры других главарей. Павел подался к набирающему силу Севастьянову.

Михаил Севастьянов был везде. Его интересовали любые активы и сферы применения собственных сил и нарастающих капиталов. Сообразительный и незаурядный Павел Дыжин пришёлся ко двору человека, называемого не иначе как дядя Миша. Севастьянову, мужчине выдающихся габаритов и жизнерадостного славянского лица, льстило считать себя добрым дядюшкой для своих подчиненных. Жёсткую руку и получаемую львиную долю со всех начинаний подопечных, он компенсировал обильными застольями и мнимой заботой

о преданной ему молодёжи.

Павел никогда не требовал много. Он практически каждый месяц приносил новые «темы» и прекрасно справлялся с деликатными поручениями. Кроме всего прочего Дыжин с лёгкостью освоил лизоблюдское обращение «дядя Миша» и производил впечатление преданнейшего из преданных людей. Севастьянов с интересом смотрел на способного парня, но не питал иллюзий, скоро от талантливого мальчишки придётся избавиться. Михаил Севастьянов не собирался возвращать конкурента, а Дыжин, помимо прочего, стремительно набирал авторитет и проявлял завидные организаторские навыки.

В середине 96-го года дядя Миша подписал Павлу смертный приговор.

В этот же день мама Павла и её подруга Валерия Шац пали жертвами симпатичного и убедительно продавца внушительных американских пылесосов. Павел застал дома обеих женщин, сестру Вадима и двух инженеров, вернувшихся с работы – Сергея Дыжина и Арона Шаца. Малообеспеченные, но неглупые инженеры сокрушённо качали головами над сомнительной техникой, их жёны причитали о собственной глупости, а шестнадцатилетняя Маша Шац поведала Павлу о непростительно высокой цене, выложенной «этим кукушками» за пылесосы. Паша позволил себе отметить расцветающую нежную красоту сестры своего пропавшего на Ближнем Востоке друга и внимательно выслушал исто-

рию глупой необдуманной покупки.

Ближайшие пару часов Павел Дыжин посвятил поиску обаятельного менеджера, расхваливающего чудо-технику женщинам, только недавно переставшим «заряжать» воду напротив телевизора. Сначала шустрый менеджер пытался юлить и продолжал рекламировать пылесос уже самому Дыжину. Однако, Павел был прагматичнее матери. Только благодаря искреннему рассказу ловкого менеджера об уловках и политике компании решение о немедленном возмездии было отложено. Павел Дыжин крепко задумался.

Скорее всего, дядя Миша облегченно выдохнул, когда Павел изложил ему суть своего нового проекта. Он выходил из старых «тем», переставал мешаться у Севастьянова под ногами и собирался с головой погрузиться в новый мир. Мир сетевого маркетинга, агрессивных продаж и всех сопутствующих смежных услуг. Разумеется, Михаил Севастьянов становился в новом начинании своего подопечного покровителем и основным бенефициаром.

Павел Дыжин наконец нашёл себя. Перспективы выбранной им ниши поражали воображение. Собственные таланты, помноженные на прикрытие Севастьянова, рисовали безоблачное будущее.

А ещё через год из Израиля вернулся Вадим. Похороны жестоко изнасилованной и задушенной Марии Шац прошли под проливным дождем.

Глава 8

День второй. Суббота. Калуга

Каждое утро отличается от любого другого. А если почти каждый день встречаешь летний рассвет в другом городе, то можно любоваться восходящим солнцем всякий раз по-новому. Женщина средних лет, энергично выпрыгнувшая из такси и немедленно направившаяся к припаркованному Volkswagen Multivan, не интересовалась рассветом и казалось совершенно не имела способности испытывать эмоции.

Женщина остановилась перед машиной и мельком взглянула на одноэтажное огороженное здание напротив. Она недовольно скривила верхнюю губу. Чтобы добраться к рассвету в Калугу из Москвы ей пришлось трястись на бюджетном такси. Сегодняшний день, чем бы не закончилась операция, уже не посвятить исследовательской работе. Для плодотворного труда ей был необходим полноценный сон.

В минивэне было на удивление комфортно. Двое мужчин нависали над сидящей в кресле женщиной, изучавшей видеозаписи на ноутбуке. Тишину в салоне стилизованного под транспорт доставки цветов фольксвагена нарушал невнятный хрипящий звук, сопровождающий видео, и нетерпеливое сопение одного из мужчин.

– И долго они там? – спросила женщина с акцентом человека, редко говорящего по-русски.

– С вечера. Окапываются, – отреагировал молодой, не

больше тридцати пяти лет, мужчина.

– Пряма-таки окапываются? – искренне удивилась женщина.

– Ага, – кивнул тот же мужчина. – У него там куча гастарбайтеров, не меньше сорока голов. Кто с чем. Вилы, ножи, арматура. Долбаный Хэллоуин.

– Помягче, Виталий, – вклинился в разговор второй мужчина. – С нами дама.

– Да похер, – расставила приоритеты дама. – Суббота. Утро. Мы в чёртовой Калуге. Не теряйте время, продолжайте.

– Они там серьезно укрепились, Наталья Сергеевна. Само здание, – Виталий достал распечатанную карту с россыпью цветных пометок, – одноэтажное. Подвал технический. Там никого нет. Клиент разместился в своем кабинете, это почти центр здания. Там же Оператор, не менее пяти ряженных и даже местный журналист. Гастарбайтеры его у окон дежурят. Двор пустой.

– Ряженные? – переспросила Наталья Сергеевна.

– Сектанты какие-то, – невозмутимо ответил докладчик. – Может староверы или что-то в этом роде. Я в них не очень разбираюсь.

– Позвольте добавить, Наталья Сергеевна, – включился в разговор второй мужчина. – Переговоры провели. Ситуация зашла в тупик... Клиент, Бабакаев Аркадий, промашка, конечно, аналитиков, оказался истово верующим, его петля

времени повергла в шок, а потом в уныние. Все его мировоззрение в тартарары. Вот он и подтянул своих наставников или кто они там друг другу. В общем теперь там местный верховный сан с советниками и похоже кто-то на вроде охраны.

– А что за журналист?

– Некий Петров Анатолий Иванович. Заштатная газетенка калужская, ничего особенного. Но похоже, как сейчас модно говорить, успешный блогер. Я жду аналитику из офиса о его популярности.

– Да уж, собрание получается представительное. Спасибо за информацию, Игорь Викторович, – Наталья Сергеевна невидящим взглядом уставилась в карту.

Ситуация получалась отнюдь не заурядной. Итак, впечатлительный Клиент запускает петлю, не верит своим глазам и ощущениям, по данным разведки, скручивает Оператора и созывает подмогу. Они боятся нападения, закрываются в морге (благо Клиент важная шишка в ритуальных услугах) и требуют новой презентации для большей аудитории. Зрители многочисленны, здесь и духовные люди, и миряне из СМИ.

– Штурмуем? – между тем торопил с решением Игорь Викторович. – Наталья Сергеевна, вам решать.

Наталья Сергеевна думала совершенно о другом. Решение сегодняшней проблемы уже назревало, и она привычно начинала размышлять о системных вещах, разделяя в моз-

гу задачи и решая их параллельно. В целом, ей было наплевать на штурм, потери и шумиху. В конце концов, она не сомневалась в результате. Прямолинейный Виталик, даром что молод, но отличный ликвидатор. Игорь Викторович, конечно, семью пядями похвастаться не мог, но координатор был надежный, аккуратный. Вопрос они закроют, даже если придётся положить всех гастарбайтеров. Сорок человек сюда, двадцать туда. Это не важно. На планете ещё шесть миллиардов. Проблема Натальи Сергеевны была не в сегодняшнем дне и запершемся в здании морга Клиенте, проблема крылась в тенденции, а Наталья Сергеевна как никак уже три года гордо именовалась Техником. Техники не закрывали глаза на тенденции, они их скрупулёзно отслеживали. Проблемы они систематизировали, разбивали на части и решали. Решали по умолчанию успешно.

Она ожидала нечто подобного. Монополия не может быть вечной. Фирма и так продержалась удивительно долго. Первые звоночки появились пару лет назад. Невнятная активность в Сети, провокационные вопросы, письма. Персонал был не на шутку взбудоражен, пришлось платить больше. Но это было только начало. Ты можешь контролировать своих людей, но сложно влиять на Клиентов. Основа их деликатного бизнеса – репутация, безусловное доверие. Редкие дошные Клиенты прочесывали пласты Сети и натыкались на предупреждения. Необоснованные страхи множились.

А потом появились объявления. Гонорар Фирмы сбивали

второе.

Они не успевали реагировать на всё. Фирме нужны были люди. Но люди не умеют хранить секреты. Не принявший этот факт обречён. Фирма пыталась. Они прошли большой путь. Техники внедряли защитные протоколы и межевали информацию формальными инструкциями. Они разделяли мир на квадраты, работу на функции. Они запрещали общение, меняли подчиненных местами (саму Наталью Сергеевну только неделю назад перевели в Россию после годичной командировки), но количество сотрудников росло. А люди не умеют хранить секреты.

– Штурмовать можно, – Виталий между тем продолжал обсуждать текущую ситуацию. – Разумеется под прикрытием петли. Я просчитывал. Без потерь никак. Надо минимизировать.

– Твои бойцы против обычных работяг? Да я на них и гроша не поставлю, надо заходить в лоб и шумовыми гранатами... Не мне тебя учить, Виталя, – Игорь Викторович не был кровожадным человеком, но он не спал вторые сутки подряд и отчаянно хотел домой.

– Основной вход с фасада заблокирован. Они там хлама набросали, вполне себе достойные баррикады получились. Быстро пройти не получится, увязнем. Если заходить со двора, то через забор незаметно не проскочить. Нужно ждать ночи, – Виталий сложил руки на груди, демонстрируя твердость своей позиции.

– Ну ты у нас Ликвидатор, – обиженно и нарочито пафосно произнес Игорь Викторович.

– У меня вот вопрос, – Виталий пару мгновений подбирал слова. – Ходят слухи... мне Оператор один объяснял... в общем терминалы после двух суток самоуничтожаются. Правда?

– Нет, – резко бросила Наталья Сергеевна, но поразмыслив уже мягче добавила. – Не совсем так. В случае открытой сессии больше сорока восьми часов система автоматически признает устройство неблагонадёжным и дистанционно выжигает всю операционку. Грубо говоря, терминал становится просто тремя килограммами железа. Это можно изменить вручную, если мы знаем, что происходит с терминалом.

– Подстраховка? – ликвидатор достаточно быстро сообразил.

Наталья Сергеевна кивнула. Систему дистанционного поражения устройства разрабатывал ещё её наставник, она довела дело до конца и успешно внедрила. Все современные терминалы принимали единый сигнал, и каждый аппарат можно было вывести посредством направления особого программного кода. Другими словами, компьютерного вируса. Наталье Сергеевне пока не удавалось решить одну загвоздку: только активированный терминал мог принять сигнал с вирусом. В случае закрытой петли времени достучаться до устройства дистанционно она не могла. Приходилось ждать новой активации. Техник была готова признать, она уступа-

ла в способностях своему наставнику. Но признавать это было просто не перед кем.

Эти и другие подробности Техник объяснять не считала нужным. Диалог с ликвидатором и так подтверждал мрачные опасения Натальи Сергеевны: людей становилось всё больше. Вот и Виталию проболтался какой-то Оператор. А ведь бесполезно расспрашивать парня о личности болтуна, такие как Виталий своих не сдают.

– Так зачем нам напрягаться? Открыть им сессию и подождать сорок восемь часов. А мёртвый терминал они никому не предьявят.

Игорь Викторович скривился, ему совсем не хотелось дежурить ещё двое суток.

Мужчины молчали, ожидая принятия решения Техником.

– Сейчас пять утра, темноты ждать состаримся, – Наталья Сергеевна достала телефон и быстро набрала комбинацию пароля. – Ждать сорок восемь часов тоже не резон, слухов и так слишком много. Мы дадим ему капсулы. Распорядитесь, Игорь Викторович.

– Настоящие? – ужаснулся Игорь Викторович. – Наталья Сергеевна! Он ведь не просто так этого выскочку из газеты пригласил! И все эти, как выразился Виталий, ряженные! Для одних это будет шоком, а для репортёришки настоящая сенсация.

– Настоящие, конечно, – терпеливо ответила Техник. –

С ними Оператор, он должен зафиксировать начало сессии. Иначе никак.

– Но в чём смысл? – окончательно опешил Игорь Викторович.

– Мы дадим им презентацию. И убедим в идиотизме Бабакаева, – уверенно ответила Наталья Сергеевна, она уже кому-то звонила.

***

Всё прошло до смешного легко и успешно. Наталья Сергеевна лично прошла сквозь разболтанный строй вооружённых гастарбайтеров (сбитые с толку, запуганные люди ничего не понимали, но усиленно сдвигали брови и играли желваками, в общем создавали, по их мнению, грозный вид). Она уверенно перешагнула порог кабинета Бабакаева, попутно успев удивиться размерам помещения и обшарпанности мебели, сердито оглядела присутствующих мужчин и, взяв свободный стул, уселась ровно напротив заседающих за столом бородатых дядек. Троица представительных мужчин распивала чай из блюдец – из блюдец, чёрт побери! – сбоку от них скучал молодой журналист, а за спинами любителей чая, переступая с ноги на ногу, виселись два крупных парня. Та самая охрана, о которой предупреждал координатор. Футболки, облегающие чрезмерно раскачанные тела охранников, были испещрены надписями на старославянском, а

лица выражали тоску и усталость.

Наталья Сергеевна молчала. Она бросила короткий взгляд на понурого Оператора и самого Бабакаева, сидевшего у окна в обнимку с драгоценным терминалом. Больше в комнате никого не было. Шумно отхлебнув чай, один из старцев разомкнул уста, пророкотал глубоким, низким голосом.

– Принесла?

Наталья Сергеевна кивнула. Она смотрела на бородатую трицу с презрением, возможно, такая тактика была выбрана не верно.

– В какой вере крещена?

– Не верую, батюшка. – ехидно ответила Наталья Сергеевна и перешла на решительный отчитывающий тон. – Взрослые мужики, а устроили клоунаду. Мальчишку тут ни за что маринуете, ультиматумы ставите, а у нас работа, нам жизни спасать надо.

Техник разыгрывала основную инструкцию Операторов. В случае неприятных вопросов они принимались талдычить о секретных разработках, медицинских нанотехнологиях или нести любую схожую ахинею. Лучше выглядеть дурачком, чем признаться в истинном назначении терминала.

– Как же, – довольно крякнул старец, будто не заметивший вызывающего тона собеседницы. – Говорил юноша об этом. Путался, но говорил. Вот мы и попросили демонстрацию. А что здесь собрались, да в таких условиях, – бородач развёл руками. – Так это чтобы никто дров не наломал.

Наталья Сергеевна посмотрела на часы. Стоило ускориться. Не продолжая диалог, она продемонстрировала присутствующим капсулу. Медленно встав со стула, Техник направилась к Оператору и Бабакаеву.

– Разрешите мне, – прервал её действия всё тот же бородач. – Аркадий сообщил, что это принципиально.

Он выплыл из-за стола и навис над Натальей Сергеевной. Мужик оказался огромный. Техник положила капсулу в широкую теплую ладонь. Бородач мягко улыбнулся и, не раздумывая, проглотил таблетку. Осмелевший в присутствии своих Оператор последовал его примеру. Парень вряд ли понимал замысел, но был рад начать делать хоть что-то. Наличие в комнате руководства позволяло перестать думать самому. Просто действуй и будь что будет.

Оператор открыл терминал и синхронизировал нового Клиента. Петля времени была запущена.

– Повторюсь, – деловым тоном начала говорить Наталья Сергеевна. – аппарат экспериментальный. Позволяет сканировать организм пациента. Инновационные технологии. Наночастицы, – многозначительно добавила Техник.

– Ну мы не на Первом канале, дорогая, – мягко сказал подключенный к временной петле бородач. – Нам умных слов недостаточно. Вот Аркадий говорил, что если кнопку нажать, – он указал на утрированно большую красную клавишу. – То всё назад вернется. В уме, конечно, не укладывается, но как не проверить?

Наталья Сергеевна скосила глаза на часы.

– Тогда ведь всё восстановится, не правда ли?

– Конечно, – согласился старец. – В этом весь смысл.

– Потрясающая была бы технология, какие перспективы! – Техник даже немного порозовела от нахлынувших эмоций.

– Как знать, – сухо ответил огромный бородач. – Вот Аркадий высказал вполне справедливые опасения.

– Полная чушь! – вдруг, словно отбросив фантазии об обсуждаемой технологии, резко заявила Наталья Сергеевна. – Это сугубо медицинское оборудование, и я понятия не имею, что в голове у этого психопата.

Техник с ненавистью посмотрела на Бабакаева, развернула терминал к бородачу и постучала коротким ногтем по дисплею.

– Вы видите? Здесь весь ваш организм. Давление, сосуды, все мышцы, температура тела... о, вам всего сорок три?

– Да, молод, – смущенно признал старец то ли от неожиданного раскрытия своего возраста, то ли от напора Техника. – И что с моим здоровьем?

Сорокатрёхлетний бородач потянулся к терминалу, но не менее чем в три раза уступающая ему в габаритах Наталья Сергеевна вырвала устройство из рук Оператора и убрала терминал себе за спину.

– А это уже за деньги. У нас всё-таки бизнес и я надеюсь вы не против.

Наталья Сергеевна зло оглядела всех присутствующих. Бородач смотрел на женщину с ласковой улыбкой, за столом никто не шелохнулся. Сидевший до этого без движения Бабакаев подпрыгнул на стуле и вскочил на ноги.

– Это фарс! Нажмите кнопку! Она просто тянет время! – он схватил стоящую на подоконнике вазу и подняв её над головой резко бросил на пол. – Нажмите кнопку, и ваза вернётся на место! Сатанинское устройство работает с красной кнопкой!

Техник посмотрела под ноги. Несколько осколков вазы долетели и до неё. Она развернула терминал и молча сделала главному бородачу приглашающий жест нажать на кнопку. «Старец» сомневался несколько секунд и вдавил клавишу.

***

– Как всё прошло?

Виталий остался с Натальей Сергеевной вдвоем у мини-эна. Координатор увёз вымотанного Оператора на личном транспорте, как расходились собранные Бабакаевым свидетели «сатанинского устройства» его не волновало.

– Терминал отключился. Закодированный вирус уничтожил внутренности сразу после активации. Предсказуемо ничего не произошло. Пока они носами шмыгали, вытащила застывшего Оператора за шкварку. Вот и вся история.

– Изящный ход, – признал Виталий. – Что делать с Баба-

каевым?

– Терминал теперь на свалку, а Бабакаев не моя забота. В конце концов, ты же у нас ликвидатор, Виталий.

Наталья Сергеевна, не прощаясь, направилась к подъехавшему такси. Они потратили здесь слишком много времени, а этим ресурсом она дорожила больше всего на свете. Сегодня поработать уже не получится. Стыдно признать, но нервы были на пределе. Терминал мог отключиться раньше, чем она провела вымышленную презентацию. Она бы осталась один на один с оскорбленными сектантами. Нет, поработать уже не получится. Сегодня она отвлечется и, не смотря на раннее утро, начать хотелось с холодного пива.

***

До Москвы оставалось не больше пятидесяти километров, когда телефон завибрировал. Наталья Сергеевна без удовольствия ознакомилась с новым заданием, перенаправила водителя в Шереметьево, купила за мили билет в Екатеринбург на ближайший рейс и отменила заявку на сайте мужских эскорт-услуг.

Глава 9

День второй. Суббота. Екатеринбург.

В комнате было душно. Ему не разрешили открывать окно

и небольшое помещение, напоминающее медицинскую палату, накалилось словно теплица. Ко всем неудобствам в виде жесткой кушетки и номинальной плоской подушке добавилась восточная сторона этой части здания – солнце щедро прогревало комнатушку несколько часов подряд.

Кирилл бездумно пялился на настенные часы. Начало второго. Он спал почти семь часов, вполне достаточно для восстановления сил, вот только недостаток кислорода и духота... Оператор любил спать со сквознячком, непременно со свежим ночным воздухом. Голова словно стала тяжелее остального тела, во рту пересохло. Кирилл заставил себя подняться и уселся на кушетке. Ноги не доставали до пола. Почему-то это показалось забавным.

На тумбочке у двери кто-то заботливо оставил полотенце и одноразовый гигиенический набор. Крохотная щетка в пакетике и малюсенький тюбик зубной пасты – всё как в лучших отелях. Кирилл осмотрелся. В противоположном углу обнаружилась раковина. Он спрыгнул с кушетки и с большим удовольствием умылся холодной водой. После освежающей мятной пасты во рту стало не так противно. Немного подумав, Кирилл сделал несколько жадных глотков воды из-под крана. Вода показалась жестковатой, но ничем не пахла, в отличие от прошлого умывания в отеле больше чем сутки назад. Кто-то говорил, что с непривычки в Екатеринбурге вода никому не нравится. Окончательно придя в себя после сна, молодой человек осмелел и открыл окно. Оставалось

найти туалет.

– Есть будешь?

Кирилл резко развернулся. В дверях, занимая весь проем, стоял улыбающийся Нурлан.

– Доброе утро. Мне бы сначала в туалет.

– Пошли. Говорят, терпеть вредно, – Нурлан беззвучно усмехнулся и скрылся в коридоре.

Пока Кирилл был в уборной, Нурлан принес еды. Казахский великан расстелил одноразовую простыню на кушетке, разложил коробки с заказной едой и уселся на стул с колесиками около двери. Окно осталось открытым. Кирилла тронула дымящаяся чашка с чаем, он с некоторым волнением и любопытством раскрыл коробки. Три куса сырной пиццы, пару треугольников с мясом и грибами, роллы без соевого соуса. Ему явно достались объедки. Обидно.

– Может разогреть? – участливо спросил Нурлан.

– Спасибо, не надо, – буркнул Кирилл и принялся жевать холодную пиццу с ветчиной и шампиньонами.

– Я в чай сахар положил, а молоко не стал. Не все любят.

– Сахара более чем достаточно, – ответил Кирилл, дожевывая кусок и отпив горячий сладкий чай. – Долго мне тут?

– Не знаю, братишка, – Нурлан развел в стороны огромные руки. – Шеф уехал, пока сидим здесь. Слушай, – казах ловко подкатился на стуле прямо к Кириллу. – вчера столько всего наговорили. Правда это всё? Ну, я про время и прочее.

– Правда, – ответил Кирилл с набитым ртом.

– Делaaaa, – протянул Нурлан. – Ну ты жуй, жуй.

Кирилл съел ещё пару кусков пиццы и допил чай. К тёплым роллам он даже не прикоснулся. Не хватало ещё отравиться протухшей рыбой. Где Екатеринбург, а где море? Он взобрался на кушетку, ощущая себя ребенком, карабкающимся на вторую полку в плацкарте, и облокотился на стену.

– А как у Павла отчество?

– Сергеевич, – отозвался Нурлан.

– Не могу себя заставить обращаться к человеку вдвое старше себя только по имени, – пояснил Кирилл. В его семье даже дядю и тётю было принято называть на «вы».

– Понимаю, дружище, понимаю. Я-то с ним уже почти двадцать лет в одной машине. Как из Казахстана приехал. Организовал пару вопросов, которые ему местные не могли решить, Паша и впечатлился. Будешь, говорит, на меня работать. Что умеешь? А что я умею? Вот водительские права есть, да всякое другое по мелочи. Так и ездим с ним повсюду. А так тоже бы Павлом Сергеевичем называл, – подытожил Нурлан.

– А про петли времени он ничего не говорил?

– Нет, – без тени обиды ответил казах. – Зачем мне лишняя информация? Он мне, когда пару часов свободного времени дает, я вопросов не задаю. И так круглосуточно считай вместе.

– Никогда не понимал, как можно нормально жить с таким графиком, – абсолютно искренне прокомментировал

Кирилл. – Семья же, дети. Дача там, друзья.

– Да какая семья, друг, – Нурлан махнул рукой. – Поехал я сюда за девушкой. Она русская, с родителями переехала. Тогда многие из Казахстана уезжали. Немцы, русские. Они и сейчас переезжают, но меньше, конечно. А мне двадцать лет, я влюблён. Вот и попёрся. Ни документов, ни черта. Ленка, моя, в итоге замуж за местного вышла. А я так и не сошёлся ни с кем.

– Кроме Павла Сергеевича, – рискованно пошутил Кирилл.

– Да-да, – Нурлан громко и искренне рассмеялся.

Казах говорил без малейшего акцента. Большой жизнерадостный человек. Рядом с таким чувствуешь себя безопасно, даже нет-нет, да и проскочит шальная и дурная мысль о возможной заварушке или потасовке. В такой компании можно было бы, если и не задираться, но смотреть по сторонам смелее. Сам Кирилл, высокий, но несколько сублильный, драчунном никогда не слыл, а секцию единоборств посещал ровно месяц, да и то в шесть лет.

В дверях появился Вадим Аронович. Как обычно подтянутый и прямой как палка он без приветствия поманил Кирилла:

– Пойдемте, ещё раз попробуем.

Вадим Аронович по-прежнему был подчеркнута вежлив и обращался к Кириллу на «вы». При появлении Шаца казах подобрался и встал со стула. Разговоры по душам и лёг-

кие шуточные пикировки закончились, Кириллу пора возвращаться во вчерашний ад.

***

Екатеринбург. Улица Академическая.

Сквозь плотно закрытые шторы пробивался солнечный свет. Он проснулся час назад, но не спешил вставать. Сегодня было важное событие, нужно было переломить неблагоприятно складывающиеся события у Оперного театра. Нанятый в качестве главного наемника Дмитрий приедет только через час.

Он потянулся и вместе с суставами захрустела кушетка. Из маленькой комнатки с запертой на замок дверью послышался осторожный стук. Петя.

– Подожди, дружище, – он сел на кушетке и натянул носки. – Подожди, дорогой.

В ванной как всегда было сыро. Старый дом, изношенные коммуникации. Первое время он боялся за электричество, это был стратегически важный ресурс. Пока дом не подводил. Интересно входит ли поломка коммуникаций в его теорию бифуркации. Об этом стоило подумать. А пока он побреется.

– Василий, – жалобно встретил его Петя.

Ему казалось забавным представится таким именем. Пётр и Василий – отличная парочка. Конечно, своё настоящее имя

даже забулдыге сообщать не стоило.

– Доброе утро, Петя, – бодро приветствовал своего пленника «Василий». – Выспался? Точнее: проспался?

– Проспался, – подтвердил алкоголик. – На воздух хочу.

– Вот ты заладил! Что тебе там нужно? У тебя всё здесь, – «Василий» многозначительно посмотрел на сваленные в кучу съестные и алкогольные припасы.

– Погода хорошая, – просто ответил Петя.

– Ну так смотри в окошко, открой его. Ты же не птичка, чтобы летать.

– Летать было бы неплохо, – серьезно произнес настоящий хозяин квартиры.

– Полетаешь ещё, – буркнул «Василий» чтобы хоть что-то ответить.

«Василий» без тени брезгливости вынес помойное ведро, предусмотрительно закрыв дверь в комнату на замок, приготовил себе и Пете горячий чай и отнес дымящийся напиток пленнику вместе с чистым ведром.

– Поеду по делам, не теряй, птичка моя, – «Василий» закрыл за собой дверь и расслышал как Петя плачет.

Он спустился к подъезду, легко преодолев восемь пролётов ступенек. В отличии от Пети, он держал себя в приличной физической форме, хоть и продолжал курить. Присев на лавочку у крыльца, он достал сигарету и прислушался. Теплый субботний день был непривычно тихим. Зная прогноз погоды, все кто мог разъехались по дачам и озёрам. Дома

остались одни бабки, которых в этом старом микрорайоне водилось не меньше чем алкоголиков.

Во двор заехал потертый ниссан, водитель моргнул фарами и застыл в асфальтированном парковочном кармане. Он докурил сигарету и выбросил остатки этой смертельной палочки в урну. На секунду поднял голову наверх. В окне четвертого этажа маячил Петя. Он согнул руки в локтях и изображал летящую птицу. «Придурок», – вздохнул «Василий» и направился к машине.

***

Суббота. Екатеринбург.

Аэропорт Кольцово. Приятный глазу. Удобный, современный.

Тонированный внедорожник Prado с краснодарскими номерами уже целый час смотрел потухшими фарами на фасад здания аэровокзала. Вокруг крутилась бесконечная карусель машин. Частники и таксисты, родственники и друзья, коллеги по работе и служебный транспорт.

Кто-то суетился, торопился разгрузиться за отпущенные парковкой бесплатные пятнадцать минут. Нужно высадить пассажиров, отдать багаж и быстрее, туда, за спасительный шлагбаум. Другие вели себя степенно. Парковали машины, неторопливо выуживали из багажников всех видов и размеров ручную кладь и чемоданы, прощались с путешествен-

никами, а то и провожали пассажиров в зал аэропорта, беспечно оставляя свои автомобили на платной парковке. Наконец, вдоль всех машин семенили те, кто оставил свой наземный транспорт на длительных парковках. Они тащили сумки и детей, катили чемоданы, ежеминутно сверялись с часами и торопились, торопились. Ещё чуть-чуть и они окажутся внутри, сдадут багаж и облегченно плюхнутся на кресла в залах ожидания.

Водитель Prado никуда не спешил, он спал. Только звонок телефона, завибрировавшего в руке, встряхнул мужчину. Водитель несколько раз быстро моргнул, разгоняя сон, и разблокировал телефон.

– С прибытием. Коричневый Прадо. Шесть три два.

– Хорошо, Консул.

Мужчина убрал телефон во внутренний карман пиджака и вышел из машины. Грязная, заляпанная насекомыми тойота тархтела дизельным мотором уже четыре часа подряд. На улице было душно, хотелось вернуться в салон автомобиля под освежающий кондиционер. Похлопав бампер Prado, мужчина развернулся ко входу в аэропорт.

Консул. Идиотский позывной неизвестного придурка из бэк-офиса. Иногда ему очень хотелось посмотреть в лицо умнику, сочинявшего позывные и прозвища оперативникам. Консул... Мужчина ещё раз попробовал повертеть слово на языке. Нет. Идиотизм. Скорее бы закрыть здесь все дела. Для следующей операции ему сгенерируют новое кодовое имя.

Очередная партия пассажиров гуськом вываливалась из автоматических дверей и веером разбредалась по прилегающей территории. Кто-то бежал к такси, кто-то оставался на месте и хватался за телефон. Несколько человек резво бросились на пяточок для курильщиков. В сторону коричневого Прадо, припаркованного в правой части парковки, подальше от шлагбаумов и выезжающих машин, направились два молодых человека. Консул выделил этих людей из толпы пока те ещё были в дверях.

Один высокий, даже слишком, второй среднего роста. Сам координатор не дорос даже до среднего, обычного для Урала роста. В Екатеринбурге он был почти что местным. Родившись в двухстах километрах южнее, в Челябинске, он практически всю жизнь провел на Урале. Садик, школа, автомобильное училище. Потом кочевая жизнь военного, две командировки в Афганистан, затем увольнение и возвращение домой, глупая травма на садовом участке из-за которой он до сих пор хромал. Отчаянные поиски работы, трудоустройство на металлургическом заводе. Потом на другом. Затем на третьем. Пожалуй, никто не мог бросить в него камень, обвинить в тунеядстве, отсутствии характера. Он старался, боролся, пытался барахтаться в незнакомом гражданском мире, но кормильцем семьи так и не стал. Физически невзрачный, хромающий, стремительно седеющий никому не нужный человек – гражданин Игорь Анатольевич Черепанов.

Спасительное предложение трудоустройства поступило на очередном праздновании выпуска военного училища. Когда-то безусый худощавый сокурсник Черепанова Петя Беспородный, а теперь явно материально обеспеченный заматеревший усатый мужик Пётр, не вникая в слезливую историю Игоря Анатольевича, взял неудачливого Черепанова в оборот, обещал интересную прибыльную работу без намёка на криминал. Со временем Черепанов стал координировать весь Урал, от Уфы до Тюмени, прикрывал Операторов, время от времени привлекал помощников, иногда подчищал последствия неудачных сессий. Про полное отсутствие криминала Пётр Беспородный слухавил, но Черепанов быстро втянулся. Ему нравилось быть полезным, зарабатывать деньги и чувствовать себя мужчиной.

Игорь Анатольевич расцвел. Конечно, он не стал выше, но раздался в плечах, наконец-то отъелся, заматерел, возмужал. Несмотря на хромоту, на седьмом десятке лет, координатор выглядел подтянутым и физически крепким сорока пятилетним мужиком. Ему нравилось чувство уверенности, уважение во взглядах коллег, подчиненных и обычных прохожих. Его жена не застала ренессанса Черепанова, Игорь Анатольевич схоронил сгоревшую от рака супругу и сосредоточился на помощи дочери. Раз уж жена запомнила его неудачником, то хотя бы дочь должна была видеть в отце успешного состоявшегося человека.

Черепанов открыл водительскую дверь и быстро переки-

нул белого плюшевого медвежонка с переднего пассажирского сиденья на заднее. Подарок пятилетней внучке маячил сквозь лобовое стекло и мог показаться не солидным в глазах приближающихся помощников. Координатор закрыл водительскую дверь и одобрительно посмотрел на приближающуюся парочку. Оба крепкие, основательные. Одеты практично. Джинсы, кроссовки, сверху футболок ветровки. Игорь Анатольевич привычно придирчиво осматривал своих коллег. От их действий зависел успех операции. Координатор отвечал за результат и каждого из этих молодцов.

Молодые люди уверенно приблизились. Тот что поменьше ростом демонстративно посмотрел на номера тойоты.

– Координатор? – спросил высокий.

– Консул? – добавил второй.

– Да на оба вопроса. С прилётом, джентльмены.

– Спасибо, Консул. – ответил за обоих высокий.

Пауза между «спасибо» и «Консул» показалась координатору чрезмерно длинной. Неужто высмеивает его этот парень? Пожалуй, ничего особенного. Глупая детская паранойя. В конце концов, этих парней обезличено называли пастухами. Так себе наименование должности. Даже в сравнении с позывным Консул.

– Ваш опыт?

– Три операции, – мгновенно ответил высокий.

– Четыре, – отрапортовал тот, что пониже.

– До этого вместе работали?

– Нет, – одновременно ответили оба.

В запасе у вас одна – две операции, парни, – подумал координатор. Пастухов долго не держат. Никого долго не держат. Когда-то и координатору придется уйти.

– По оборудованию вопросы есть?

Игорь Анатольевич поднял левую руку и повернул кисть в разных направлениях. На запястье был закреплен массивный чёрный браслет. Толстый прорезиненный ремешок плотно облегал руку, небольшое пластиковое уплотнение с встроенным табло имитировало современные гаджеты. Основным же элементом браслета была широкая едва выделяющаяся на табло кнопка. Терминал модели ME-4. Зеленый индикатор подтверждал работу устройства.

– Работали, – коротко ответил высокий пастух.

– Хорошо. Три минуты и сорок четыре секунды, которые могут нас спасти.

Координатор передал пастухам миниатюрные наушники. Молодые люди привычно закрепили их в ушах. Все трое отрегулировали связь. Консул будет сообщать оперативную информацию, только он, благодаря браслету, сможет анализировать происходящее в петле времени. Задача пастухов беспрекословно подчиняться. Одна сессия – три минуты и сорок четыре секунды назад. Достаточно, для спасения безнадежной ситуации. Хотя хотелось бы больше времени...

– Итак, джентльмены. Встреча назначена на шестнадцать ноль-ноль. Сквер за Оперным театром. Оператор получает

терминал. Тут накладок не предвидится. Потом выдвигаемся на встречу с Клиентом. А вот дальше он забирает Оператора, и очень важно их не упустить. Возможны провокации.

– Клиент старый, ни разу не чудил. Почему сейчас? – спросил пастух среднего роста.

Координатор удивленно посмотрел на своего подчиненного. Ну да, конечно, им направили досье Клиента. Честно говоря, им личность потенциального врага важнее чем ему. Именно пастухи в случае необходимости вступают в прямой контакт с угрозой.

– Пока риск только потенциальный. Тут параллельно другие фокусники действуют. Мы только страхуем.

– Значит у кого-то настоящая работа будет, – обиженно отреагировал тот же пастух. Парень оказался разговорчивым.

– Наша работа тоже важна. Не будем торопиться, – сам Консул совсем не хотел участвовать в поисках упомянутых «фокусников». – Фото Оператора вам вышлют незадолго до встречи. Удачи, джентльмены.

Молча кивнув, оба пастуха развернулись и направились в сторону ближайшего такси, а Игорь Анатольевич забрался в свою тойоту, с улыбкой поправил игрушечного медвежонка на заднем ряду кресел. До прибытия Оператора оставалось полтора часа, вполне достаточно для ещё одного раунда сна.

***

Светло-коричневый тонированный Prado мчался по прямому участку трассы, соединившему аэропорт с центром города. Водителя не интересовали вспышки камер фиксации, проклятия и гневная жестикуляция из салонов подрезаемых им машин. Мужчина за рулём тойоты нервно поглядывал на наручные часы, словно забыв о наличии или не доверяя более удобным для обзора электронным часам на панели управления машины. Изящный классический циферблат на коричневом кожаном ремешке резко контрастировал с массивным чёрным браслетом на второй, левой, руке водителя. На своего пассажира, женщину с короткой стрижкой слегка волнистых русых волос в плотном не по погоде костюме, он не смотрел вовсе, хотя успевал вести диалог.

Спутники были знакомы. В их работе не допускались близкие контакты. Общие операции были редкостью и не отличались долгосрочностью, но составить впечатление о характере и компетенции друг друга эта пара уже могла. Они работали вместе три года назад под Владимиром. Потеряв в сложнейшей кровавой операции основного Техника, руководство повысило Наталью Сергеевну Пашину, доверив сложнейшие международные проекты, а человек за рулем, координатор с глупым позывным Консул и настоящим именем Игорь Анатольевич Черепанов, буднично отправился на выполнение других заданий. Его должность не подразумевала повышения.

– У нас сорок пять минут до курьера, – инструктировал Игорь Анатольевич. – Это в центре. Сквер у Оперного театра, вход со стороны Мамина-Сибиряка, чтобы чёрт побери это не значило. Мои ребята должны быть уже там, но высываться не будут, курьеры народ нервный, можем спугнуть и тогда пиши пропало. Забираешь терминал и ещё через час в лобби Хаятта тебя встречает клиент. И я ставлю весь свой опыт на то, что твоё участие в этом деле – плохая идея. Парней я не стал нагружать, чтобы лишний раз не нервничали, но слишком всё быстро, я не успеваю подготовиться.

– Что известно о пятничной сценке? – пассажирка тойоты будто пропустила мимо ушей все тревоги своего спутника.

– Сама, как ты выразилась сценка, понятна. Пятница. Сессия запущена в десять тридцать утра. Клиент местный бизнесмен, зовут Шац Вадим Аронович. У клиента четвертая сессия, проблем не создавал, характеризуется спокойным человеком. Один из аналитиков подписал в досье «без фантазии». Оператор сессии Плеханов Кирилл..., – мужчина запнулся и посмотрел в экран смартфона, закрепленный на панели управления. – Анатольевич. Стаж три года. На Урале работает четвертый раз, в Екатеринбурге – впервые. Парень без затей. Как и все поначалу марал бумагу рацпредложениями, потом успокоился и тихо работал. Срывов не зафиксировано. С момента начала сессии на связь не выходил. От них вообще никакой информации, хотя центр вчера вечером пытался связаться с этим Плехановым. Пропали. Силовиков

местных пока потрясти не удалось, я сам только из Челябинска прибыл, где искать эту парочку не ясно.

Наталья вспомнила решётку радиатора и бампер машины, облепленные насекомыми. Игорь мчал сюда по трассе, а глупые мошки раз за разом принимали мгновенную смерть на широкой «морде» тойоты. Машину надо помыть. Наталья Сергеевна казалось не интересовалось собственной внешностью, но брезгливо смотрела на грязные автомобили, обувь и одежду.

– Есть основания считать, что Клиент решил взять больше времени?

– Нет. Точно нет, – отозвался Игорь. – Судя по всему всё шло по сценарию. В тот же день тройное убийство в банном комплексе на ЕКАД...

– Екад? – перебила Наталья Сергеевна.

– Кольцевая дорога, – с готовностью пояснил Игорь. – Как московская. Екатеринбургская кольцевая автодорога. Звучит тяжеловесно, конечно. Так вот в банном комплексе в районе девяти вечера нарисовались три трупа. Одна из жертв Севастьянов. Очень колоритный персонаж, скажу я тебе. В местных новостях только об этом и трезвонят. Но пока о Клиенте. В досье сказано чётко: наш пропавший Вадим Аронович три предыдущие сессии расправлялся только с Севастьяновым. Разное время, разные локации, но только один труп и всегда Севастьянов. С чего ему менять сценарий? Предсказуемый тип.

– Поэтому и «без фантазии», – Техник вспомнила о приписке аналитика в досье Шаца. – Но на этот раз три трупа. Это раз. Во-вторых, меня смущает время. Зачем он начал сессию утром, если встретил Севастьянова только вечером? Каждый час наших услуг стоит больших денег. Ну и наконец, что случилось после убийства?

Техник надолго замолчала. Водитель сосредоточился на управлении машиной – они въехали в Екатеринбург и плотное городское движение требовало большей концентрации. Кроме того, у Игоря Анатольевича не было ответов на поставленные вопросы, а гадать и впустую сотрясать воздух догадками он не привык.

– Тем не менее, – продолжила Наталья. – Моя задача провести сессию с клиентом. Твоя – меня прикрыть. Пропавшими Шацем и Плехановым займутся другие люди. Если дела связаны, то мы в деле. Нет, я улетаю первым же рейсом.

– Боюсь, связаны, – тяжело вздохнул Игорь. – Иначе тебя бы не отправили. Операторов что ли мало? Нет, Наташ, мы здесь похоже задержимся. Не хочу ликвидаций, – вдруг горячо заявил Консул. – Надоели эти зачистки. Риски мы давным-давно научились минимизировать. Чего мы боимся? Отрубить терминал и забыть. Пусть выкручиваются сами.

– Отрубить терминал – малая часть работы, – назидательно сообщила Наталья Сергеевна. – Лишние слухи, ни плохие, ни хорошие, нам не нужны. В общем, давай решать проблемы по мере их поступления.

– Ты бы всё-таки почитала досье обоих, – водитель кивнул на заднее сиденье. – Или у тебя всё в смартфоне?

– Нет, только на текущего Клиента, – отозвалась Техник.

Они застряли в пробке, складывалось ощущение, что красный свет будет гореть вечно, совсем не помогая потокам машин разъехаться с перекрестка. И это в субботу, когда все должны быть на озёрах. Наталья Сергеевна потянулась к лежащей на заднем сиденье папке с документами, задержала взгляд на плюшевой игрушке, но промолчала.

– Успел распечатать перед поездкой сюда. Сам пролистал в аэропорту. Не то чтобы там больше информации чем я тебе сказал, но лишним не будет.

– Дьявол в деталях, – коротко ответила Техник. – Хочется верить, у нас всё пройдет легко и заурядно. И без того очень много работы.

– Сколько тебя знаю, ты всегда в цейтноте. Может стоит сменить специализацию?

– Ну, на координатора я уже не успею выучиться, – улыбнулась Наталья Сергеевна. – А ты из старой школы, Игорь, да? – Техник показала ворох распечатанных листов.

– Глаза уже не те, чтобы в экранчик пялиться, – смущённо ответил координатор.

Наталья Сергеевна погрузилась в чтение. До встречи с курьером оставалось двенадцать минут. Вполне достаточно для ознакомления с жизнью вполне заурядных по меркам Фирмы Клиента и Оператора.

Глава 10

День второй. Суббота. Екатеринбург

Мужчина плотно натянул свою красную бейсболку, опустил козырёк и вжался в сиденье. Оказывается, не только он продержался в Фирме много лет. Есть ли его заслуга в её карьере? Умненькая и работоспособная, так он характеризовал свою протеже после первой стажировки. Наталья всегда удивляла его цинизмом. То качество, которое ставили ему в упрек, было развито в этой девушке больше других. Она не видела людей, только объекты, субъекты и задачи. С ней было комфортно, никаких соплей и лишних рассуждений. И всё это на фундаменте классической математики.

Пожалуй, он мог бы гордиться своей подчиненной. Идеальный Техник, она не могла быть обычным Оператором. Он встретил её по одной причине – его расчет оправдался. Пока она шла, он успел подумать и о другом. Наталья продержалась дольше обычного, даже больше него самого. Девчонка оказалась с характером.

Наталья проходила мимо его машины, высматривая курьера в другой стороне. Сколько же ей лет? До его добровольного изгнания ей было чуть больше тридцати, хотя возраст некрасивых худых женщин всегда тот ещё ребус. Интересно, он не припоминал чтобы она даже пыталась быть красивой. Кажется, она гордилась своей серой внешностью.

Удивительно. Встретить единственного близкого человека...

– Работаем по плану?

Он посмотрел на своего спутника. Молодой, немного дёрганый, парень на водительском сиденье вывел его из размышлений и показывал на спину удалявшейся Наталье. Сейчас она должна встретиться с курьером и получить терминал. Он нанял несколько человек для провокации. Они должны подтолкнуть Фирму. Заставить действовать.

– Да. Всё верно. Не подведи, Дима.

– Не жалко тётку? – ухмыльнулся Дима, обнажив щербинку между белоснежными передними зубами.

– Какая же она тебе девка, она если и старше тебя, то на пару лет.

– Ну старше не старше, а старовата, конечно, – парировал Дима и покинул машину.

Он нанял четырех человек. Умелые, беспринципные ребята. Все неместные во избежание конфликта интересов. Высокий рейтинг в даркнете, у половины внушительный опыт. Они должны изъять терминал, попутно нанеся значительный физический урон участникам сделки. Курьера можно было пощадить, но не Оператора. Наталья должна быть изувечена. Сильно, беспощадно. Нужно заставить действовать Фирму, и здесь не оставалось места сантиментам. Впрочем, к сантиментам у него был иммунитет. Наташа бы его поняла, они всегда говорили на одном языке.

Парня с щербинкой он нанял месяц назад. Дмитрий Торопин. Какие-то спецвойска, без судимости. Приятной внешности (некрасивых людей наниматель недолюбливал). Крепкий, умелый, с цепким взглядом. И далеко не глупый. Такого не стоило подпускать близко к своим секретам, даже лучше было бы прекратить сотрудничество, но он стал зависим от этого парня. Привык на него полагаться, прикипел.

Дима направился вслед Наталье, ещё трое наемников заходили в маленький парк с разных концов. Окруженный дорогой и парковкой с трёх сторон сквер упирался в Оперный театр. Минимум деревьев. Мужчина в красной бейсболке просматривал всё поле будущей резни.

Он разглядел на противоположной стороне парка белый минивэн. Оттуда вел съемку пятый наемник. Новичок в их операции. Операции, которая срывалась раз за разом. От волнения и жары голова начинала потеть и чесаться. Он скинул свою красную бейсболку на освободившееся водительское кресло и весь подался вперед, чуть не прогнув пластиковую крышку бардачка. Он словно смотрел фильм. Один и тот же. Кадр за кадром. И он знал сюжет. Знал сюжет благодаря несчастному Пете, который вращался в петле времени, раз за разом запускаемой в пятничное утро.

Наталья подошла к курьеру, притворно беспечно развалившемуся на скамейке. Совсем молодой паренёк вскочил на ноги и что-то протараторил. Наташа остановила его монолог жестом. Опустилась на корточки и проверила содер-

жимое сумки. Через пару мгновений молния сумки застегнута, лямка на плече, и она готова уходить. Сумка что-то да весит, но как же она легко закидывает её на плечо! Она развернулась и не видит, что к ней направляются четыре человека. И вот началось. Сначала появился длинный. Этот тип выскочил из-за угла театра, оглушил наемника и понёсся в центр. Длинные ноги так и мелькали и, хотя наперерез бросился ещё один боец, он с легкостью увернулся от ножа, ещё быстрее пропустил дальше. К Диме, самому толковому из всех, со спины приблизился ещё один, короткий удар в затылок, Дима устоял, но явно «поплыл», короткий рукопашный поединок и оглушенный перед дракой наемник осел на землю. Четвертый нанятый боец просто не решился подступить, он развернулся и сбежал. Длинный и его дружок уже за спиной Натальи. Кажется, она даже не успела испугаться. Вокруг неё произошла драка крепких спортивных ребят и это не её проблема. Она села в тонированный внедорожник и машина сорвалась с места. Два неизвестных бойца, не добивая наемников, разошлись в разные стороны. Через мгновение их уже нет и как будто и не было.

Он снова нацепил красную бейсболку, открыл окно и откинулся на спинку сиденья. Водить он не умел, да и преследовать внедорожник не было смысла. Он знал куда направилась Наталья и что будет дальше. Он не знал почему его наемники не могли решить такую простую задачу.

Рядом припарковалась машина, водитель громко и смач-

но матерился, пытаясь оплатить телефоном платную парковку. Где-то рядом проехал автомобиль с включёнными спецсигналами. Гул большого города ввинчивался в открытое окно, но словно обходил его стороной. Он думал. Оставалось посмотреть видеозапись. Проследить откуда появляются эти долбанные зорро, раскидывающие его наемников и ломающие отличный план. Он начинал нервничать. Хотелось закончить дело, а не топтаться на месте. Сколько можно замыкать петлю, мучить несчастного Петю. Но он должен был вмешиваться, если он перестанет направлять, то пройдет не так много времени, и Фирма просто ликвидирует Шаца на пару с его никчемным Оператором.

Мужчина в красной бейсболке тряхнул головой. Впустую потрачено слишком много ресурсов. Его наемники были расставлены и лично проинструктированы им. Надо попробовать ещё раз. Он будет на Академической ещё до того, как Наталья доберется до своего Клиента.

***

Разукрашенный мёртвыми мошками светло-коричневый Прадо резко вывернул на проспект Ленина и направился к кольцу. Консул, обычно аккуратный водитель, проскочил на красный, практически буквально растолкав широким бампером нерасторопных пешеходов. Координатор тяжело дышал и не отрывал взгляда от зеркала заднего вида.

Наталья Сергеевна на переднем пассажирском сидение обхватила обеими руками драгоценный терминал.

– Капсулы? – коротко спросил Консул.

– Да, – Наталья дополнительно кивнула в подтверждение. – Что это было?

– Сам не знаю. Профи. Там...там не с первого раза получилось, – машина пролетела несколько перекрестков, и водитель позволил себе посмотреть на пассажирку. – Наташа, я четыре раза петлю замыкал! Серьезные ребяташки на тебя охотились.

– На меня? – сохраняющая до этого спокойствие Техник прижала к себе терминал ещё крепче. – Я думала они хотели ограбить...

– Как же! – резко перебил Консул, но тут же осёкся.

По мнению координатора, женщине совсем не стоило знать происходившее в тех четырёх петлях времени, что он запускал со своего браслета. И дело было не в приторном джентльменстве, хотя Консул не был лишён рыцарских мотивов, а скорее в практических соображениях. То, что видел он, могло растоптать и выкорчевать уверенность важного сотрудника, который отправлялся на опасное задание. Поставленную перед Натальей задачу Консул отменить не мог, а в опасности задания теперь не оставалось никакого сомнения. Пусть она будет спокойна и действует без оглядки на страх, а он постарается прикрыть, использовать весь свой опыт и инструментарий. Консул благодарно посмотрел на браслет

– отличная штука. Да и пастухи его не подвели. Оказались толковыми и умелыми ребятами.

– Четыре сеанса? Ты использовал целых четыре сеанса?

– Я так сказал? – Консул понимал, что отпираться бессмысленно. Проболтался на нервах.

– Игорь? – Наталья не просила и тем более не умоляла, она в своей обычной манере требовала.

– Ты же знаешь его возможности? – Консул показал руку с браслетом.

– Экспериментальная модель. По сути такой же терминал как у меня, – Техник похлопала ладонью сумку на своих коленях. – Только возможности ограничены. Нет информации по состоянию Клиента, нет анализа обстановки. Ну и прибор типа влажности и температуры воздуха. А! Еще он ограничен по времени. Только полчаса назад откатывает.

– Эх ты, а ещё Техник! – Консул позволил себе улыбнуться. – Не полчаса, а жалкие три минуты! Бонусом ещё сорок четыре секунды. Это сушая ерунда, а не подстраховка. А насчет экспериментальности: я уже полгода с такой штукой работаю. Половина пастухов тоже с системой знакома.

– Да? – вполне искренне удивилась Наталья.

– Караганда! – откликнулся водитель и на некоторое время замолчал, разглядывая возможно «приклеившуюся» к ним машину в потоке. – И насколько я понимаю, твой терминал поддерживает ещё Клиента, у меня в петле только я сам. Так что я тоже немного оператор. Только вот ограниче-

ние по времени я понять не могу. Похоже искусственно нас тормозят. Какая разница сколько минут петля?

– Не знаю, – Наталья уткнулась в окно. – Скоро уже до места встречи с клиентом?

– Два светофора и направо. Там пятьсот метров судя по навигатору.

Консул не стал спорить и вытягивать информацию. Конечно, она знала про терминалы больше него, и, конечно, не имела права говорить. Их разделяли. Сотрудников, информацию, задачи. Наверняка в городе работают и другие группы, со смежными заданиями. Пожалуй, что и охота на потерявшегося Шаца с его Оператором уже была открыта. Консулу не нравилась такая игра, но по большому счёту он привык.

– Наташ, мы тебя прикроем, – они благополучно доехали до отеля. – Но мне очень не понравилась та стычка. Я бы вообще к чёрту отменил все твои встречи.

– Фирма работает, несмотря ни на что. В горячих точках и при сменах режима, мы не отказываемся от клиентов из-за подозрений, мой друг. Это называется репутация, – Наталья посмотрела на свои наручные часы. – Встреча с Клиентом через десять минут. Успеешь составить и направить отчет о случившемся. Наверху знают больше нас.

Наталья Сергеевна поставила сумку с терминалом в ноги, вышла из машины и поправила свой костюм. Затем легкомысленно подмигнула Консулу, взяла устройство и направи-

лась в отель.

Координатор долго смотрел ей вслед. Ещё полчаса назад он несколько раз спасал её жизнь и здоровье. Черепанов окаменел от неожиданности и наглости нападения в её «первую» встречу с курьером. Трое поджарых парней, казалось бы, независимо друг от друга прогуливающиеся по парку за Оперным театром, резко изменили траектории своих маршрутов и напали на курьера и Наталью. Они быстро и умело жестоко избили обоих. Невесть откуда взявшийся четвертый подельник подхватил бесхозную сумку с терминалом и как ни в чем не бывало вразвалочку направился с драгоценным грузом восвояси. Появившиеся на горизонте пастухи не успевали предпринять никаких действий.

Игорь Анатольевич использовал браслет, откатив реальность на все возможные три минуты и сорок четыре секунды назад.

Во второй раз пастухи знали об атаке. Координатор сообщал о нападении через наушники.

Пастухи вклинились в потасовку и даже имели преимущество в завязавшейся драке, но опять упустили терминал. Третий раз закончился огнестрельным оружием. Тот самый четвертый нападавший успел выпустить две пули до замыкания петли. Три минуты и сорок четыре секунды. Их отчаянно не хватало для координации всех действий.

С четвертой попыткой вышло получше. Пастухи не успевали связаться с координатором и не могли переговорить

друг с другом. Никакого плана и инструктажей. Интуитивно и одновременно они пытались устранить нападавших до атаки. На этот раз они почти успели. Почти. Четвертый нападающий был уж очень хорош. Пастухи не могли противостоять этому парню, координатор решил завести одного из своих ребят со спины резвого четвертого нападавшего.

Наталья всегда серьезно страдала. Её били жестоко, как будто жаждали травмировать, втоптать, изуродовать. На пятый раз всё получилось. Координатору достались толковые ребята. Пожалуй, стоило взять ещё одну петлю, попытаться допросить поверженных противников. Консул слишком обрадовался невредимой Наталье, которая с пятой попытки добралась до его автомобиля. Для нее прошло чуть меньше заурядных четырех минут, для него полчаса нервов и разочарований.

Наконец Координатор отъехал от входа в отель. На парковке уже маячила машина с пастухами – в промежутке между аэропортом и встречей у Оперного театра парни успели арендовать неприметный бюджетный Solaris. Пора бы и правда составить отчет, подумал Консул. На этот раз он наберется смелости и опишет свои опасения в обычно незаполненной графе «Примечания». Может найдется сообразительный клерк, завизирующий отказ от дальнейшей операции.

***

Дыжин вздохнул и пролистнул десятки пропущенных звонков и сообщений. А ведь сегодня суббота. Он выключил экран смартфона и наконец повернулся к ожидавшим новостей Вадиму Ароновичу и Кириллу. В отличие от них Павлу Сергеевичу за прошедшую ночь и утро не удалось поспать и пары часов. За последние двадцать минут он выпил уже три чашки эспрессо из богато смотревшегося кофейного аппарата. В кабинете также был холодильник и встроенный в гарнитур минибар.

– Кабинет будущего главврача нашей клиники, – пояснил наличие техники Дыжин. – Правда главврача мы ещё не нашли. Расстрельная должность в нашем бизнесе.

Медицинский центр открывался на днях. Клиника предлагала своим клиентам передовые технологии на сертифицированной аппаратуре из США, Израиля и Германии. Центр сотрудничал с многочисленными бюджетными и частными фондами, шёл на беспрецедентные скидки и рассрочки, участвовал в программах по реабилитации российских космонавтов и восстанавливал здоровье самым высокопоставленным и обеспеченным гражданам. Благодаря социальной политике высокопрофессиональные услуги становились доступными рядовым екатеринбуржцам.

Разумеется, в реальности практически всё это было беззастенчивым враньем. Как и любой другой бизнес Дыжина, медицинский центр базировался на трёх китах: создании ле-

генды, агрессивных услугах и навязанных кредитах.

– Севастьянов в морге. Что за пассажиры с ним были пока не выяснил, – Дыжин загибал пальцы, перечисляя каждую новость. – Юра трезвонит на всех углах о тебе с подельником. Решено взять тебя живым. По возможности. Ну и, конечно, ты в розыске.

– А я? – набрался смелости спросить Кирилл.

– Ты? – Павел Сергеевич прищурился. – У следаков на тебя наводки нет, Юра им информацию не сольет, он вас обоих сам выпотрошить хочет. Но красные – лишь вопрос времени. Сейчас уляжется первый кипиш, и они возьмутся за всех, кто был вчера вечером в банях. Но я бы на твоём месте больше переживал за Юру с его ребятами.

Кирилл опустил глаза и вспомнил дикий злобный взгляд связанного в бане мужчины. Юра видел его на месте преступления с Шацем. В копилку всех проблем добавилась монетка с рыскавшими по городу бандитами.

– Вадик, я настаиваю, – продолжал Дыжин. – Если не срастётся с моим Оператором, то ничего не поделывать, надо сваливать. Я не смогу прикрывать тебя и от ментов, и от Юры одновременно. Чёрт, да никто не сможет.

– У меня семья, – вяло ответил Шац.

– Я их переправлю к тебе позже. Юра их не тронет. А менты максимум допросят. Они за тебя не в ответе.

– Ответить я и сам могу, только не знаю перед кем.

– А вот это лишнее! Слушай, я тебя сто лет знаю, всегда

хочешь в белом остаться. Севастьянов не твоя вина, тебе они обманули, – Павел Сергеевич кивнул в сторону Кирилла. – Эти, суки, обещают всё вернуть, и ты им веришь, позволяешь себе все больше. А потом бам! И кидок. Так что Севастьянов на их совести. И эта парочка с ним.

Шац ничего не ответил.

– Ладно, Дыжин встал на ноги. – Мне пора ехать за Оператором. Нурлан отвезет вас в другое место...

– В другое? – встрепенулся Вадим Аронович.

– Рано или поздно они догадаются прошмонать всю мою недвижимость. Доверься мне.

– Хорошо, – смирившись пробормотал Шац и словно вспомнив что-то добавил. – Спасибо, Паша. Я знаю, что ты очень рискуешь.

Павел Сергеевич оглянулся в дверях. Он несколько долгих секунд смотрел на старого друга, но так ничего и не произнес в ответ.

***

Павел Сергеевич Дыжин уверенно прошёл в лобби отеля своей привычной хозяйской походкой. Он быстро огляделся, автоматически отметив двух красивых девушек за пустым столиком справа, несколько явно командировочных мужчин сбившихся стайкой возле диванчиков и одиноко сидевшую женщину неопределенного возраста. Оператор отсутствовал

и уверенность Павла Сергеевича начала стремительно таять. Оператор мог опаздывать, что вызвало бы раздражение, а мог и не приехать вовсе. История с Шацем способна затронуть и лично его, Дыжина, персону. После смерти Севастьянова и неразберихой в городе Павлу Сергеевичу для полного счастья оставалось только заполучить в свои враги организацию, управляющую петлями времени и имеющую в рукаве, бог знает, какие фокусы и ресурсы.

Возможно Павел Сергеевич выглядел слишком озадаченным. Находящиеся в лобби люди словно по команде устали на вошедшего. На миг в голове Дыжина пролетела мысль о засаде. Командировочные мужчины, скучающие девушки и даже та, некрасивая безликая дамочка – все они, включая немногочисленный персонал, боевая команда захвата, которая сейчас скрутит Павла Сергеевича и изощренными пытками выбьет местонахождение Шаца вместе с его туповатым Оператором. Павел Сергеевич не собирался сдаваться без боя, в свои сорок пять он мог дать достойный отпор, но он уже давно привык полагаться на свою свиту, включая бочкообразного преданного Нурлана, который одним своим видом отбивал желание ввязываться в потасовку, тем самым защищая самого Дыжина от ненужных стычек. Сейчас Павел Сергеевич был один. Нурлан, Шац и Оператор уехали в дендрологический парк и будут ждать его на месте встречи.

К счастью, присутствующие в лобби моментально поте-

ряли интерес к застывшему Дыжину и переключились на свои дела и разговоры. Все, кроме женщины неопределенного возраста в бежевом деловом костюме. Эта неказистая дамочка встала из-за своего столика и направилась к Павлу Сергеевичу. На правом плече у женщины висела дамская сумочка, а в левой руке она несла знакомый всем Клиентам портфель, напоминающий сумку ноутбука. Оператором была женщина!

Представившись Натальей, Оператор смиренно переждала несколько мгновений ступора Клиента и наконец дождавшись предложения проследовать в машину направилась на улицу вслед за Дыжиным, уже обретшим свою обычную хозяйскую походку. Павел Сергеевич был отнюдь не пугливым человеком, он быстро оправлялся от неприятных сюрпризов и возвращался в своё обычное состояние уверенности в собственных силах.

– В операторы набирают женщин? – Павел Сергеевич окончательно пришёл в себя и теперь его распирало любопытство.

– Редко. Как правило Клиентам некомфортно пользоваться нашими услугами под наблюдением женщины, – разумеется Наталья Сергеевна не рассказывала Дыжину, что является скорее Техником, чем рядовым Оператором. Клиентам вообще не положено знать о Техниках и других должностях в их организации.

– Но среди клиентов бывают женщины, – сообразил Павел

Сергеевич. – И тогда действует обратное правило, – Оператор утвердительно кивнула. – Почему же вы решили, что я стану исключением? Я ждал своего, так сказать, старинного друга Алексея.

– Я не знакома с Алексеем, между Операторами не поощряется общение, и мне не сообщают принцип распределения Операторов. Могу предположить, что выбор моей кандидатуры был оправдан срочностью, ваша заявка поступила рано утром.

– Да-да. Пришлось сильно переплатить на этом вашем аукционе.

– Заявки по-прежнему закрываются на аукционе? Я не знала.

Это было ложью. Наталья прекрасно знала, как формируется очередь на их услуги. Также она, вполне справедливо, предполагала лукавство со стороны Клиента: суббота самый неактивный день, сессии петли времени по субботам традиционно считались бюджетными. Видимо Клиенты, в основном, проводили этот день с семьями. Конечно, это правило не относилось к Израилю, начинавшему рабочую неделю с воскресенья.

Павел Сергеевич запустил двигатель и представительский мерседес плавно тронулся. Дыжин управлял автомобилем с кажущейся небрежностью, но несмотря на это машина двигалась плавно и быстро.

– Вы говорите с лёгким акцентом, – Павел Сергеевич

не относился к числу молчаливых людей, сейчас он не видел причины изменять своему врожденному любопытству. – Редко работаете в России?

– Да. Как правило международные проекты, – Наталье не было смысла скрывать настолько явную особенность как акцент. – На родном языке говорю всё реже.

– А я вот английский так и не осилил. В школе было не досуг, а потом тем более.

Техник не говорила об английском, хотя и правда использовала как правило именно этот универсальный в двадцать первом веке язык. Непосредственность и болтливость Клиента удивляли Наталью. Она уже давно не работала Оператором, но помнила сдержанность и закрепощенность Клиентов. Женщина-Оператор вводила некоторых в настоящий ступор. На заре своей карьеры Наталье Сергеевне пришлось прямо-таки уговаривать застенчивого Клиента не беспокоиться о её присутствии, когда он наотрез отказался активировать сессию при ней. Павел Сергеевич же оставался расслабленным, что по-настоящему пугало в совокупности с полученным на него досье.

– То есть вас на российский рынок перевели, – Павел Сергеевич практически не отворачивался от Натальи, словно, не интересуясь происходящим на дороге. – Это, наверное, понижение?

– Нет, – Техник сухо отвечала вопросы. – Работа есть работа.

– И как у нас с тарифами за границей? Делают скидку на драконовский курс?

– Вы про валюту, – скорее подтвердила, чем спросила Техник. – Не знаю. Боюсь, ценообразованием занимается другой отдел.

– А мне вот интересно, – машина замерла на перекрестке и, Дыжин, в ожидании зелёного сигнала, откинулся в кресле и внимательно смотрел на свою пассажирку. – Как у кого с фантазией?

– Боюсь, я не понимаю вопроса...

– Странно, что вы совсем ничего не знаете о собственной работе, Наталья. А теперь ещё и два раза подряд повторили «боюсь». Я вас пугаю?

Техник посмотрела на не отрывающего от неё взгляда Дыжина. Павел Сергеевич был абсолютно серьезен, он едва заметно сощурил глаза и буквально считывал мимику Натальи. «Да он пытается на меня давить», – поняла Наталья. Какой сюрприз! Ей не доверяют. Клиент ждёт нестыковки в словах Оператора и готов ухватиться за любой маломальский факт, подтверждающий нечестную игру. А вот что ждёт провалившегося Оператора – вопрос интересный, причем ответ может быть очень даже неприятным. К счастью, светофор милостиво разрешил потоку машин продолжить движение, и водителю пришлось переключиться на управление автомобилем.

– У нас принято строгое разделение функций, Павел, –

при встрече Дыжин лаконично представился Павлом, и Наталья не видела смысла в излишнем формализме и добавлении отчества. – Оператор не должен знать о работе с Клиентом ни до, ни после сессии. Это разумная безопасность нашей необычной услуги.

– Услуга и правда необычна, – Павел Сергеевич довольно хохотнул. – Но фантазии, фантазии-то вы видите. Это-то как раз входит в ваши, как вы там сказали, функции?

– Мы используем термин сценарий. Да, все Операторы помнят прошедший за время сессии сценарий, как и сами Клиенты. К сожалению, мы не в праве обсуждать сценарии Клиентов, надеюсь, вы понимаете, ведь ваша конфиденциальность тоже могла бы быть под угрозой, будь ваш Оператор болтлив.

– Да это всё понятно, – отмахнулся Павел Сергеевич. – Слушай... Слушайте, Наталья, я ведь в этом деле опытный парень. Просто мой... мой обычный Оператор Алексей, он... его дальше России не пускают. Ну что он мне может рассказать, каким опытом поделиться? А ведь интересно. Хотя бы в принципе, в общих красках, так сказать. Отличаются, например, япошки от немцев, а какие-нибудь англосаксы от нас?

– Нет, Павел, я вас разочарую. Национальные особенности никак не влияют на сценарии наших Клиентов. Когда я только начинала работать... я имею в виду работу здесь, с петлями времени. Так вот в самом начале работы у меня был наставник. Его опыт мне не удалось наработать до сих пор,

но теперь я готова с ним согласиться. Он говорил: Наташа, мы продаем безнаказанность. А она нужна только для зла. Вопрос масштаба.

Наталья осеклась и мысленно обозвала сама себя дурой. Она разболталась будто опьяненная первым успехом малолетняя стажёрка, а ведь обсуждать подобное с Клиентами... Оператор помнила о досье Павла Сергеевича. Множество раз этот человек запускал петли времени для собственных тёмных фантазий. Своими словами она могла сорвать сделку. Или вызвать гнев Клиента. Чёрт! Да кем она себя возомнила? Уже три года она писала инструкции и учила жить и работать других. Она много трудилась, похоронила личную жизнь и добилась сумасшедшего карьерного роста. Ей смотрели в рот молодые Операторы, к ней прислушивались всемогущие координаторы и её приказы выполняли ликвидаторы. Всё это правда, но сейчас... сейчас она оставалась наедине с человеком, хобби которого было мучить и терзать людей. Не нужно быть Техником, чтобы понимать опасность любого лишнего слова в компании подобного Клиента.

Дыжин молчал. Он больше не задал ни одного вопроса. Павел Сергеевич будто сосредоточился только на управлении машиной. Представительский мерседес не нарушал правила, но практически не останавливаясь на светофорах, крейсерски, без рваного ритма, обходил попутные автомобили. Оставалось надеяться, что пастухи координатора не отставали от объекта. Наталье очень не хотелось затерять-

ся в большом городе и остаться без поддержки коллег. Чем дольше она находилась в компании Дыжина, тем отчетливее понимала: совет координатора был более чем разумным, не стоило соваться в это дело без должной подготовки.

Проплывая в пассажирском сидении по проспекту Ленина мимо Оперного театра, Наталье Сергеевне стало физически дурно. Дыхание невольно сбилось и пальцы рук задрожали. Как всегда, в моменты волнения, она сосредоточилась на своем презрении к Клиентам. Это помогало повысить решимость и готовность к риску. А уж такого человека как Дыжин презирать было за что.

***

После того как униженный поражением Дима оклемался, он вернулся в машину и с провинившимся лицом уставился на своего работодателя. Пассажир в красной бейсболке просматривал видеозапись на планшете.

– Домой, – коротко скомандовал пассажир, не повернув в сторону наемника голову.

Они быстро добрались до нужного двора. Дима домчал за десять минут, словно пытался искупить свою вину за сорванную операцию. Однако не смотря на субботу во дворе была настоящая пробка из машин и спецтранспорта. Водитель проехал чуть дальше, припарковав свой потертый ниссан у «Магнита». Его пассажир чуть не свернул шею, разгля-

дывая столпившихся зевак и добрый десяток автомобилей, забивших весь небольшой уютный дворик.

Мужчина в красной бейсболке быстрыми шагами добрался до двора, он уже понимал, что все эти машины, случайные люди и мелькавшие в толпе медики с полицейскими собрались у его подъезда. Их никогда не было. За все предыдущие петли. В мозгу пульсировала страшная догадка.

Он сделал пару кругов вокруг, не приближаясь и не вклиниваясь в толпу зевак. Распахнутое Петино окно казалось оком Саурона и высматривало именно его. Наконец, он увидел Анну Дмитриевну и неспешно подошёл к соседке. Древняя сухая старушка, несмотря на жаркий день, куталась в выцветший плащик и ежесекундно поправляла косынку. Ноги в плотных чулках и тапочках бодро переступали с места на место.

– Здравствуй вам, Анна Дмитриевна, – он немного развязно поприветствовал соседку.

– Ах, Васенька! Здравствуй, дорогой! Посмотри, беда какая, – Анна Дмитриевна указала маленьким пальчиком на открытое окошко. – Петька-то наш, отмучился.

– Когда?

– Да уж час как. Сиганул, как в бутылку.

– Мёртв? – скорбно произнес «Васенька», что имело смысл: падение с четвертого этажа могло закончиться только травмами.

– Мёртв, голуба, мёртв. Горе-то какое... – Анна Дмитри-

евна собиралось было начать причитания, но осеклась. – Ты-то где был, Вася? Опять работал?

– Работал, Анна Дмитриевна, работал.

«Вася» наблюдал как несколько молодых парней в форменных полицейских рубашках с коротким рукавом выносили технику. Его технику! Из подъезда вышла девушка с погонями лейтенанта, она несла тяжелый, семикилограммовый дипломат, на котором он знал каждую царапину. Полицейские продолжали загружать добычей служебный автомобиль, громогласно удивляясь количеству аппаратуры у запойного алкоголика, Анна Дмитриевна ещё что-то говорила, а мужчина в красной бейсболке уже сидел в ниссане и задумчиво курил в открытое окно.

– Могу чем-то помочь? – участливо поинтересовался водитель Дима.

– Ты знаешь о производных сложных функций многих переменных?

– Нет, – Дима был не уверен, что даже сможет это повторить.

– А что-нибудь о точках бифуркации? – водитель молчал. – Тогда думаю ты ничем не можешь помочь.

Мужчина в красной бейсболке позволил себе грустно усмехнуться. Если ты чего-то боишься, то твой страх обязательно тебя достанет. Он единственный в Фирме изучал точки бифуркации и ждал их подтверждения пять лет. Эксперимент удался в самый неподходящий момент. Такого не было

пять лет. С той истории на Ближнем Востоке.

Глава 11

– Гришин! Гришин, твою же мать! – Самохвалов во всю глотку орал в трубку, хотя аппаратура была исправна, и Гришин наверняка слышал своего начальника без помех. – Что твои делают на холмах?! Там всё пристреляно давно! Что? Мне твоя разведка не указ, уводи их в соседний квадрат. Повторяю, уводи в соседний квадрат!

Самохвалов отбросил трубку и рухнул на походную скамейку. Его лицо после раздачи указаний командирам и монолога в адрес Гришина выражало усталость сравнимую с марш-броском в полной экипировке. Прямые русые волосы прилипли к мокрым вискам то ли от жары, то ли от волнения и азарта.

Это было пять лет назад. Успешный Техник Фирмы был отправлен на Ближний Восток для сопровождения нового вида услуги состоятельным Клиентам. Никакого личного безобразия, на этот раз заказчики хотели подстраховаться петлёй времени в военной операции. Для Фирмы это был новый уровень, а для амбициозного Техника интереснейшим вызовом. Он выступал Оператором, чтобы лично присутствовать и запомнить все события.

– Ну как? Как, Паша, им втолковать, что разведка ошибается? Мы-то с тобой это уже видели.

– Видели, – меланхолично согласился «Паша». Для операций за несколько лет работы ему давали столько ненастоящих имён, что он порой забывал данные своего настоящего паспорта.

Техник прибыл сюда в составе группы наемников для выполнения кровавой и рискованной операции. Кому-то на каком-то верху требовалось захватить нечто у вооруженных формирований. Невнятность задачи объяснялось секретностью, хотя Техник любил иметь полное понимание о происходящем. Самохвалов только намекнул, что речь идёт об оружии. То, что оружие было бактериологическим и запрещенным Техник выяснил позже.

Во время второй и третьей петли – совсем еще недавно по биологическому времени Самохвалова и его Оператора – взвод Гришина неизменно размазывали по холмам минометным огнем. После обеих попыток из личного состава не выживал никто. Однако командир взвода, которому, разумеется, никто не рассказывал о петлях времени и полученных таким своеобразным эмпирическим путем данных, по-прежнему, раз за разом в начале каждого наступления опирался на данные разведки и с явной неохотой подчинялся руководителю операции Самохвалову. «Потешная армия, вот и никакой дисциплины» – вяло размышлял о происходящем вокруг Оператор.

– Тут такие деньжищи тратятся на каждый чёртовый сеанс, с этими чёртовыми петлями времени, а эти недоумки то

дисциплину нарушат, то инициативу проявят. Мать их!

Оператора раздражали в Самохвалове многие вещи. Во-первых, панибратское обращение «Паша» к самому оператору. Мало того, что Техник принципиально представился Павлом Игнатьевичем, был для руководителя операции ни много ни мало Оператором, так он еще и был старше самого Самохвалова на добрый десяток лет. Сам Техник демонстративно обращался к руководителю операции только по имени отчеству, но Дмитрий Сергеевич не понимал столь тонкого и отчаянного призыва к формальностям.

Во-вторых, Дмитрий Сергеевич Самохвалов, имеющий за плечами опыт службы в действующей российской армии (что наверняка) и массу оперативных мероприятий от имени и по заданию спецслужб (разумеется бездоказательно), оказался чрезмерно болтливым человеком, что в совокупности с тяжелейшей формой фамильярности заставляло обычно немногословного оператора «Пашу» придумывать себе несуществующие задачи, требующие предельной концентрации. Так, например, во время третьего сеанса, Техник на протяжении нескольких часов сосредоточенно разглядывал график показаний жизнедеятельности самого Самохвалова, благо Дмитрий Сергеевич панически боялся смотреть на экран терминала и не мог изобличить лукавство своего Оператора.

В-третьих, но далеко не в последнюю очередь, Оператору была неприятна манера разговора вояки. Не то, чтобы Тех-

ник никогда не слышал нецензурной брани, но его подопечный Клиент матерился настолько безыскусно и повсеместно, что ему пришлось пойти на уловку. Еще после первого сеанса Оператор соврал Самохвалову о секретной аудиозаписи, которая ведется в недрах терминала для неких «спорных ситуаций». Теперь командир операции старался не материться и ограничивался только чертыханиями да приплетением в разговоре матерей всех участвующих в операции мужчин.

– У нас где-то полчаса? – Самохвалов не удосуживался держать в памяти временные отрезки, которые разделяли активность нападающих «самохваловцев» и защищающихся арабов.

– Двадцать восемь минут, – по-прежнему без эмоций ответил Оператор. – Выйду покурить на воздухе.

– Давай, братишка.

Павел Игнатьевич оглянулся на Самохвалова, но промолчал. Ему совершенно не нужны одобрения Клиентов на перекур, а теперь он еще и оказался «братишкой» этого неприятного человека. Техник напомнил себе о работе и молча вышел из импровизированного штаба.

«На воздухе» оказалось не очень-то и комфортно. Полуденная жара не спадала, а обжигающий ветер поднимал облака мелкого песка, который колот щёки и упорно лез в ноздри.

Командный штаб располагался в убогой лачуге на окраине заброшенной деревни. Полуразвалившееся жилище не

имело и подобия козырька, пришлось отходить к ближайшей постройке в поисках тени. Ветхий сарай с исчезнувшими в жерновах безжалостной истории тремя стенками чудом держался на кривых жердях. Тем не менее, волнистая, местами дырявая крыша из подручных материалов давала хоть какую-то тень и надежду на спасение от горячего ветра и вездесущего песка.

Под крышей уже расположились три наемника из группы Самохвалова. За уцелевшей стенкой сарая под брезентовым навесом стояли два джипа с проводниками из местных. Именно эти сомнительные туземцы поставляли группе разведданные и сейчас пребывали в предвкушении награды. Кем были алчные разведчики не знал, пожалуй, даже Самохвалов, а кровавые бесплодные атаки наемников за четыре сеанса, запущенных Техником-Оператором заставляли сомневаться если не в благонадежности, то уж точно в компетенции информаторов.

В обычной ситуации Оператору не нужно думать о подобных вещах, но сегодня стоило переживать не только за жизнь Клиента, но и свою собственную. Разведчики вполне могли быть двойными агентами и после уничтожения основных сил наемников, сюда, в командный штаб, могли заявиться агрессивно настроенные вооруженные люди. Павел Игнатьевич не был трусом, но и не страдал переоценкой собственных сил и умений.

– А вот и наш гражданский профессор, – приветствовал

Оператора один из молодцов под крышей сарая. – Покурить, Павел Игнатич?

– Покурить, Лёша, покурить.

– А бойцов угостить не найдётся? – Лёша расплылся в улыбке во всё своё круглое лицо.

– У вас же в пайках по блоку, Лёша, я сам видел, – привычно парировал Оператор.

– Верно, но ваши вкуснее, товарищ профессор, – не сдавался боец.

Было. Всё это уже было, Лёша. «Профессор» угостил во-как куревом, благо сигареты, как и другие материальные вещи полностью восстанавливались после завершения петли. Даст Бог, этот сеанс будет на сегодня последним и Оператор сможет уехать на военный аэродром вместе с одним из этих ребят на каком-нибудь из спрятанных под навесом джипов. Затем он с тремя пересадками доберется до Турции, а оттуда на гражданском рейсе вылетит в Москву. Писать отчеты и составлять инструкции Технику определенно нравилось больше, чем месить песок под нестерпимо жарким солнцем в окружении малограмотных наемников и под постоянной угрозой словить случайную пулю арабского снайпера.

Без удовольствия выкурив сигарету, Техник обреченно направился к лачуге, которую Самохвалов гордо именовал штабом. Напомнив себе о работе, Оператор вздохнул и перешагнул порог командного пункта.

– Может, вы и опухоль можете увидеть?

После дневного света глаза не сразу смогли разобрать происходящее в единственной комнате штаба. Оказалось, что Клиент всё-таки решился приблизиться к терминалу. На экране высвечивались данные жизнедеятельности Самохвалова. Судя по всем показателям тот был абсолютно здоров.

– Насчет опухоли не знаю, но проблемы с сосудами точно.

– Полезный аппаратик, – хмыкнул Самохвалов.

– В этом вы могли убедиться уже четыре раза.

– А зачем вам все эти показания?

– Ваша жизнь, Дмитрий Сергеевич, является наивысшей ценностью во время нашего сеанса. Ваша физическая смерть не позволит замкнуть петлю, а это может принести множество непредвиденных последствий. Другими словами, то что натворит Клиент останется навсегда в единственной реальности.

– Да уж, – командир немного помолчал, что-то обдумывая. – Хотя до сих пор не верится. Точнее, конечно, после первой, как вы это называете... петли, я во всем удостоверился, но это совершеннейшая фантастика!

– Все так реагируют. Это абсолютно нормально, – Техник позволил себе улыбнуться: несмотря на неприязнь к этому вояке, ему нравилось видеть в Клиентах восторг и ошеломление после первых сеансов.

– Это, конечно, нужно хранить в тайне, – Самохвалов сделал серьезное и задумчивое лицо. – Такие технологии...такие перспективы...даже удивлён, что меня посвятили в эту

тему. Как думаешь, Паша, у нас ещё будут такие операции? Ведь я теперь часть тайны, получается.

– Не знаю, Дмитрий Сергеевич, это не мне решать.

«Грохнут тебя, Дима. С твоей то болтливостью», – подумал Оператор, но не стал развивать мысль даже в своей голове. В конце концов, он не знал реальных заказчиков, их, так сказать, манеры и принципы, а основывать прогнозы на фильмах про мафию уж слишком легкомысленно. В любом случае сам Техник уже не будет направлен на подобную операцию. Он слишком опытный сотрудник и к тому же часть технического отдела, в его задачи входит анализ рисков при необычных операциях. В следующий раз задыхаться от жары направят кого-нибудь из молодых, вооруженных инструкцией Техника.

«Паша» сверился со своими записями и в очередной раз удивился беспечности командира операции – Самохвалов даже не пытался запомнить временные промежутки между событиями сегодняшнего дня, а ведь именно для это здесь и находился Оператор со своим терминалом.

– Семь минут до начала, надо бы свериться с местоположением всех групп.

– Да чего сверяться-то? В прошлый раз всё прошло удачно до момента непосредственного захвата, – беспечно отмахнулся Самохвалов. – Указания розданы, на этот раз эти паршивцы не успеют взорвать объект. Не волнуйся ты, Паша. Мы уже заходим на пятый круг. И в конце концов, это я от-

вечаю за операцию.

Оператор промолчал. Возможно, Самохвалов был прав, они запустили пятый сеанс и, казалось, предусмотрели все неожиданности.

В первый раз всё пошло из рук вон плохо. Атакующие силы были обнаружены, автоколонна без поддержки бронетехники и авиации («Мне бы хоть один захудалый вертолётник», – мечтательно вздыхал Самохвалов) была разбита в считанные минуты. Прямой удар не прошёл вопреки данным так называемой разведки.

Вторую и третью попытки можно было признать неудачными лишь отчасти. Плеханов разбил своих людей на отдельные соединения, теперь он не спеша проверял различные подходы и комбинации. Окапавшееся ополчение оказалось вполне искусным и подготовившимся к атакам. Недавние мирные граждане попеременно с военными и головорезами разных мастей обустроили на удивление вменяемую оборону. Очередная арабская страна уже который год варилась в котле гражданской войны, а люди очень быстро учатся воевать. Разумеется, те кто смог выжить.

Подразделение злосчастного Гришина оба раза попадало под плотный минометный обстрел. Небольшие холмы становились братской могилой пяти десяткам человек и разведанные туземцев было решено окончательно выбросить за ненадобностью.

– Зачем мне разведка, если я могу сохраняться каждый

раз перед атакой? – заявил Самохвалов в начале четвертой петли. – Это не сложнее компьютерной игры, а с учётом скромного масштаба операции и обезьяна станет Жуковым.

Оператор не брался судить о сходстве Клиента с обезьяной и уж тем более маршалом Советского Союза, ему осточертел Самохвалов и проклятая пустыня, он устал (усталость не «обнулялась» при новой петле в отличие от материальных объектов), но исправно выполнял свою работу. Все слабые стороны обороняющихся сил были прощупаны, и Техник осторожно надеялся на окончательный успех операции.

Четвертый сеанс проходил даже слишком хорошо. Наемники Самохвалова без потерь прошли оборону противника, быстрым рывком сократили дистанцию до цели и завязали бой на самом объекте. Сам Самохвалов привычно отмерял комнату штаба широкими шагами. Он был нетерпелив и импульсивен, данные радиосвязи поступали с небольшим запозданием, и командир операции не находил себе места без личного участия в бою или хотя бы визуального подтверждения событий.

– А к чёрту! – твердо заявил Самохвалов и, сорвавшись с места, вылетел из штаба.

Опешивший Техник опоздал на несколько секунд, когда он выбежал вслед за Самохваловым, тот уже выезжал за ворота на джипе, за рулём которого ссутулился добродушный наемник Лёша.

– Следи за аппаратурой, профессор! – по-ребячески крик-

нул командир операции и облако песка с пылью скрыло удаляющийся транспорт.

Техник со всей возможной прытью заскочил в штаб. Он хотел сразу же замкнуть петлю, оборвать сессию, чтобы вернуть себя и Клиента в точку отсчета. Разыгравшееся кратковременное бешенство от идиотского поступка Самохвалова отступило – радиопередачи рапортовали о полной победе и минимальных потерях. Остатки сопротивляющихся обещали додавить в ближайший час. Кроме того, он очень устал и измученный организм противился идее пережить ещё один сеанс. Оператор сел на походный раскладной стул рядом с терминалом. Дисплей устройства сообщал о скачке адреналина в организме Клиента.

Как бы не закончился бой, Технику было о чем подумать. Он никак не ожидал нарушения сюжета предыдущих петель со стороны Клиента. Это было похоже на начатую и брошенную им тему точки бифуркации, идею о том, что даже в петле времени перед каждым человеком стоят развилки действий. По умолчанию люди сделают одно и то же при одинаковых условиях. Недалекий Самохвалов только что опроверг теорию, казавшуюся аксиомой.

***

Останки самодура Самохвалова и добряка Лёши даже не стали тащить к штабу. Прямое попадание гранаты разворо-

тило джип и разметало тела по пустыне. Операция была выполнена, гордый Гришин похвастался минимальными потерями. От командира наемников осталась красная бейсболка, которую Оператор забрал на родину как напоминание собственного позора.

Техник возвращался домой с мрачными мыслями. Он впервые за долгую карьеру потерял Клиента. Непростительная оплошность для опытного Оператора. Дело было не в жизнях Самохвалова и наемника Лёши, он не испытывал никакой горечи от их потери, но проваленное задание было настоящим унижением.

Составив подробный доклад и обозначив интерес к исследованию точки бифуркации, Техник был готов сложить свои полномочия. Вместо увольнения, штрафа или иного порицания ему выдали полный карт-бланш на изучение любых тем и протоколирование схожих операций. Оказалось, что иногда человеческие потери можно считать допустимым сопутствующим ущербом. Техник вновь с головой окунулся в работу, закрепил термин допустимого ущерба, составил необходимые инструкции и взял помощницу – начинающего Оператора с перспективными задатками. Девушку звали Наталья Сергеевна, но он, конечно, называл ее просто Наташей.

А через два года под Владимиром уже сам Техник стал допустимым сопутствующим ущербом.

Глава 12

День второй. Суббота. Екатеринбург.

Представительский седан, не сбавляя скорости плавно ушёл направо. Асфальтированная дорога поднималась в гору, но в салоне мерседеса не ощущалось натуги двигателя, словно машина продолжала катиться по прямой. Дыжин проехал не меньше полукилометра, прежде чем сбавить скорость. Автомобиль легко ушёл влево и притормозил за пару метров от одноэтажной постройки. Водитель завернул за белый домик, примяв колесами разросшиеся к концу июня сорняки.

Павел Сергеевич жестом предложил Наталье покинуть машину. Вздохнув и прокляв оперативную работу, женщина вышла, расправила примявшийся летний пиджак и забрала из салона саквояж с терминалом. Она оглянулась в поисках намека на присутствие координатора или его, так называемых, пастухов. Конечно, они не настолько глупы, чтобы маячить перед глазами Дыжина, но отчаянно хотелось получить хоть какую-то весточку от коллег. Мол, ты не одна, мы рядом. Взглянуть бы мельком на проезжающий автомобиль со знакомым лицом.

Машины проезжали по оставшейся чуть в стороне дороге. Одни поднимались выше, на невидимую отсюда гору, другие спускались вниз. Никаких жилых зданий и случайных прохожих, только молодой парень через дорогу, метрах в пятидесяти от неё. Единственный свидетель её прибытия в без-

людное место аппетитно грыз семечки, расплёвывая шелуху на добрые полтора метра вокруг. Наверняка он ждал друзей или попутку. Разглядывать местность времени не было, Павел Сергеевич уже направился к одноэтажному зданию.

Казённая постройка простояла многие годы. Судя по красной вывеске, последним здесь работал продуктовый магазин. Возможно дело в рачительном хозяине или общей культуре горожан, но одноэтажный домик с двумя окнами и крыльцом с добротной дверью ровно посередине смотрелся вполне терпимо для столь старой постройки. Только несколько набросков начинающих художников, обильно прыскавших краской из баллончиков, портили вид и придавали зданию заброшенный вид. Ничего внятного на стенах бывшего магазина уличным творцам изобразить не удалось. Предки современного человека умудрялись создавать в своих пещерах рисунки лучше и красивее.

Наталья не стала испытывать терпение Дыжина, уже дежурившего на крыльце и нетерпеливо ожидавшего свою спутницу. Она приготовилась увидеть нечто отвратительное в ближайшие часы. В досье Павла Сергеевича стояла приписка аналитика: «садист».

Дыжин пропустил женщину вперед. Наталья Сергеевна в два шага преодолела небольшой тамбур и замерла в дверном проеме. Единственная на всё здание комната была по периметру заставлена витринами и торговым скарбом, у правого окна сложив ногу на ногу и скрестив руки на груди си-

дел мужчины. Она не могла ошибиться, она знала его фигуру, помнила лицо и главное, он по-прежнему натягивал до глаз свою неизменную красную бейсболку.

Только открыв рот, чтобы выразить свое удивление, Наталья получила жестокую затрещину от стоящего позади Дыжина и влетела в комнату, быстро перебирая ногами для равновесия. Женщина замерла на полусогнутых ногах, но не успев выкрикнуть что-либо гневное и оскорбительное, получила ощутимый тычок в спину. Павел Сергеевич придвинул стул и усадил ошеломленную Наталью, придавив её плечо своей тяжёлой рукой. Буквально через несколько секунд она осталась без личных вещей, терминала и коробочки с капсулами.

– Здравствуй, Наташенька, – наконец вымолвил мужчина в красной бейсболке. – Пожалуйста, Паша, не стоит усердствовать. Наталья человек логики, мы сможем обойтись без жестокости. Я прав, Наташа?

У Натальи перехватило дыхание. Боль от ударов, унижение и страх, всё наложилось на изумление – она будто увидела призрака.

– Хорошо, – мужчина не стал ждать пока растерянная Наталья придет в себя. – Давай я сэкономлю нам всем время. Да, я жив. Да, я не в обиде на твое решение. И ещё раз да, нам нужно обсудить твою работу.

– Но почему?! Почему вы не вышли на связь? – наконец прорвало Наталью. – Алексей Геннадьевич! Был взрыв, я хо-

тела, честно хотела запустить ещё одну сессию, мы могли, но...

– Но Фирма оценивает риски, и я был допустимым ущербом, – закончил за женщину Алексей Геннадьевич. – Дело было под Владимиром, – пояснил он Дыжину. – Один из первых обезумевших Клиентов, он хотел забрать терминал, поиметь Фирму. Заложники, оцепление, взрывы... я как-нибудь обязательно расскажу. Только знаешь, Наташ, – мужчина в красной бейсболке вновь обратился к своей старой знакомой. – Голытьба во многом оказался прав. Мы с ним долго болтали о том о сём, пока вы просчитывали допустимый ущерб. Я решил сделать это уже тогда, ты многого не знаешь девочка...

– Голытьба? – перебил Дыжин.

– Это фамилия, – пояснил Алексей Геннадьевич.

– Слышал, – пробурчал задумавшийся Павел Сергеевич.

– Но почему вы не вернулись? – Наталья была готова разрыдаться.

– А зачем? Мой план созрел ещё до вашего решения взрывать. Голытьба укрыл меня в подвале. Он тоже хотел спастись. Это не та глупая история про самопожертвование или отчаяние. Нет, он просто не успел. Так бывает. Ну а я... У меня были деньги и цель. Я многое прошёл, Наташа. Зарегистрировался в даркнете, словно мальчик бегал курьером, наработывал долбаный рейтинг. Потом я пробился к вам. Глупо было не менять площадки, мне ведь было известно,

как и где работает Фирма. Тем не менее прошло три года, пока мне не поручили доставку терминала. Слишком долго, думал я, они сто раз поменяют систему безопасности, наклепают новых кодов, а может, даже изменят всю структуру внутренней сети. Я был несколько разочарован тобой, Наташа, ведь теперь ты Техник!

– Мы многое сделали, – заговорила Наталья. – Ввели новые терминалы, объединили устройства в сеть...

– Это мои наработки! – перебил Алексей Геннадьевич. – Всё для дистанционного поражения устройств.

– Да, но вот разработки вашего кода мы отбросили. Команда из Индии работала над действующим вирусом, – запальчиво выкрикнула Наталья.

– Да не важно, – отмахнулся мужчина в красной бейсболке. – Ничего для меня нового. А вот вопрос один к тебе есть. Когда вы, чёрт возьми, запустите вирус на терминал Плеханова?

– Что вы задумали? – женщина перешла на крик и попыталась вскочить.

Стоявший рядом Павел Сергеевич наотмашь ударил Наталью тыльной стороной ладони по лицу. Женщина откинулась назад, чуть не упав со стула. Убедившись, что подопечная притихла, Дыжин вышел на улицу.

– Это поможет тебе ответить на мой вопрос? – как ни в чем не бывало спросил Алексей Геннадьевич.

Наталья прикрыла рукой быстро распухающую верхнюю

губу и кивнула. В конце концов, ей оставалось только тянуть время и надеяться на помощь коллег. Неужели он её убьёт? Алексей Геннадьевич Серебряков два года был её наставником в Фирме. Он пестовал начинающего Техника, на-таскивал её в знаниях, подключал к ответственным задачам. Они всегда говорили на одном языке, оба презирали Кли-ентов, разделяли озабоченность проблемами безопасности устройств и полностью отдавались работе, забывая о личной жизни. Когда-то их отношения можно было назвать близки-ми.

– Я всё знаю про ваш код. Направить вирус в нужный тер-минал со спутника, и правда, отличная идея. Ты права, вы переделали код, и мне не под силу его взломать. Ваша про-блема в том, что это мне и не нужно. Я просто перехвачу ваш вирус и перенаправлю на все подключенные к сети тер-миналы.

Женщина ахнула. Алексей Геннадьевич снисходительно улыбнулся. Ей было нужно время понять и свыкнуться. Он готовился к этому три года, план был безупречен и его соб-ственный переработанный терминал был настроен напра-вить вирус на все доступные устройства. Он обрушит сеть Фирмы. Оборвет все активные сессии. Нанесет непоправи-мый ущерб.

– Вы могли... – Наталья перешла на шепот. – Но как вы перехватите вирус?

– Ты невнимательна, девочка. Это простительно. Павел, –

Серебряков кивнул вошедшему Дыжину, – конечно, вывел тебя из равновесия. Я не просто так тратил время в даркнете, пришлось заслужить право стать курьером Фирмы. Благословенная мировая паутина дает возможность работать инкогнито. Поэтому я и осел в Екатеринбурге. Достаточно большой город для частых заказов ваших услуг и умеренные риски встретить коллег, способных тебя опознать. Ты знаешь, как я щепетилен в вопросах случайностей.

– Подстраховка?

– Конечно. Местный добродушный алкоголик заперт в петле времени. С пятницы по воскресенье. Точнее до полуночи с субботы на воскресенье. Дальше я пока не заходил. Знаешь, стыдно признаваться, но боюсь не запомнить все данные. Я ведь отслеживаю всех. Клиента, Оператора, ваши действия и даже твоего нового друга, – Серебряков кивнул на Дыжина. – Видимо старею, – Алексей Геннадьевич замолчал, но тотчас эмоционально продолжил. – Почему вы не вырубаете терминал Плеханова? Час за часом ничего не происходит, вы не знаете где Шац и Оператор, чего вы ждете? Протокол безопасности требует от вас активных действий. Я сам разрабатывал этот протокол!

– Подождите. Сейчас суббота, если вы доходили в петле до сегодняшней ночи, то почему сейчас я здесь? Почему вы задаете эти вопросы? Что-то пошло не так... – женщина на стуле улыбнулась.

Серебряков молчал. Он нервно заламывал пальцы и обду-

мывал продолжение диалога.

– Приступать? – спросил Дыжин, воспользовавшийся паузой.

– Пока нет, – покачал головой Алексей Геннадьевич. – Я не теряю надежды на добровольное сотрудничество. Ты права, Наташа. Настигла меня точка бифуркации.

– Точка бифуркации? – Павел Сергеевич чувствовал себя вполне комфортно, чтобы влезать в разговор.

– Да, – откликнулся Серебряков. – В нашем контексте точка во времени, когда человек может пойти по одному из двух или более путей. Для большинства не более чем умозрительная конструкция, но, когда прокручиваешь жизнь людей в одной и той же петле времени, всё становится материальным.

– Не понимаю, – чуть обиженно, но с большой заинтересованностью доложил Дыжин.

– Ну смотри, – Алексей Геннадьевич решил остановиться подробнее на своей любимой теме. – Если обычного человека замкнуть в петле времени, например, хм, в ближайший понедельник, то он будет делать одно и то же. Утром умоется и выпьет чай, поедет на работу, потом вернется обратно, зайдя в привычный магазин. Каждый раз он предпочтет один и тот же бизнес-ланч, выберет одну и ту же дорогу, скажет одну и ту же фразу своей консьержке. Слово в слово. Поверь. Но всё может измениться в любой момент и причины на то две. Эмоциональное состояние и внешний фактор. Первый случай я называю эффектом подвига. Например, че-

ловек может пожертвовать собой, это чистая эмоция. Один и тот же герой вполне может как броситься на амбразуру, так и стусеваться. Это вопрос иррационального выбора в конкретную секунду. Изменись момент выбора на доли мгновения и человек может принять другое решение. Ну а во втором случае, даже случайно и вполне невинно, человека может заставить изменить сценарий действий. Например, другой человек, неосторожно слово.

– Понятно, – Павел Сергеевич равнодушно пожал плечами. – Я пока приготавлиюсь.

Дыжин отошел к одной из торговых витрин и водрузил на стекло ящик с инструментами. Серебряков скорчил мучительную гримасу, мол «и ради такого идиота я распинался». Наталья Сергеевна не поддержала настрой своего бывшего наставника.

– Значит вы потеряли петлю. Либо этого алкоголика, либо сам терминал. Теперь вы нервничаете, решили запугивать меня. Но я по-прежнему не понимаю, как вы все провернули...

– Все предельно просто. Хоть и нудно. Я получил долгожданный заказ на передачу терминала Оператору и пришлось действовать. У меня было несколько часов свободного времени перед передачей посылки Плеханову. Эти новые устройства лёгкие и быстро работают, но вы их чрезмерно упростили, они не сложнее ноутбука. Боюсь, не только я могу их взломать. Когда Оператор начал сессию и синхронизи-

ровался с Шацем, я перехватил управление на себя. Их терминал стал обычным монитором, но блок питания остался в моих руках.

– Получается Кирилл не такой уж и недоумок?

– Конечно, – согласился Серебряков. – Любой бы на его месте растерялся. Я заблокировал его личный кабинет. Никакой связи с Фирмой. Плюс Павел, закадычный приятель Шаца, подкидывал им идеи о подставе, чтобы они мозгами не слишком шевелили. Ну и с моей стороны усиленный контроль. Много, много сил потрачено, Наташа. Теперь мне нужен ваш вирус. И давай я в последний раз буду вежливым: когда и как вы принимаете решение уничтожить проблемное устройство?

– Это месть? – тихо спросила Наталья.

– Только отчасти.

– Погибнут люди. В реальности. Много, скорее всего очень много.

– Не буду оригинальным, но люди гибнут всегда. Это смешные потери для человечества, на уровне погрешности. И вообще, – Серебряков впервые встал со своего стула и подошёл к сидящей женщине, – Наташа, неужели ты не оцениваешь замысла?

– Предать клиентов, Фирму... Мы всегда пытались это предотвратить.

– Похоже ты считаешь меня мелким графом Монте-Кристо? Жаль. Но у меня нет желания тратить на тебя время. По-

жалуйста, расскажи про текущий протокол ваших действий. Когда активируется вирус?

Наталья, выспившись, молчала. Они провели здесь не меньше получаса. Координатор должен был действовать, ведь она не выходила на связь. Оставалось как можно дольше продержаться. Женщина оглянулась, отчаянно ища зацепку, хоть какую-то идею. Как же можно было так глупо попасть в подобный переплёт?

***

Координатор уральской группы Игорь Анатольевич Черепанов аккуратно следовал в потоке, стараясь уследить за машиной Клиента, в которой находилась Наталья, и Solaris пастухов. Его броский Prado мало подходил для незаметной слежки, потому Игорь Анатольевич положился на своих подопечных и держался в стороне от преследуемой машины. Он выбирал разные полосы, позволял себе отдаляться от мерседеса Дыжина, больше следя за неприметным Hyundai пастухов.

Именно неверно выбранная полоса подвела Черепанова. Крупная транспортная артерия несла плотный гудящий поток машин, координатор сверялся с навигатором – дорога выводила на объездную или напрямую за город. Дыжин держался справа, почти прижимаясь к обочине, что было оправдано отсутствием общественного транспорта. Solaris уверен-

но держался в двух машинах позади. Сам Игорь Анатольевич выбрал для движения вторую полосу, то отставая, то нагоняя пастухов. Перед тойотой Черепанова нещадно чадил красный фиатовский фургон, координатор нашёл на панели и переключил кнопку подачи воздуха в салон. И пропустил поворот.

Сначала немецкий седан Клиента, а затем и корейский бюджетник пастухов резко ушли вправо, мгновенно исчезнув на петляющей, уходящей вверх дороге. Игорь Анатольевич успел увидеть задние фонари поднимающегося вверх Solaris и уперся в пробку.

Черепанов попытался дёрнуться вправо, заскочить на тротуар, возможно развернуться на узкой пешеходной части и прорваться к дороге в гору. Плотный поток машин и не подумал расступаться, разгоряченные тяжёлым движением водители мгновенно ответили гневной звуковой канонадой на попытки сместиться вправо. Продвинувшись вперед на пару метров, Игорь Анатольевич изменил тактику, перестроившись в крайний левый ряд для разворота. Навигатор информировал о пятистах метрах до ближайшего перекрестка и возможности развернуться.

Спустя мучительные минуты ожидания и два разворота, тойота Черепанова взлетела на нужную дорогу и, тарахтя дизелем, помчалась наверх. Проехав не многим более километра, Игорь Анатольевич резко затормозил. После очередного резкого поворота он почти уткнулся бампером в брошен-

ную посреди дороги Solaris. Черепанов мог и не выходить из своей машины, чтобы понять, что его пастухи мертвы. На Hyundai не осталось ни одного целого стекла, а тонкое железо обшивки буквально разворотило, словно кто-то расстрелял из мелкокалиберного оружия жестяную банку из-под зеленого горошка.

Не раздумывая, координатор зажал большим пальцем правой руки браслет на левом запястье. Портативный терминал модели ME-4 мигнул индикатором.

Игорь Анатольевич вновь стоял за коптившим красным фиатовским фургоном. На этот раз он вдавил клаксон и ответил своим гудком на рассерженные сигналы водителей с правого ряда, вывернул руль и выдержав небольшую паузу, пока поток не начнет движение перестроился, начал разворот. Колеса внедорожника легко перескочили через бордюр, почти вся машина разместилась на тротуаре, спускаясь на дорожное полотно только правыми колесами. Prado начал движение против потока, мигая дальним светом и аварийкой. Разворот занял минуту, еще через 30 секунд и тойота смогла повернуть вверх.

Черепанов уже знал где будет засада, пролетая новый поворот и очередные сто, а то и сто пятьдесят метров он понял, что не знал ответов на два важных вопроса. Во-первых, когда именно расстреляли машину пастухов, а во-вторых, как он будет противостоять крупнокалиберному оружию, изрешетившему Solaris.

С момента потери визуального контакта, когда Координатор проскочил нужный поворот, ему потребовалось не меньше четырех минут на развороты и возвращение на нужный маршрут. Именно тот временной промежуток, который он мог выиграть благодаря своему браслету. У него был шанс успеть до засады, поэтому Игорь Анатольевич выжимал всю возможную прыть из своего внедорожника и рискованно крутил рулем, вписываясь в повороты.

Как противостоять голыми руками огнестрельному оружию придумать не удалось. Координатор решил таранить неведомых убийц. Черепанова переполняла праведная ярость, именно в таком эмоциональном состоянии человек способен жертвовать собой ради уничтожения противника. Расстрел пастухов, его парней, казался Игорю Анатольевичу вероломнейшим преступлением.

К сожалению, он опоздал.

Позабыв во время бешеной гонки о нужном повороте, жадно выискавшая глазамидвигающий Hyundai, координатор успел затормозить в считанных сантиметрах от застывшего посреди дороги Solaris. Над изуродованной корейской машиной оседало облачко из взвеси пыли, мельчайших осколков стекла и газов.

Черепанов с отчаянием посмотрел на своей браслет. Теперь в нем не было никакого смысла. По крайней мере для спасения пастухов. Игорь Анатольевич в очередной раз проклял настройки в жалкие три минуты и горстку секунд, для

спасения жизни людей ему не хватило совсем чуть-чуть. Координатора кольнула мысль о возможных ранениях, в конце концов, он и в первый раз не измерял пульс расстрелянных в машине. Черепанов распахнул дверь и быстро выбрался из машины, ловко опираясь на левую, здоровую ногу.

Словно в тумане, уже понимая бесполезность спешки, координатор прохромал к разбитому Solaris и заглянул в ближайшее окно машины. Мерять пульс было бессмысленно. У ребят не было шанса, таких ранений Игорь Анатольевич не видел даже на войне. Изуродованные тела двух молодых парней замерли на окровавленных креслах машины. В центре страны, в мирное время. Координатор облокотился ладонями на крыло машины. Оцепенение проходило, ему было нужно думать о дальнейших действиях. Наталью увезли в неизвестном направлении, а ведь она тоже его подопечная и значительно более беззащитная, чем погибшие пастухи.

Черепанова отвлек неожиданный звук за спиной. Он крутанулся на здоровой ноге и успел горько усмехнуться – как можно было не обратить внимание на этот микроавтобус? Белый фургон стоял на обочине, утопая на добрые полколеса в разросшихся сорняках. Машина была тут и в первый раз, до запуска им, координатором, петли времени с браслета. Зброшенный микроавтобус, припаркованный неизвестно кем и когда, он выглядел частью пейзажа, не подавая признаков жизни из-под пыльных тонированных стёкол. Теперь в микроавтобусе откатили широкую боковую дверь, а в про-

еме маячил сосредоточенный боец с ручным пулемётом. Пулемётом, направленным на Черепанова.

Из микроавтобуса вышло два человека. Один без малейшей брезгливости и такта вытащил тело водителя Solaris, переложил труп на заднее сиденье и уселся на место водителя. Он провернул ключом, оставшемся в гнезде зажигания и с явным удовлетворением прислушался к запустившемуся двигателю. Hyundai медленно тронулся и потащился вверх по дороге.

Второй мужчина из белого фургона быстро обыскал распластавшегося Черепанова. Снял с левого запястья браслет. Бегло осмотрел координатора, примеряясь взяться за него поудобнее, поднял на руки. Тело не крупного Игоря Анатольевича смотрелось несуразно большой куклой в руках взрослого человека. Координатора грубо запихнули на задний ряд кресел Prado, подвернувшаяся голова с изуродованным лицом единственным оставшимся глазом уставилась в белоснежного плюшевого мишку.

Тойота стремительно догнала шедший впереди Hyundai, микроавтобус замыкал процессию.

***

– Я не понимаю на что вы рассчитываете, – Наталья Сергеевна отчаянно тянула время и старалась говорить очень быстро. – Вы повредите только часть, малую толику, всех

имеющихся устройств. Только те терминалы, что будут активированы. При этом на вас начнут настоящую охоту. Всё замыкается здесь, в Екатеринбурге. Это как нулевой пациент. Здесь возникла проблема и отсюда будут разматывать клубок.

Наталья запыхалась, её бывший коллега ничего не отвечал. Его не трогали её угрозы и рассуждения, он давно всё продумал.

– И в чем смысл? – робко спросила женщина.

– Я подорву их бизнес, развалю все их связи, – неожиданно заговорил Алексей Геннадьевич.

– Под раздачу попадут только рядовые Операторы и Клиенты, – возразила Наталья, ухватившись за возможность диалога и, как следствие, затяжку времени.

– Верно. Но ты не думаешь о последствиях. Им просто никто не будет больше доверять. Да, никто не знает твоих настоящих хозяев, я не могу их даже вычислить, не то что причинить им вред. Однако они уже не смогут продавать свою деликатную услугу. И я надеюсь, никогда не восстановят репутацию. Я ожидаю большого резонанса.

– А вы?

– А у меня заканчивается время, Наташа, – резко ответил Серебряков. – Сегодня очень плохой день, один дурак прыгнул из окна и поставил меня в состояние неопределенности. Мне нужны ваши протоколы действий, Наталья.

Алексей Геннадьевич несколько секунд ждал ответа.

– Жаль, но вы были правы, Павел.

Бывший Техник отошёл к окну и повернулся к Наталье спиной, его руки нервно мяли красную бейсболку. Дыжин, последние пять минут колдовавший у витрины, с противным скрипом подтащил к женщине металлическую тумбу. Пока Павел Сергеевич сноровисто и споро привязывал Наталью, она успела рассмотреть разложенный заботливым садистом инструментарий. Ничего необычного, стандартный ремонтный набор. Отвертки, ключи, плоскогубцы, гвозди, мешочек саморезов... Наталье стало очень страшно и впервые за много лет из ее глаз потекли слёзы.

– Когда я был мальчишкой, мне нравились истории про партизан и индейцев, – Дыжин сел на корточки и с интересом наблюдал за мимикой привязанной женщины. – Меня завораживали герои, сохранявшие свои тайны под пытками. Я представлял себя на их месте, стискивал зубы и презрительно смотрел в глаза вымышленных мучителей. Но со временем оказалось, что в книжках пишут не правду. Было обидно, но у меня богатая практика, я знаю о чём говорю. Большинство сдаётся сразу, некоторые держатся чуть дольше. Но в итоге все, абсолютно все, говорят.

– Когда активизируется вирус, Наташа? – Алексей Геннадьевич оставался у окна и не собирался поворачиваться.

***

Дыжин стоял на крыльце и шурился, разглядывая своего патрона. Алексей Геннадьевич Серебряков. Раньше он знал только имя. Станный высокий человек, владеющий собственным терминалом, напоминал Павлу умную мышь, а то и крысу.

– Вас подвезти?

– Нет. Я с Димой, – Алексей Геннадьевич кивнул в сторону гаражей, где по-прежнему маячил молодой человек с пакетом семечек.

– Вам эта информация поможет?

– Теперь всё значительно проще, – Серебряков посмотрел на часы. – Завтра в десять тридцать утра по местному времени вирус автоматически будет направлен на терминал Плеханова. В ту же секунду будут уничтожены все активированные терминалы по всей земле.

– Мне ехать за Плехановым?

– Кирилл, – задумчиво проговорил Алексей Геннадьевич. – Нет-нет. В принципе нам нужно только ждать. Мы постараемся собрать всех участников нашего спектакля вместе. Или избежимся от них во избежание неприятных сюрпризов. Но сейчас же я попрошу тебя найти мою технику. Её изъяли. Где-то в полиции надо искать. Вывези всё, Паша, включая все запасы капсул. Это по-настоящему важно.

– Откуда изъяли? – нахмурился Дыжин.

– Академическая, 19. Там несколько часов назад пьянчужка из окна выпрыгнул. Полицейские проявили неумест-

ное рвение.

– Но мне надо к Вадиму. Там и Оператор его...

– К Вадиму через двадцать минут придёт толпа разогреченных юных уголовников. Шац уже не проблема. А Кирилл вывезет твой Нурлан. До позднего вечера они точно будут скрываться на одной из твоих квартир, а дальнейшего я не знаю. Разберешься с ментами и забирай терминал у Плеханова. Его судьба мне не интересна. Хотя лучше его придержать под боком до завершения всего задуманного.

Павел Сергеевич побледнел и сжал кулаки.

– Шац должен свалить в Израиль. Это был наш план.

– Не я же еду его убивать, Павел, – оскорблённо ответил Серебряков. – Пожалуйста, придерживайся моих инструкций и не забывай, что стоит на кону. Я как никак гарантирую тебе шестьдесят сеансов без ограничения времени. Ах, чёрт, – Алексей Геннадьевич хлопнул себя ладонью по сжатому кулаку. – Хотел же у нее спросить, что за ерунда творилась днём у Оперного театра.

Глава 13

День второй. Суббота. Екатеринбург.

Нурлан развалился на скамейке и прищурился глазами подставил лицо вечернему солнцу. Дыжин задерживался. Вадим Аронович нервно нарезал круги по парку, поникший Кирилл отпросился в магазин, выпросив у казаха пятьсот руб-

лей. Никто уже не сторожил парня, он погряз в этом деле не меньше остальных и совершенно точно бежать ему было некуда. Кирилл по-прежнему таскал свой рюкзак с бесполезным устройством, которое все вокруг называли терминал. Разморенный солнцем Нурлан лениво обдумывал события последних суток и наслаждался бездельем в тихом дендрарии.

Он понимал почему Дыжин ввязался в опасную авантюру. Нурлан был воспитан в преданности к своей команде, понятиям дружбы и нелепому, но важному принципу брат за брата. Он ценил Павла Сергеевича за его поступок. Слишком часто в отношении выросших в 90-е подлой змеей заползало лицемерие. Высокие слова о чести и братстве не выдерживали проверки жизнью. Вступившись за Шаца, Дыжин поступил честно.

Вадим Аронович прошёл мимо Нурлана, заходя на очередной круг. Шац посмотрел на часы и тряхнул головой.

– Что-то не так, Нурлан. Паша давно должен был приехать.

– А что мы можем сделать? – удивился казах.

– Сходи за Кириллом, пора отсюда уезжать.

Нурлан постарался не выдавать своего разочарования. Он легко поднял своё большое тело и не спеша потопал в сторону Первомайской. Вадим Аронович занял его место на скамейке и закрыл лицо руками. Ему отчаянно хотелось вернуться в прошлое.

Севастьянова нужно было убить. Без помощи неких дельцов с их петлями времени и разорительных сеансов. Севастьянов должен был умереть по-настоящему. Ещё после первой петли времени, дядя Миша всё рассказал, включая мелкие подробности. Не было никаких сомнений в его виновности. Но Вадим Аронович тянул. Ещё одна сессия, ещё одна петля времени. А теперь он доигрался.

– Один?

Шац резко вскинул голову и разомкнул закрывающие лицо ладони. Слишком знакомый скрипучий голос, можно было и не смотреть на улыбающуюся харю Юры Колмакова.

– А где киргиз? – не дождавшись ответа продолжил задавать вопросы торжествующий Юра. За ним стояли пять спортивного вида парней.

– Он казах, – медленно произнес Вадим Аронович, оценивая обстановку. За скамейкой улавливалось движение, значит со спины тоже заходили Юрины бойцы.

– Да насрать, – весело парировал Колмаков. – Главное тупой, как и твой дружок Паша. Как два пальца об асфальт вас выследить.

Значит, они следили за машинами. Это объясняло опоздание Дыжина, но не помогало решить текущую проблему – с разных сторон продолжали прибывать крепкие ребята, явно заводящие сами себя на драку. Юра противно победно ухмылялся.

Юрий Колмаков никогда не сидел в местах лишения сво-

боды и даже не мог похвастаться условным сроком. Юрия ни разу не привлекали, он только дважды видел живых воров в законе, но криминальный жаргон, многочисленные татуировки, обильно покрывающие Колмакова от кончиков пальцев до груди и спины, создавали мощный образ в глазах преданной ему молодежи, ищущей правды жизни в блатной романтике. Сам Колмаков был по собачьему предан только шансону и Севастьянову. Юрий считался человеком вспыльчивым, его избегали и мало кто по-настоящему знал. С убийством «дяди Миши» мир Юрия Колмакова рухнул. Единственное, о чем мог думать осиротевший почти седой мужчина, играющий в криминального авторитета, была месть.

Развязный, разболтанный Юрий несправедливо считался приспешниками Севастьянова недалёким. Колмаков не блистал эрудицией и не мог сравниться с другими подопечными дяди Миши в придумывании и реализации мошеннических схем, он был не способен долго сосредотачиваться на работе с документами и слушать экономические выкладки. Однако, Юрий прекрасно ладил с молодежью, ловко обстрепывал криминальные делишки и отвечал за крышевание тех немногих рынков, которые оставались под опекой его патрона. Колмаков приносил стабильную прибыль и, ведя вполне аскетичный образ жизни, не попадался на воровстве.

На следующий день после смерти Севастьянова, по малолюдному в теплую июньскую субботу Екатеринбургскому рыскали десятки жаждущих заслужить благодарность Колмакова

крепких молодых людей. Ближе к вечеру в затонированных машинах с орущим во всю мощь бюджетных колонок шансоном, один за другим прозвенели телефоны. Они отследили убийцу дяди Миши, все понимали, чего от своих бойцов ждёт Колмаков.

Молодые люди продолжали стекаться в дендрарий из наспех припаркованных со всех сторон машин. Некоторые шли налегке, но большинство вооружалось битами и монтировками. У каждого второго из оттопыренных карманов торчали кастеты, отвертки и другой вспомогательный инвентарь.

Ждать было нечего. Первым же движением Шац ударил в лицо ощерившегося Колмакова. Костяшки кулака попали в верхнюю губу. Юра откинулся назад и взвыл. И без того болезненный удар, скорее всего, стоил ему передних зубов. Внимание Вадима Ароновича уже давно переключилось с поверженного второй раз за сутки Колмакова, он вступил в бесперспективную стычку с набросившимися бойцами.

Многие молодые парни, пришедшие с Колмаковым, прошли секции единоборств, они впитали в себя простые истины о превосходстве силы и жаждали быстрой наживы. Им отчаянно не повезло родиться в конце девяностых, ведь во время их расцвета в стране и бизнесе перестала цениться сила и физическая мощь. Давным-давно поделенные рынки и окрепшее государство закрыли дорогу молодым. Колмаков обещал всё изменить и первой жертвой нового порядка суждено стать убийце легендарного дяди Миши.

Бойцы нападали волнами, но лёгкая добыча неожиданно успешно и упорно сопротивлялась. Вадим Аронович бил короткими ударами, метил в горло, глаза и пах. Он уворачивался от появившихся ножей, уходил от захватов и пытался продвинуться в сторону улицы Мира, надеясь добраться до выхода. Шац действовал просто и экономно. Лаконичные движения без какой-либо эстетики эффективно укладывали на землю наседающих противников, он действовал агрессивно, рывками смещался в стороны, раскачивая нестройные ряды противников.

Конечно, несмотря на навыки рукопашного боя, Шац был обречен. Его обступили гурьбой и повалили. Сгруппировавшийся Вадим Аронович молча принимал тяжёлые удары. Шаца пинали с остервенением, расталкивая друг друга. Всем хотелось поучаствовать в благородной мести, особенно оклемавшимся, поверженным первыми, бойцам.

***

Мимо Нурлана пробегали всё новые и новые бойцы. Они бросали машины на обочинах, торопились успеть поучаствовать в таких редких в наших дни разборках. Кирилл, закинув рюкзак за спину, рвался на помощь. Нурлану пришлось держать его за ляжку сумки и втолковывать о бесполезности вмешательства. Так или иначе, Шац работал на Севастьянова и пусть он не участвовал в криминальных делах, правила

игры в большой «семье» дяди Миши были известны всем. Нурлану с Кириллом нужно было срочно убираться с этой улицы.

Дендрарий оглушили sireны. Три полицейских УАЗика промчались напрямиком в парк с улицы Мира. За ними с включенными маячками проплыли два форда. Избиение мгновенно прекратилось. Высыпавшие из УАЗиков сотрудники ППС многозначительно выставили вперед автоматы. Несмотря на численный противовес армии Колмакова, нагрянувшие полицейские оттеснили вооруженных холодным оружием бойцов. Выбежавшие из фордов офицеры размахивали пистолетами и требовали разойтись. Толпа замерла в нерешительности. Одно не осторожное слово или резкое движение могло начать бойню.

– Мы заберем только его, – один из полицейских луженой глоткой орал на весь парк без мегафона. – Только его!

Двое патрульных помогли встать Вадиму Ароновичу. Шаца отвели в один из полицейских фордов и сотрудники росгвардии, не спуская с толпы оружия медленно расселись по своим машинам. Колонна служебных автомобилей в обратном порядке покинула парк и умчалась в сторону ближайшего РОВД. Бойцы Колмакова разочарованно переговаривались.

– Чёрт с ним, достанем по ту сторону, – резюмировал Юра, вытирая ладонью окровавленный рот.

***

– Что же вы, Вадим Аронович, забыли в парке? После тройного то убийства, – вкрадчиво поинтересовался офицер, разместившийся с Шацем на заднем сиденье.

– Гулял, – ответил Шац, ощупывая голову. Тело ломило, но больше всего болела голова, несколько ударов чем-то тяжёлым он все-таки пропустил.

Полицейский сочувственно посмотрел на окровавленного Вадима Ароновича.

– У них там в задних рядах несколько человек так и не встали. Как же вы так? Бокс?

– Крав-мага.

– Крав-мага? Ударение на последнюю «а»? – полицейский проявил искреннюю заинтересованность. – Это что-то из фэнтези?

– Мне нужен адвокат, – вместо ответа заявил Шац.

Глава 14

День третий. Воскресенье. Екатеринбург.

– Но по-настоящему я удивлён быстрой реакции полиции, – Нурлан закончил рассказ о произошедшем в дендрарии.

– Это я их предупредил. Чёртовы эмоции.

Дыжин злился сам на себя. Информация об атаке мсти-

тельного Колмакова выбила его из колеи. Не успевая ничего сделать лично, Павел Сергеевич позвонил в полицию. Он сдал намечающуюся стычку и личность Шаца. Принимающий звонок дежурный ожидаемо ухватился за сведения о подозреваемом в тройном убийстве. Остальное было делом техники.

Вадима успели спасти, но дальше стало хуже. Шаца привезли в то же отделение, где хранились нужные Серебрякову вещдоки. Один и тот же район! Павел Сергеевич даже не успел об этом подумать. Появление в застенках Вадима Ароновича навело шороху во всем Отделении. Резонансное преступление освещали все ведущие СМИ. Ожидалось прибытие высоких чинов и журналистов. Суматохи у РОВД добавили прибывшие разгоряченные дракой и неудавшейся мессью молодые бандиты. Дыжин успел договориться и забрать упаковку капсул (пришлось сильно переплачивать, продажный полицейский был уверен в содержащихся под оболочкой таблеток наркотиках), а нужное Алексею Геннадьевичу оборудование хранилось у айтишников. Однако, из-за прибывших следователей Главного управления, переговоры сорвались и Павла Сергеевича невежливо попросили удалиться.

Пока он добрался до Нурлана и Плеханова наступила глубокая ночь.

– О чём ты, Паша? – Нурлан переваривал информацию от Дыжина. – Как ты мог знать?

– Меня предупредили.

– Так мы ведь тоже могли там быть. Я и Кирилл... Мы всё это время как раз обсуждали, как сложились звезды...

Нурлан и Плеханов ожидали Дыжина несколько часов. Павел Сергеевич вкладывал деньги в жилую недвижимость, одна из квартир в элитном доме несколько лет стояла без дела. Здесь хранилось так много оружия, что Павел Сергеевич часто шутил о последнем прибежище на случай апокалипсиса. Нурлан приехал именно сюда, чтобы вооружиться для неминуемой борьбы с Колмаковым.

Находившийся под впечатлением от увиденного в дендрарии, Кирилл охотно вникал в системы имеющегося оружия, быстро освоил перезарядку и переключение предохранителя. Он был знаком с оружием – специфика работы, но сам был в тире считанные разы.

– Для тебя не было угрозы, Нурлан, – Дыжин нетерпеливо встал. – Короче, мне нужен терминал.

– Но все-таки как ты мог знать наверняка? Мы отошли ненадолго. Это чистая случайность.

– Я знаю только один способ видеть будущее, – подал голос Кирилл и Павел Сергеевич с Нурланом одновременно обернулись к нему. – Петля времени, – развел руками Плеханов. – Прожить один день, вернуться в начало и исправить ошибки. Я много об этом думал, когда начал работать в Фирме. Можно избежать катастроф и множества бед. Даже врачу перед сложной операцией можно так подстраховаться.

– Ладно, кончайте базар, – резко выпалил Дыжин. – Мне нужен твой терминал, поговорить успеем потом.

– Нет-нет, – Нурлан привстал и вытянул руку, перекрывая Павлу Сергеевичу проход. – Поговорим сейчас.

– О, Господи! – воскликнул Дыжин, но идти на конфликт не стал.

Накалившаяся в квартире обстановка почти взорвалась, когда из-за открывшейся входной двери в комнате засквозило. В коридоре послышался топот. Недоверчиво взглянув на Дыжина, Нурлан схватил подготовленное для борьбы с Колмаковым оружие. В комнату ворвалась четвёрка вооружённых мужчин.

– Нас прислали на помощь! – весело проорал один из четверых ввалившихся в комнату мужчин. – Ты достал, что тебя просили? – говоривший держался за спинами своих товарищей.

– Только капсулы, – Дыжин встал между гостями и Нурланом с Кириллом. – Вас здесь только не хватало, Дима.

– Ты медлишь, шеф нервничает, – пояснил Дима, не переставая скалиться и обнажая щербинку между передними зубами. – Что за фигня с Шацем, Паша?

– Я всё улажу. И достану оборудование. Чёрт, да я сам через час буду у шефа.

– Слишком много косяков, братан. Слишком много. Отдавайте терминал, – крикнул щербатый, обращаясь к Нурлану и Плеханову.

– Я не знаю, что ты за хер, но советую свалить со своими дружками, – ответил казах.

– Наглый чурка, – усмехнулся один из налётчиков и вскинул руку с пистолетом.

Оказалось, что пальба в замкнутой квартире вполне может контузить. Перед Кириллом стоял стол, забитый заряженным оружием, и он разрядил три пистолета, меняя оружие, а не обоймы для экономии времени. Последние несколько пуль ушли в голую стену коридора, никого из нападавших не оставалось на ногах, но Плеханов не сразу это осознал, вдавливая спусковой крючок. В комнате висела дымка из выбитого пулями кирпича и бетона.

Нурлан так и не встал со своего стула, за прошедшую короткую перестрелку он успел разрядить лежавший на коленях автомат, дважды расчертив проем двери очередями. Скорее всего, именно он перебил вооруженных налетчиков. В могучей груди самого казаха темнели две крохотные дырочки. Нурлан опрокинул голову вперед, огромные руки безвольно висели вдоль тела.

На дрожащих от адреналина ногах, Кирилл прошёл мимо мертвого Нурлана. Звенящая голова ещё не приняла новости о смерти союзника. Плеханов перешагнул через распростертого на полу Дыжина и осмотрел нападавших. Среди трупов валялся скрюченный крикливый налётчик, обозвавший Нурлана и начавший перестрелку. А вот щербатый парень исчез. Кирилл вышел в коридор и плотно закрыл вход-

ную дверь. Если выживший наемник поджидал в подъезде, то Плеханову нужно было прийти в себя, прежде чем пытаться выбраться из западни. Кирилл вернулся в комнату и открыл окно. Голова по-прежнему кружилась.

– Эй, парень.

Слабый голос Павла Сергеевича пронесся где-то рядом. Кирилл растерянно развернулся, ища глазами источник звука. Дыжин извивался на полу, пытался подтянуть ноги, но каждая попытка обрывалась болезненным всхлипом. Павел Сергеевич был ранен в правое бедро, живот и плечо. Кирилл помог раненому сесть, безотчетно рассмотрел ранения. Он никак не мог помочь, разве что зажимать входные отверстия, но кровь из живота выходила мощными циклическими толчками, Павел Сергеевич пытался зажать рану сам. Плечо было простреляно сзади, скорее всего Кирилл сам того не желая подстрелил Дыжина. Но это ничего не меняло.

– Кто это был? – собственный голос казался Кириллу далеким и глухим.

– Наемники, – прохрипел Дыжин. – Нурлан?

– Мертв, – Плеханов с горечью посмотрел на замершего казаха. – Так вы были в петле? Вы заранее знали про дендрарий.

– Не я, он, – Дыжин громко сглотнул слюну. – Он появился год назад. Предложил свои услуги. Почти бесплатно в сравнении с вами. Я втянулся, слово за слово. Он взломал твой терминал, не дал завершить сессию. Но я, слышишь, –

Павел Сергеевич попытался ухватить Кирилла за футболку, – мы договаривались за Шаца. Я спрятал его жену и дочь и вытащил бы Вадику, а теперь он хочет его убить.

– Сюда ещё нагрянут наемники? – Кирилл медленно приходил в себя.

– Вряд ли. Мы активировали терминал второго оператора.

– Которого вы должны были встретить сегодня?

– Я встретил, – Дыжин наконец нашёл удобную позу и лежал, зажимая обеими руками рану в животе. – Она была нужна ему... для информации. А ещё он запустил сессию с её терминала. Он любит подстраховываться.

– Кто он? – Кирилл тормозил Павла Сергеевича за здоровое плечо.

– Он работал в вашей Фирме. Оператор называла его Алексеем Геннадьевичем.

– Не знаю такого, – признался Плеханов.

– Это не важно. Всё не важно. Он победит.

– Но какой план? Что он задумал? Нам всё-таки нельзя вернуть Шаца назад? – Кирилл почти орал на Дыжина.

– Эй, парень, да ты словно проснулся. Весь день играл в молчанку, а тут раскричался, – Павел Сергеевич выжал из себя улыбку. – Он хочет свалить вашу Фирму. У него свой терминал, но его изъяли менты. Я сам не понял, как это произошло, смог спасти только капсулы. Они говорили... слушай чувак, – Дыжин перевернулся на спину, – я не всё понял. Но похоже Алексей этот Генадич переподключил вашу

сессию на свой терминал. Наверное, он может вернуть всё назад.

– Но ведь это всё меняет! Надо найти терминал, я смогу замкнуть петлю.

– Я же говорю: это не важно! – Павел Сергеевич ударил кулаком по полу. – Сейчас этот щербатый Дима вернется к шефу, и они вернут меня на шесть часов назад. Я не смогу спасти Вадика, а к вам зайвится ещё больше народа. Этого человека не победить. Нет, он монстр.

Кирилл подобрал пакет с капсулами. Таблетки ничем не отличались от его собственных, только он ни разу не видел так много сразу. Сотни капсул в одном пакете. Им выдавали одноразовый набор. Это объяснялось безопасностью. Человек, имеющий терминал и такой запас капсул мог чувствовать себя неуязвимым.

– Как найти терминал? – Кирилл встал и направился к столу с оружием.

– Всё в Кировском ОВД. Похоже ты меня не слушал, – грустно сказал Дыжин.

– А Шац? – на дне рюкзака утонул пакет трофейных капсул и несколько обойм к пистолету.

– Смешно, но там же. Парень, очнись, сейчас закроют сессию, и ты забудешь этот разговор.

Кирилл закинул рюкзак на спину, немного постоял напротив Нурлана и похлопал мертвого казаха по плечу. Он развернулся к Дыжину с пистолетом в руке.

– Мне что-то передать Вадиму Ароновичу?

В глазах Павла Сергеевича мелькнуло понимание. Он улыбнулся.

– Всё должно было быть не так. Пойми пацан, меня подсадили. Я мучился, мне нужны эти ваши сессии, иначе я просто схожу с ума. Таких как я называют садистами, Кирилл, – похоже он первый раз назвал Плеханова по имени. – Мне нужен этот наркотик. Без него я бы уже пылил на зоне.

Дыжин убрал руку от живота. Он хотел что-то сказать ещё, но Кирилл не стал ждать. За открытым окном послышались сирены. Плеханов выпрямился и вытянул руку с оружием. Несмотря на кажущуюся решимость, дуло несколько раз предательски дёрнулось. Нет, нельзя дать им замкнуть петлю. Кирилл выстрелил Дыжину в голову. Смерть Клиента разрывает сессию.

Глава 15.

День третий. Воскресенье. Екатеринбург.

На смотровой площадке бизнес-центра «Высоцкий» прохаживались первые утренние посетители. Алексей Геннадьевич в своей неизменной красной бейсболке любовался воскресным Екатеринбургом.

– Это самая высокая точка, – сообщил своей семье мужчина неподалеку.

– А почему Высоцкий, папа? – паренек лет двенадцати

пытался рассматривать город, встав на цыпочки.

– Игра слов, – пожал плечами отец.

К Серебрякову присоединился Дима. За его плечом маячил коренастый наемник с почти квадратной головой.

– Костя, погуляй, – шикнул на напарника Дима.

Коренастый парень послушно отошёл. Алексей Геннадьевич одобрительно посмотрел на Диму. Хороший парень, толковый. И не без авторитета. Они некоторое время стояли молча.

– Интересная игрушка, Дима, – Алексей Геннадьевич показал зажатый в руке чёрный браслет. – Как ты вычислил этих ребят?

– По видеозаписи с Оперного театра. У них не было оружия, а у нас было. Не знаю кто они, но выслеживать Дыжина стоило аккуратнее.

– Я рад, что дал тебе карт-бланш, – похвалил Серебряков.

– У меня потери. Минус три человека. Нужно нанять новых.

– Пока не стоит. У тебя остался Костя и ещё один. Как там его?

– Валера. Он нервный.

– Ну так ты учти, что нервный и поручения давай по возможностям. Тебе бы Кирилла найти, у него мои капсулы. Как таблетки, целый мешок. Не ошибешься.

Серебряков поднял руку, к нему тотчас подошёл Костя. Алексей Геннадьевич передал подручному свернутый лист

бумаги.

– Шаца нужно потеревить, вывести из зоны комфорта.

Алексей Геннадьевич усмехнулся сам себе. Костя мгновенно исчез вместе с полученной запиской. Дима недовольно проследил за ним взглядом. «Никак ревнует?» – к своему удовольствию подумал Серебряков.

– Как искать Кирилла?

– Никуда он не денется, – беспечно откликнулся Алексей Геннадьевич. – Он обычный парень в чужом городе. Будет где-нибудь прятаться. У меня есть на него зацепочки, так что будь на связи и не уезжай из города.

– Какой план дальше?

– Десять двадцать восемь, – вместо ответа Алексей Геннадьевич посмотрел на часы. – Ты иди, Дима, иди. Я хочу побыть один.

Серебряков посмотрел вслед Диме. Толковый парень. И любопытный. Пожалуй, слишком.

***

Воскресенье. Москва.

Степанов был готов прыгать с крыши.

Ох уж эта Москва-Сити! Пожалуй, Максим был единственным человеком, не разделяющим всеобщее восхищение деловым центром страны. Он уже несколько месяцев трудился Оператором именно на этом участке и видел в

Москве-Сити не роскошь, власть и бликующие на солнце небоскребы, а скучные фантазии местных бизнесменов и чиновников. Набить морду начальнику, шуточно позвонить в администрацию президента, перестрелять всех коллег на этаже – эти Клиенты заказывали короткие сеансы из-за экономии средств и не могли придумать ничего по-настоящему стоящего, разрывающего шаблоны, выворачивающего нервы и желудки окружающих. В отличии от большинства своих коллег, Максим восхищался подвластной ему технологией и практически буквально проливал литры горячих слёз бессилия от невозможности самому воплотить фантазии в открытой петлей времени безнаказанности.

Никита Андреевич Степанов по градации, придуманной Максимом для своих Клиентов, относился к категории беззлобных экстремалов. Его сеансы не были направлены на кого-то другого, только сам Степанов и только его игра со смертью. Возможно, думал Оператор, Никите Андреевичу стоило заняться альпинизмом или прыжками с парашютом – рисков и адреналина не меньше, а экономия денег налицо. К сожалению, или к счастью, советы и консультирование Клиентов не входили в обязанности Операторов. Максиму оставалось безупречно отработать ещё чуть-чуть и его наверняка переведут на более сложные проекты. Когда-нибудь он и сам скопит достаточно денег, чтобы всласть насладиться безнаказанностью благодаря возможности вернуться по петле.

Степанов уже забрался на крышу и отчаянно махал обе-

ими руками. Максим так и не вышел из своей машины, его бюджетный универсал был удачно припаркован вдоль дороги и водителю открывался безупречный вид на небоскреб. Максим несколько раз моргнул дальним светом, теперь Клиент мог не переживать – Оператор контролирует ситуацию.

Максим заблокировал двери машины, выключил звук на смартфоне и отбросил его на заднее сиденье, работа есть работа, и сейчас нужно было отрешиться от посторонних мыслей, исключить внешнее вмешательство. Оператор откатил водительское сиденье назад, установил экран терминала на колени и положил руку на кнопку сброса сессии. Ладони привычно вспотели, а в висках запульсировала кровь. Взрослый человек летит с крыши небоскреба почти минуту (конечно, в зависимости от этажности здания), проблема заключалась в том, что оператор должен был прервать сессию только в самом конце падения, а именно ближе к земле тело наберет ужасающую скорость. Совместить желание Клиента максимально приблизиться к смерти с его же, Клиента, безопасностью задача не простая.

Оператор внимательно смотрел на фасад здания, временами поглядывая на терминал. Все показатели Клиента находились в рамках обычного, а ведь Степанов уже летел. Никита Андреевич разбежался, выпрыгнул с крыши на пару метров вперед и теперь раскинув руки и ноги четырехконечной звездочкой летел вниз, набирая и набирая скорость. Наверное, Максим мог бы просчитать скорость падения Клиента,

но эти данные ничем не могли помочь, Оператор сосредоточился на визуальном сопровождении Степанова, время от времени прикасаясь ладонью к заветной кнопке возврата.

Клиент «прошёл» середину здания и пролетал остаток пути, возможно он что-то кричал, как это делают туристы на американских горках, возможно ему было смертельно страшно, и он уже несколько раз пожалел о своем решении. Система считала его показатели жизнедеятельности стабильными (Максим немного опасался разрыва сердца или чего-нибудь подобного).

На улице стали замирать люди. Они вскидывали голову вверх, активно жестикулировали и тыкали пальцами по направлению к пролетавшему этаж за этажом Степанову, некоторые тянулись за телефонами и судорожно дергали пальцами по экранам, торопясь включить камеру.

Оператор не видел ничего вокруг, сейчас он был сосредоточен только на летевшем вниз Клиенте и собственной руке, занесенной над заветной клавишей, избавляющей от последствий кнопке. Двадцатый этаж и почти сразу семнадцатый, Максим не успевал считать мелькавшие этажи. Вот Степанов «прошёл» пятнадцатый, а теперь сразу десятый. Пора нажимать кнопку. Но Клиент так просил рискнуть! Восьмой этаж. Он хотел достигнуть минимум третьего. Шестой этаж. Четвёртый. Это уже слишком! Хватит. Максим вдавил кнопку ладонью.

Оператор поправил сиденье, завёл машину и включил по-

воротник. Вывернув руль налево, медленно выехал на свободную полосу. Гул в ушах рассеивался, сквозь закрытые окна он начал слышать крики, прохожие устремились к небоскребу. Хорошо, что Максим был достаточно далеко от места падения, вряд ли звук разрывающегося о мостовую тела похож на безобидную петарду. Оператор бросил взгляд на темный экран отключившегося терминала и влился в поток машин.

Электронные часы на приборной доске показывали московское время 8:34.

***

Воскресенье. Екатеринбург. Кировское РОВД.

Поздно вечером Вадима Ароновича вывели из камеры. В кабинете у следователя, задержанного поджидал новый человек. В накуренном помещении громко работал телевизор. В камере Шаца крутили НТВ, а следователи смотрели Россию24. На обоих каналах весь день сообщали о безумии, охватившем мир. К вечеру истерия нарастала и множились вопиющие случаи зверств. По России24 крутили репортаж из Хабаровска, где местный депутат полдня разъезжал на БТР и основательно разрушил несколько зданий. Число жертв предстояло подсчитывать всю ночь.

– Что ж это за хрень творится? – спросил следователь, работавший с Шацем. Ему никто не ответил.

– А, Вадим Аронович, – Шаца заметил новенький. – Меня зовут Александр Викторович. Я из Сысерти. Знаю, что у вас тут свои заморочки. Да и во всем мире что-то явно не так, – Александр Викторович помолчал. – Вы присядьте, Вадим Аронович. У нас тут опознание...

Следователь из Сысерти протянул Шацу папку с документами и фотографиями. Вадим Аронович и правда сел на стул, он мельком взглянул на протянутые документы. Фотографии полетели на пол, выпав из онемевших пальцев арестованного. Александр Викторович не ругался, он грустно посмотрел на Шаца, молча подобрал и засунул в папку фотографии убитых женщины и девочки семи лет.

Глава 16

Ярослав Бочарников разглядывал свое отражение в зеркале. Широкое и длинное зеркальное полотно отражало восемь раковин с затейливыми смесителями и еще молодого, но уже зрелого, сформировавшегося мужчину. Светло синий деловой костюм, подходящий как для переговоров, так и неформальной обстановки и общения, отлично смотрелся на крепком спортивном теле. Костюм ему нравился. Не зря, он приехал в этот торговый центр спустя месяц после покупки костюма, чтобы заменить пиджак. Предыдущий несколько часов назад располосовали ножом, а Ярослав быстро и надолго привыкал к вещам. Он по-прежнему берег одежду, хотя уже

давно мог себе позволить ежедневную смену гардероба.

Сменить пиджак не проблема, а вот как он смог отклониться от лезвия и отделаться только полой пиджака, спасая ребра... Бочарников с гримасой боли сделал круговые движения левым плечом, разминая сустав. Поднял левую руку. Кисть поднялась на уровень подбородка, выше никак. Он хотел отложить решение проблемы, убеждал себя в сохранении прежней эффективности своего тела, но сегодня мог лишиться жизни. Глупо. Сложный диагноз. Что-то вроде разрыв суставной губы плечевого сустава. А ведь Ярослав не работал с железом и не получал травм. Ортопед советовал операцию, но пугал пересадкой бицепса. Врачи называют это тендиноз или подобным словом. Бочарников по русской традиции решил отложить вопрос. Перетерпеть.

Туалетная комната торгового комплекса напоминала проходной двор. Туда-сюда сновали люди, почти никто не останавливался у раковин для гигиены. Ярослав не спешил уходить. Сегодня у него не было никаких дел. Разве что выспаться после ночной операции. Его личной инициативы.

***

Он прибыл к злополучному кафе ближе к полуночи. Простенькая вывеска подсвечивала безыскусное название «Алина».

Отдельно стоящее прямоугольное здание, две смежные

стены из стекла, одна боковушка из кирпича и сайдинга, задняя стена скорее всего тоже. Отделанное серым кафелем крыльцо в одну ступеньку. У двери вечные толпы курильщиков, пьяный гомон, приодетые в лучшее, чуть перекрашенные и сильно завитые женщины. Дымящиеся, раз за разом все больше расстегивающие рубашки шумные мужчины. Кафе «Алина» славилось шашлыками, живой музыкой и ночными танцами для тех кому за сорок. А ещё здесь квартировали криминальные «решалы», занимающие один и тот же угол помещения с самого открытия и расходившиеся только перед спешащим домой персоналом.

Ярослав припарковался напротив кафе, проехав от силы пятьдесят метров в сторону города. Запер машину, бегло осмотрелся. Никаких камер поблизости не было, никто не «простреливал» парковку, но поблизости могли оказаться машины с регистраторами, молодежь с включенными смартфонами. Никого. Удовлетворенно кивнув сам себе, Бочарников открыл багажник. Он не возил с собой огнестрельного оружия, хотя холодным оружием предпочитал не пренебрегать. Годы тяжелого выживания научили его быть эффективным, не допускать лишних пауз и разговоров. Он старался наносить максимальный ущерб в первые мгновения стычки. Сегодня он взял кастет. Набор увесистых гаечных ключей, монтировки и двух молотков остался в багажнике. Слишком заметно. Не удобно.

Опустив кастет в правый наружный карман пиджака, Бо-

чарников направился в кафе.

Основной зал «Алины» встретил хитами Аллегровой, внушительной барной стойкой и тесной стайкой танцующих. Ярослав продвинулся вглубь кафе, осматриваясь. Со стороны он выглядел растерянным посетителем. Только Бочарников не искал пустующий стол, он всматривался в закрытый шторой угол заведения, в котором изо дня в день до раннего утра засиживалась местная шайка «решал». Вся компания кучковалась вокруг седого высокого мужчины. По паспорту этот человек именовался Артуром Сергеевичем, но окружающим он представлялся Козырем. Его считали серьезным криминальным авторитетом. Ярослав сомневался в легальности подобного статуса, но не собирался вникать в легитимность авторитета.

Рядом с седым Козырем одновременно крутились трое среднего возраста мужчин и от трех до пяти молодых парней. Молодые ловили каждое слово умудренного рецидивиста, взрослые решали вопросы – приводили «терпил», делали звонки, выезжали на встречи. Сам Артур Сергеевич почти не покидал кафе, сделав «Алину» своей резиденцией.

Бочарников отслеживал Козыря два месяца. Артур Сергеевич брался за решение разнообразных вопросов бизнеса и не гнушался семейными разборками. Вся суть его деятельности заключалась в банальных угрозах в сторону противников, обратившихся к нему «терпил». Особую прыть авторитет проявлял в делах легких, сложные же вопросы воло-

китил, придумывал накладные расходы и бесконечно доил своих же нанимателей.

Ярослав презирал блатную романтику, но не планировал бороться с криминальной иерархией. Артур Сергеевич, сам не зная того, стал врагом Бочарникова из-за вербовки в свои ряды сирот и насилия по отношению к слабым. Авторитет не гнушался грязными методами воздействия на особо незащитных должников. Свой личный приговор Бочарников вынес две недели назад, но неожиданная командировка смешала карты, возмездие пришлось откладывать. Ночь с субботы на воскресенье совершенно неудачное время для разборок с криминалом, но Ярослав не хотел снова откладывать операцию.

Убедившись в присутствии Козыря и его приспешников, Ярослав вышел из кафе. Артур Сергеевич покинет заведение под утро. Его заберут на серебристом Митсубиси Паджеро. Верное преданное окружение разойдется пешком. Бочарников предполагал, что Козырь живет поблизости, но не рисковал отслеживать путь машины. Водитель Паджеро вёл автомобиль резко, в рваном темпе. Ярослав боялся выдать себя преследованием. Он решил все начать и быстро закончить около кафе.

Бочарников опустил правую кисть в карман пиджака и сжал холодный металл кастета. На левом запястье из-под рукава можно было рассмотреть чёрный матовый браслет, напоминающий умные часы.

Авторитет вышел сразу после четырех. Ярослав просидел всё это время на лавочке справа от кафе ни разу не шелохнувшись. Облокотившись спиной о дерево, Бочарников свободно просматривал проезжую часть и тротуар перед «Алиной». Артур Сергеевич благосклонно пожал руки молодым «пехотинцам». Наслушавшиеся сказок молодые ребята с чувством собственной важности разошлись по домам. Какими бы крутыми они себя не ощущали, они все еще жили с родителями и по приходу домой им придется умерить спесь и на время вернуться к обычной жизни. Всем кроме, сирот, которым Козырь казался единственной путеводной звездой, учителем, ментором и наставником. Ярослав сжал зубы и встал.

Артура Сергеевича окружала троица верных соратников. Двое коренастые, третий повыше, с более узкими плечами. Бочарников считал всех троих не более чем досадной обузой, он не видел в них угрозы. Обычные парни, не спортсмены, с минимальным опытом. Эти люди привыкли брать свое нахрапом, агрессией, непривычной обывателю. Поэтому перед ними терялись, боялись дать отпор. А когда все-таки находилась смельчак, то эти парни отступали сами.

Паджеро еще не подъехал. Значит троица так и будет стоять со своим начальником у кафе. Это не страшно. Как раз-таки именно водитель был неизвестной переменной, его Ярослав ни разу не видел вблизи. Бочарников приближался прогулочной походкой, автоматически проверил браслет на

левой руке, прежде чем достать кастет. Три минуты сорок четыре секунды – более чем достаточно для его плана. Если что-то пойдет не так, он успеет вернуть себя назад во времени. Браслет подмигивал зеленым индикатором.

Приближаясь к компании из четырёх мужчин, Ярослав слышал спокойный, глубокий голос Артура Сергеевича. Козырь привычно травил байки, трое приспешников почти-тельно внимали старшему. Один из коренастых типов и тот что повыше, стояли к Бочарникову спиной. Сначала кастет утонул в высоком. Удар пришелся в область левой почки. Следующим движением Ярослав обрушил усиленный железом кулак в правый висок коренастого. Не обращая внимания на заваливающихся первых противников, Ярослав выкинул ногу в направлении колени третьего приспешника авторитета. Он любил подсекать противника, выбивая опорную ногу. Потерявшего равновесия врага можно было добивать самыми разными ударами. Все шло по плану. Второй коренастый тип начал заваливаться, но отчаянно взмахнул руками и попытался накрыть собою нападавшего Ярослава. Бочарников взмахнул левой рукой, чтобы перехватить кисть противника и приготовился нанести сокрушительный апперкот правым кулаком в кастете. Левое плечо пронзила резкая жгучая боль.

Ярослав не смог удержать коренастого плотно сбитого противника на расстоянии, они почти обнялись. Правая рука Бочарникова прошла вскользь, удар пришелся чуть ни-

же ключицы, не сотрясая врага. Третий противник попытался боднуть Ярослава. Закинул руки за шею. Бочарников наугад вынес вперед правое колено, провёл быструю серию ударов обеими руками по туловищу. Коренастый тип начал оседать, сползая с Ярослава. Бочарников оттолкнул противника и развернулся в направлении Артура Сергеевича. Развернулся как раз вовремя, чтобы увидеть мелькнувшее лезвие откидного ножа.

Авторитет быстро и верно оценил происходящее, споро выхватил нож и резким, выверенным движением полоснул ближний для себя левый бок Ярослава. Бочарников успел отвести тело вправо. Лезвие распороло полу пиджака, чиркнув по коже. К чести Артура Сергеевича, он не стушевался, не бежал и тем более не принялся голосить, взывая о помощи. Козырь сделал ещё одну попытку нанести удар ножом. На этот раз снизу-вверх, сближаясь с противником.

После чиркнувшего по коже лезвия Бочарников испугался. Долю секунды он хотел схватиться за браслет и зажать кнопку возврата. Серьезное ранение могло замедлить его действия, помешать воспользоваться «страховкой» в виде петли времени. Однако осознав ничтожность потерь – порезанный пиджак и царапина – он взял себя в руки. Козырь не ставил перед Ярославом сложных задач. Перехватить руку с ножом, потянуть на себя, несколько сильных ударов кастетом в лицо, неприятный хруст кости, чвакающие звуки разорванных мягких тканей вперемешку с булькающим стоном.

Изначально Ярослав продумывал речь. Он хотел объяснить свой поступок, потребовать убраться с глаз долой. Козырь должен был понимать кто и за что будет преследовать его и впредь. Вместо этого Бочарников молча развернулся и вложившись всей яростью нанес удар ногой в голову скрючившегося от боли самого первого помощника Козыря, получившего удар в спину. Авторитет и его шайка долго будут гадать о таинственном враге, а самому Артуру Сергеевичу потребуется много времени и сил, чтобы сначала не умереть от травм, а потом поправить здоровье. Лицо, как надеялся Ярослав, Козырь без помощи пластики восстановить не сможет.

***

Несмотря на личную маленькую победу ранним утром, Ярослав не чувствовал себя удовлетворенным. Он выбрал себе миссию, находил врагов, планировал операции, осуществлял задуманное. Детский дом, интернат, армия, контракт в спецподразделении – Ярослав прошёл большой трудный жизненный путь, он мечтал стать героем России, но в итоге нашёл себя в теории малых дел. С раннего детства Бочарников презирал окружавших себя мерзавцев. А они встречались повсюду, примеряли разные личины, носили всевозможные статусы. Ярослав романтизировал военную службу, считал служение Родине альтернативой окружа-

ющей его блатной романтике и повсеместным бытовым страхом перед сильными. Сильными физически, эмоционально, бюрократически.

Армия быстро развеяла иллюзии. Военные спецоперации окончательно раздавили веру. Ярослав из раза в раз наблюдал поведение оскотинившихся, звереющих от крови и насилия людей. Забавно, но количество мерзавцев всегда было ничтожно в сравнении с массой обычных, в меру добрых и чутких людей. Однако масса редко противостояла наглým индивидам, чаще покорно стояла в стороне, а иногда и увлекалась паразитическим агрессивным настроем.

Ярослав не умел философствовать, не в его духе была и печальная рефлексия, он привык реагировать на внешние раздражители интуитивно – действовать, бороться за то, что считал правильным. Разочаровавшись в системе, под которой он понимал организацию всех уровней общества, молодой человек принял решение действовать по мере своих сил. Подлецы всех мастей унижали, грабили и насиловали по одной единственной причине – они это могли. Ярослав наказывал мерзавцев руководствуясь той же причиной.

Однако сегодняшняя локальная акция не принесла обычного приятного удовлетворения. Нет, Артур Сергеевич был настоящим мерзавцем, а его приспешники опасными негодяями, но он действовал не в момент совершения ими преступлений. Ярослав действовал холодно и выверено, как на работе. Ему не хватало эмоции момента.

Дверь туалета в очередной раз распахнулась. Вслед за десятилетним ушастым мальчишкой вбежал его не менее ушастый отец. Оба носили очки и имели нескладный забавный вид. Щуплые несуразные люди. Они ринулись мимо Ярослава к туалетным кабинкам.

– Пахнет, – жалобно и удивленно сообщил мальчишка.

– Сигареты, – практически с такой же интонацией констатировал отец.

Ярослав тоже чувствовал запах сигарет. Какой-то болван поленился выйти на улицу и дымил в кабинке. Сам Бочарников спокойно относился к табачному дыму, но зашедшие папа с сыном были недовольны.

Как раз в это время из кабинки вышел огромный верзила. Крупный мужчина с увесистым отвисшим животом прекрасно слышал короткий диалог ушастых сына с отцом и ухмылялся. Ярослав с интересом разглядывал зарождающую сценку в зеркало. По его мнению, очкарик должен был сделать замечание. Отец лопухого мальчика не подвёл.

– Как вам не стыдно? Сюда ходят дети!

Удивительно, но маленькие люди бывают очень смелыми.

– Ты бы мне не указывал, – с готовностью отозвался верзила. – Тут было накурено до меня.

Здоровый, под два метра, с огромными ручищами смуглый мужик ухмылялся. У него изо рта ещё выходили чуть заметные последние облачка дыма. Он явно провоцировал заведомо более слабого человека. На глазах у ребенка.

– Папа? – мальчик вопросительно посмотрел на отца. Он хотел в туалет и не понимал причины заминки.

– Подожди, сынок. Вы ведёте себя безобразно и если...

Верзила положил свою кисть на мелкую голову возмущающегося, закрыв ладонью всё лицо щуплого мужчины. Легонько оттолкнул борца за справедливость и снисходительно выдохнул – отвянь!

Оскорбленный мужчина пару секунд стоял на месте, затем проследовал за своим сыном в туалетную кабинку. Ярослав отчетливо разглядел мгновенно побагровевшие оттопыренные уши. Верзила подошел к раковине, открыл воду и самодовольно подмигнул стоящему рядом Бочарникову. Он набрал воду в огромные ладони и наклонился, чтобы умыться. Ярослав обхватил голову хама обеими руками и вложившись в удар всем своим телом вогнал лицо верзилы в край раковины.

Из туалетной комнаты Ярослав вышел с улыбкой на лице.

Глава 17

Пасмурное небо. Тяжелые массивные тучи полностью закрывали вечерний свет, создавая иллюзию мрачного магического мира. В темном старом дворе притаился небольшой, уютный в солнечные дни, особнячок. Старая Москва скрывает много древних улочек и зданий, скрытых от глаз прохожих калитками и шлагбаумами. Сейчас двор и расположив-

шийся в нем одноэтажный дом, сложенный из крупных каменных блоков, выглядели зловеще. В старом особняке горели боковые окна, но это не придавало местности жизни, а навевало ощущение потустороннего. Ярослав хмыкнул. Отличное место и погода для декорации чего-нибудь мистического.

Сам Бочарников был здесь дважды. Он, не останавливаясь, прошел по мокрому тротуару мимо подтянутого охранника в штатском, в два шага преодолел расстояние до крыльца, быстро проскочил ступеньки и потянул старинную массивную дверь. Потребовалось несколько мгновений, чтобы привыкнуть к яркому белому свету. Крошечный вестибюль заливали современные светодиодные лампы. Перед хлопающим глазами Ярославом выплыла девушка в аккуратном деловом костюме.

Девушка жестом предложила ожидать в стороне от двери. Ярослав послушно сделал шаг влево и замер, привыкая к свету и рассматривая вестибюль. Крошечный холл, три двери. Он был в кабинете справа и ни разу не видел открытых дверей впереди и слева. Левая дверь бесшумно закрывалась. Именно оттуда и вышла встречающая его девушка. Ярослав обратил внимание на девушку. Черные прямые волосы, стянутые на затылке. Правильное лицо, с чуть крупноватым носом. Симпатичная. Стройная. Под костюмом угадывалась высокая грудь. Бочарников прикинул возраст своей собеседницы. Не больше тридцати. Интересно узнать её

прошлое. Как она оказалась на этой работе? Что она знает, что входит в обязанности? А знать она должна достаточно. Не наймут же отдельного человека для встречи, его, Ярослава Бочарникова, персоны.

Они не обменялись ни одним словом. Девушка не удивилась, не сверяла документы, не задавала вопросов. Значит знала, кто он и чем занимается. Читала его досье? Ярослав не успел развить мысль, открылась центральная дверь.

Мимо замерших у входа Бочарникова и его спутницы, прошли восемь человек. Шесть мужчин и две женщины. Всем от тридцати до сорока. Парни не заинтересовали Ярослава. Такие же, как и он, скорее всего с аналогичной карьерой, а может и судьбами. У двух Бочарников успел заметить браслеты. Интереснее разглядывать женщин. Ярослав даже не думал о том, что у него могут быть такие коллеги. Хотя деликатность многих вопросов вполне логично диктует иметь сотрудников обоих полов.

Первая девушка в джинсах, футболке и лёгкой ветровке вполне могла затеряться в толпе. Русые волосы, обычное лицо, средний рост и комплекция. Вторая была фактурнее. Крупная и высокая, не меньше ста восьмидесяти. Женщина прошла мимо, обдав Ярослава мощной энергетикой. Такая вполне могла составить конкуренцию большинству мужчин на ринге или в клетке. Сильная дамочка. Ярослав проводил женщину глазами. Ещё и без каблучков. Оставалось загадкой, как такая крупная женщина могла работать незаметно.

Сам Ярослав, при своих ста восьмидесяти пяти, славянской внешностью и светлой шевелюрой средней длины мог успешно играть многие роли. Небольшие манипуляции с чёлкой, несколько стандартных улыбок и успешное вхождение в любую роль Ярослав мог представиться успешным бизнесменом, наивным туристом, волевым следователем, или настырным журналистом. Особый жанр – просто обаятельный молодой человек. Бочарников научился вживаться в разные роли еще подростком. Тогда это было вопросом выживания, сейчас эффективности в работе.

Все вышедшие из центральной двери молодые мужчины и женщины, ничего не обсуждая и не разглядывая друг друга, один за другим скрылись в проеме входной двери за спиной Ярослава. Перед ними поставили задачи, сейчас эти одиночки отправятся по своим индивидуальным маршрутам, ну а что им предстоит делать Бочарников представлял достаточно точно. Функции Ликвидаторов заложены в самом названии должности.

В дверном проеме центрального кабинета показалась знакомая грузная фигура. Сопровождающая Ярослава девушка сделала шаг вперед и приглашающий жест рукой, но Бочарников уже и так двинулся навстречу крупному мужчине, коротко кивнувшего Ярославу.

Бочарников прошел в кабинет, за ним закрылась дверь. Ярослав пожал протянутую руку. Тёплая, большая, чуть шершавая ладонь, знакомый еле уловимый запах сигарет. Он

видел Андрея Андреевича всего четвертый раз в жизни, но с трудом удержался от радостной улыбки. Не смотря на явно выдуманное имя и отчество, Начальник располагал Бочарникова к себе, находиться рядом с ним было комфортно. Андрей Андреевич обдавал теплом и уверенностью. Очень редкое ощущение.

Почти весь небольшой кабинет занимал длинный овальный стол. Вокруг на равном расстоянии друг от друга девять стульев. Никаких кресел на колесиках, обычные деревянные стулья, с прямыми спинками. Стол упирался в стену, на которой разместили монитор. Ярослав поймал взгляд начальника и сел с левой стороны стола.

– Готов к срочной работе?

Андрей Андреевич легко и плавно усадил своё грузное мощное тело на стул напротив Ярослава. Бочарников кивнул. Отвечать словами не было смысла. Начальник буравил лицо Ярослава внимательными глазами. Этот человек уже один раз поверил в Бочарникова, рассмотрел что-то в напорчившем Операторе, предложил новую работу. Ради своего руководителя Ярослав был готов на многое.

– У меня есть для тебя интересное видео, – Андрей Андреевич указал на монитор на стене и нажал несколько клавиш на клавиатуре.

Тёмный монитор моргнул, затем засветился и окончательно ожил. На экране застыло лицо мужчины, несколько размытое из-за зажатой паузы. Ролик был готов к просмотру.

Обычный встроенный в операционную систему проигрыватель видео файлов. Бочарников привычно оценил мужчину на экране. Обычный дядька за пятьдесят. Русское лицо, чуть вытянутая вверх овальная голова. Карие глаза, болезненно впалые щёки. Никакой угрозы. Герой видео сидел за столом, руки с крупными переплетенными между собой пальцами на столешнице. За мужчиной обычная стена, обклеенная одно-тонными серыми обоями. Ничего чтобы зацепиться за место нахождения.

Интересно смотрели ли этот ролик находящиеся здесь до Бочарников шесть мужчин и две женщины? Пожалуй, нет. Ролик подготовили к просмотру еще до них и зажатый паузой размытый мужчина ожидал именно его, Бочарникова. Ярослав был заинтригован. Руководство могло отправить видео на смартфон, это сэкономит бы время. Андрей Андреевич прекрасно пользовался технологиями и это не вопрос пресловутой «старой закалки». Ролик представлял чрезвычайную ценность, руководство не могло допустить увеличения количества носителей с видео.

Тем временем мужчина на видео ожил. С первых кадров чувствовалось напряжение. Мужчина нервничал. Невидимый в кадре мужской голос задавал вопросы. Ярослав полностью развернулся к монитору.

– Давайте повторим, Сергей Леонидович, – голос за кадром, – расскажите о имеющейся в вашем распоряжении информации.

– Почему вы называете меня по имени? – Сергей Леонидович чуть привстал со стула, не разжимая сплетённых пальцев рук. Похоже он был на грани истерики.

– Всё в порядке, съемка для внутреннего пользования, – успокоил голос за кадром.

– Я не понимаю зачем это всё, у вас достаточно информации.

– Но согласитесь, что вы говорите о вещах совершенно удивительных.

– Мне, в принципе, не стоило вам ничего рассказывать, – на лице Сергея Леонидовича промелькнуло раздражение.

– Нет, Сергей Леонидович, вы все правильно сделали. Я прошу вас повторить всё от начала и до конца. Мы с вами несколько раз обсуждали детали.

Мужчина в кадре, некий Сергей Леонидович, глубоко вздохнул и некоторое время держал воздух в легких. Наконец, он выдохнул. Ему нужен последний рывок – все рассказать и сбежать из-под видеокамеры.

– Три месяца назад ко мне обратился мой бизнес-партнер. Степан Армеев. Мы беседовали на общие темы, обсуждали любимые фильмы, книги. Это было странно для Степана, необычно. Он рассказывал про старый фильм. «Трудная мишень», я не помню точно. Человек, его играл Ван-Дамм, попадал в передрагу, на него охотились какие-то люди. Богатые люди. Для них это была игра. Они убивали людей. Брали всяких неудачников, людей без семьи и всё такое. Степан

говорил, что его это поразило, он «болел» не за Ван-Дамма, а тех, других. Короче говоря, он сказал, что есть возможность такого же времяпрепровождения. Я же охотник. Степан сказал, что стрелять с вышки по свиньям совсем не то же самое, что настоящая охота. Что он уже два раза так охотился.

Сергей Леонидович взял паузу, разомкнул пальцы, последовательно потёр костяшки левой руки, начиная с мизинца.

– Я сразу предположил розыгрыш. Глупый такой розыгрыш. Не мог поверить. Степан уговаривал меня присоединиться. Хотя бы на один раз. Конечно, я сразу же отказался. Сказал, что не рад этой информации, мол зря он мне рассказывает об убийствах. Но Степан рассмеялся. Он сказал, что всё понарошку. Что есть люди, которые стирают произошедшее, возвращают события на точку отсчета.

– Точку отсчета? – вмешался голос за кадром.

– Это как игра. Ты сохраняешься перед каким-то действием, потом возвращаешься в точку сохранения. Только все в реальности. Стирается всё, кроме твоей памяти. Можно, что-то сломать, например.

– Или кого-то убить? – опять голос за кадром.

– Да, – Сергей Леонидович поморщился. – Так объяснил Степан.

– Зачем он вам это рассказывал?

– Деньги. У нас не настолько богатая компания. Он дважды снял очень крупные суммы. Мне пришлось задавать вопросы.

– И он предложил вам участвовать в этих играх?

– Да, – Сергей Леонидович грустно вздохнул. – Конечно, весь его рассказ казался полной ерундой. Я решил, что у него серьезные проблемы. Он взял деньги, возможно не смог решить вопросы и ему нужны дополнительные средства. Но зачем он рассказывает такую бессмыслицу? Вы же знаете, за последний год в семье Армеевых многое изменилось. Я давно боялся за его душевное, так сказать, равновесие. Он ненавидел всех вокруг, я это чувствовал. Тем не менее, мне показалось правильным вывести его на чистую воду, разобраться. Поэтому я согласился на тест. Он был готов...

– Тест? – перебил голос за кадром.

– Да. Никто не верит в подобное, поэтому предлагается тест. Пробник. Презентация. Мне пообещали показать, как все работает и убедиться в правдивости рассказа Степана. Оказалось, что нас ждут. Степан кому-то позвонил, мы вышли во двор. Уже были сумерки.

– Разговор проходил у вас дома?

– Да.

– Где была ваша семья?

– На отдыхе. Я уже неделю жил один. Только я и собака.

Сергей Леонидович остановился, ожидая новых уточняющих вопросов. Голос за кадром молчал. Возможно Сергею Леонидовичу кивнули в знак продолжение рассказа.

– Степан сам открыл калитку в воротах. Во двор зашёл какой-то мужчина. Нашего возраста, достаточно высокий. У

него был увесистый чемодан, скорее всего тяжёлый. Тирион зарычал. Ему этот мужчина не понравился.

– Тирион?

– Да, – Сергей Леонидович на мгновение смутился. – Он маленький, беспородный, но толковый и забавный пёс. Тириону не понравился этот Алексей.

– Алексей?

– Он так представился. Со Степаном они казались давними знакомыми, хотя сам Степан говорил, что участвует в этих странных играх только месяц. Это подтверждалось снятием наличности. Две суммы ушли со счета в апреле.

– Что было дальше?

– Алексей разложил свой чемодан. Внутри было что-то напоминающее ноутбук, но массивнее и с большим количеством клавиш. Точнее их было не так чтобы много, скорее удивляла раскладка. Необычная форма кнопок. Он предложить мне принять препарат. Мне стало не по себе. Вряд ли они хотели меня отравить. Это слишком сложно, как мне кажется. Степан заявил о полной безопасности, подбадривал. Алексей сказал, что проведет короткую сессию. Только демонстрация возможностей, не более того. Отступить было поздно. Мне предложили капсулу. Небольшую, напоминающую ибупрофен или что-то подобное от температуры. Я проглотил её без воды.

– Какая была реакция организма?

– Никакой. Меня это еще больше убедило в абсурдности

происходящего, – мужчина на экране пожал плечами. – Было глупое чувство участия в идиотском розыгрыше. Я взрослый почти старый мужик, один из самых влиятельных людей города. Куда втянул меня Степан? Что происходит? Эти мысли меня занимали всё больше и больше, я начал осматриваться в поисках камер. В это время Алексей что-то вещал о петлях времени и сессиях. Он называл себя оператором, напирая на это слово, будто его должность равняется чему-то важному. Я толком и не слушал этот бред. Вдруг он спросил, насколько мне дорога собака? Я переспросил, он подтвердил свой вопрос. Конечно, мне дорог Тирион. Мы подобрали его щенком. Тирион болтался у моих ног, рычал на Алексея, но не отходил от меня, как будто защищал. Алексей кивнул Степану, и тот достал пистолет. Вот тут я по-настоящему испугался. Промелькнула мысль, что в капсуле был наркотик, может они заставят меня застрелиться. Но Степан выстрелил в Тириона. Собака даже не взвизгнула, – Сергей Леонидович сжал кулаки. – На мгновение я опешил. Резкий звук выстрела чуть оглушил, но я быстро оправился. Тириона будто пригвоздили к земле. Я попытался ударить Степана, даже не думал о его пистолете. Но Степан легко меня оттолкнул, убрал пистолет и прижал меня к себе, закрутив руку, когда я попытался напасть снова. Степан значительно сильнее меня.

Мужчина на экране монитора замолчал. На его лице мелькали сменяющиеся эмоции. Ярослав разглядел знакомое чувство бессилия. Дрянное ощущение. Пожалуй, самое худ-

шее из возможных. Сам Бочарников давно не испытывал бессилия, но прекрасно помнил себя беззащитным, неспособным противостоять унижению.

Сергей Леонидович провел несколько секунд наедине со своими мыслями. Голос за кадром не торопил. Наконец, рассказ продолжился.

– Пока Степан меня держал, выкручивая руку, этот ублюдок Алексей продолжал монотонно говорить. Он сказал, что убийство домашнего животного очень эффективно. Эмоционально привязанный к собаке или кошке хозяин сможет по-настоящему прочувствовать момент. Он так же сказал, что убийство человека так же крайне эффектно, но иногда бывают непредсказуемые реакции. Я не знаю, что он имел ввиду. Мне хотелось его ударить. И его, и Степана. Пока я пытался вырваться, Алексей замолчал. Видимо он закончил свою лекцию, которую я толком и не слушал. Алексей наклонился к своему раскрытому чемодану, простучал по клавишам, и я оказался напротив него. Степан стоял справа, а Тирион бегал вокруг моих ног и скалился на Алексея. Живой Тирион. Понимаете?

Ярославу показалось, что видео поставили на паузу. Мужчина в кадре замер, не доносилось никаких звуков. Однако никто не останавливал ролик, мужчина на мониторе моргнул, несколько раз нервно сглотнул слюну. В его глазах читалась надежда. Надежда на понимание со стороны человека, остающегося за кадром. Сергей Леонидович точно не был

идиотом и понимал, что рассказывает абсолютно фантастическую бездоказательную историю.

– Понимаю, – наконец откликнулся голос за кадром. – И вам сообщили о проводимых массовых убийствах в нашем городе?

– Да, – кивнул Сергей Леонидович. – В городе, но по большей части на территории заброшенного завода...

– Принадлежащего вам?

– Да. Со Степаном. Мы выкупили весь участок с постройками в девяносто девятом. Степан, как я понимаю, совместно с Алексеем обустроил территорию под так называемые игры. Сюда съезжались различные люди из Екатеринбурга и Челябинска.

Ярославу стал понятен интерес ведущего съемку человека. То, что речь идет о следователе было ясно сразу. Но почему съемка? Для смеха? Теперь все прояснилось. Никто никогда не поверит в рассказ о петлях времени, но отреагировать на информацию об убийствах необходимо. Следователь снимал Сергея Леонидовича для подстраховки – донесение от психически неуравновешенного фантазёра...

– Что вам известно о массовых убийствах?

– Только со слов Степана. Конкретно он в первых числах апреля и первого мая охотился, если можно, так сказать.

– Убивал людей?

– Да.

– Что ещё?

– Как минимум три...мероприятия в апреле. По словам Семёна, разыгрывались известные блокбастеры. Много, очень много убийств.

Видео замерло, Ярослав перевёл взгляд на Андрея Андреевича. Пока Бочарников смотрел ролик, его руководитель копался в смартфоне, пару раз делал звонки и отдавал короткие распоряжения. Теперь он нажал паузу и Ярослав полностью переключил внимание на Андрея Андреевича.

– Дальше разговоры ни о чем. Переливание из пустого в порожнее. Что думаешь?

Ярослав взял небольшую паузу. Он специализировался на зарвавшихся Операторах и потерявших границы реальности Клиентах. С каждым месяцем среди Операторов все чаще появлялись умники, желающие срубить лишнюю денежку на привлечении новых Клиентов, игнорируя протоколы безопасности при презентации их технологии. При зарплатах Операторов такое поведение граничило с вопиющим хамством. Обычной заботой Бочарникова были и Клиенты, забывающие об обязанности платить за услугу, выходящие за рамки, угрожавшие Операторам, шантажирующие Фирму. Ярослав занимался решением возникающих проблем. Он был специалистом по ликвидации, а не детективом.

– Похоже на классику, – осторожно начал анализ Ярослав. – Упомянутый Степан привлекает новых клиентов, организует извращенные игрища. Интерес Оператора скорее всего финансовый. Демонстративное убийство домаш-

них животных при презентации выглядит жестковато, но в рамках протокола. Нужно начать с этого Сергея Леонидовича, прижать Степана.

Андрей Андреевич задумчиво кивнул. Ярослав выдерживал паузу, ему было нечего добавить, и он был готов помолчать.

– Есть несколько вводных. Данные еще собирают, но могу точно сказать следующее. Во-первых, мужчина на видео. Сергей Леонидович Шулев. Во-вторых, место съемки. Город Шеломенцево, бывший Свердловск-14, запретка. Городок строился вокруг комбината по обогащению урана. Завод прекратил фактическую деятельность ещё в восьмидесятые, ошиблись с оценкой жилы урана. После распада Союза город открыли. На удивление быстро развили сельское хозяйство. Несколько предприятий по мелочи. У Шеломенцево удобная логистика. Находится между Екатеринбург и Челябинском. Правда они это не особо используют. Находятся чуть в отдалении от трассы. До сих пор мало кто об этом городе знает. Так вот..., – Андрей Андреевич с несвойственным ему раздражением сбросил звонок на завибрировавшем телефоне. – Сам Шулев инженер. Учился в школе с Армеевым. Он упоминал его. Степан Викторович. Есть основания считать, что он был в их компании лидером, локомотивом. Шулев скорее балансировал активность компаньона. Это есть в записке следака, что вёл видеосъемку. Шулев доложил о массовых убийствах, но, разумеется, никто не

нашёл ни одного доказательства. Как ты понимаешь Шулев был у них на окладе.

Ярослав кивнул. Для многих в этой стране будет сюрпризом масштаб сотрудничества бизнеса с властями. Кто-то стучит полиции, кто-то спецслужбам. Донесения в обмен на помощь, деньги или покровительство, поступают от бизнеса во всех городах, при любой власти.

– Почему меня отправляют в Шеломенцево? – он задал вопрос сухо, по-деловому, стараясь скрыть удивление.

– А ты бы хотел банально ликвидировать болтунов? – усмехнулся Андрей Андреевич.

– Там от силы пять левых сессий. Не понятно, как их провели, в чем именно нарушения. Найти Сергея Леонидовича, Степана, Оператора Алексея вычислить по нашим базам. Потерянные пару дней.

– Дело в том, Слава, что Шулев мертв. А еще, – Ярославу дали мгновение на обработку информации, – у нас нет Операторов такого возраста и мы не проводили сессии в Шеломенцево. Ни разу.

Если в Шеломенцево проводились сессии, но Оператор не был их сотрудником, а Фирма не работала в этом городе... Бочарников был готов принять информацию о предательстве, излишней самодеятельности Оператора. Это происходило каждый день по всей многострадальной Земле. Но то что кто-то проводит сессии параллельно с Фирмой... это было нонсенсом.

Андрей Андреевич нажал кнопку связи с секретарем. Попросил зайти некую Тамару. В кабинет зашла девушка из холла. Она направилась к Ярославу, положила перед ним две папки. Не говоря ни слова, вышла. Бочарников так и не услышал ее голоса.

Андрей Андреевич встал, давая понять, что Ярославу пора выдвигаться.

– Приоритеты расставляй сам, пока нет времени тебе помогать. У меня много оперативных задач. Но твое направление лично мне представляется важным. Считай это чуйкой. Изучи имеющуюся информацию по Шеломенцево, новое дошлем по мере поступления. Действуй аккуратно, Слава. Нам нужно разобраться в происходящем.

Ярослав вышел в холл. В кабинете Андрея Андреевича его сменили два дерганых мужичка с распухшими от документов кожаными дипломатами. Тамара опять без слов, жестом предложила стул. Похоже она собиралась его караулить, не дать скопировать документы из папок. Будто Бочарников был идиотом и мог начать делать фотографии страниц.

Через сорок пять минут Ярослав вышел на дорогу. В руке горел экран смартфона с открытым приложением Яндекс.Такси. Пусть он работает на Фирму, а не Контору, не станет героем России, но зато ему не нужно отчитываться за такси.

Глава 18

День третий. Шеломенцево. Воскресенье. Вечер.

Вдалеке от Екатеринбурга и тем более Москвы, осиротевший без своего терминала Серебряков провел скучный вечер в Шеломенцево. Сразу после прибытия в город он направился на местное кладбище.

От нечего делать Алексей Геннадьевич разглядывал надгробия. Причудливые формы памятников – от прямоугольных плит до стел, всевозможные материалы, включая мрамор и пирамидки из металлических прутьев, бесконечные фотографии, барельефы, таблички с именами и годами жизни. За каждым памятником скрывалась чья-то, зачастую всеми забытая, судьба.

Серебряков прошёлся по петляющей дорожке. Участки нарезали неровно, кому-то доставалось больше земли, а кто-то лежал на обделенном крошечном клочке. Фамилии, лица, оградки, мраморные столики, бетонные лавочки, кучки веток, листья, торчащий из-под мусора инвентарь для уборки, цветы... Немного свежих, но в основном бездушные пластмассовые венки и разноцветные когда-то «веники». При определенной фантазии здесь можно было выдумывать жизненные истории, сочинять взаимосвязи покойников. Шеломенцево город не большой, обитатели погоста должны были пересекаться при жизни.

На другую сторону кладбища, через грунтовую автомобильную дорогу, Алексей Геннадьевич не пошел. Там была

еврейская часть, надгробия смотрели в другую сторону, но ему надоело. Скучно. К тому же он нервничал. Нервничал не из-за места, тихое кладбище Серебрякова совсем не смущало. Алексей Геннадьевич вдруг понял, что присутствие Степана его напрягает.

Степан Армеев уже двадцать минут разглядывал изуродованную надгробную плиту отца. Он скосил глаза на подошедшего Серебрякова, но промолчал. Алексей Геннадьевич встал рядом.

– Никого?

Армеев кивнул. Вопрос был бессмысленный, местные могильщики до сих пор не появились, но Серебрякову было не по себе от молчаливого Степана. Дима остался в Екатеринбурге, Алексей Геннадьевич отвык обходиться без своего помощника.

– Четвертый раз за год, – наконец нарушил молчание Степан. – А ведь еще только лето.

– Тут должна быть охрана.

– Сторож, полуживой инвалид. Я местную администрацию еще зимой гонял, но толку нет.

Серебряков посмотрел на Степана. Такой и правда мог «погонять» кого угодно. Армеев излучал силу и энергию. Он был из тех, кто видел тренажерный зал только в рекламе, но обладал некой животной, звериной силой. Статный высокий Степан даже в свои пятьдесят оставался физически сильным, мощным, таким, кого можно лаконично назвать

крепким мужиком. – Они ещё и ссут здесь. Сейчас лучше, а зимой хорошо видно.

Степан говорил о могиле отца. Большой прямоугольный участок, добротная кованная ограда, красивый зеленый газон, аккуратная клумба, мраморная арка, такой же памятник, медный барельеф. Сейчас оскорбленный сын и его спутник разглядывали последствия вандализма. Хулиганье растоптали клумбу, откололи куски мрамора, оторвали и помяли барельеф.

– Почему ты такой напряжённый, Лёша? За батю моего обидно?

Армеев усмехнулся, пришлось взвешивать слова. Отец Степана Армеев Виктор Андреевич 1920 года рождения помятым медным лицом строго поглядывал на Серебрякова с земли. Алексей Геннадьевич решил проигнорировать второй вопрос.

– Завтра важный день, Степан. Волнуюсь.

– Ты и про воскресенье так же говорил. Но сработало ведь.

– Да. Накрыл я их сеть, все как планировали. Но без моего терминала всё бессмысленно. Сколько у нас сейчас людей? Пятнадцать вместе с тобой. Но без петли времени я им буду бесполезен.

– Это временно. Договорились же. Привезут его завтра с евреем твоим. Несмотря ни на что, это мой город. Мои мен-ты и прокуроры, половина земли принадлежит мне. Пусть они, что хотят говорят, на моего отца напраслину наводят,

но я их как держал в кулаке, так и буду. А захочу, так и без твоего терминала перестреляю к ебням. За батю, за себя, за Витьку моего.

Степан развернулся на звук шаркающих шагов. По грунтовой дороге приближались местные работяги. Серебряков отошел в сторону. Не хотелось вникать в местные дела, слушать ругань и наставления Армеева, жалкие оправдания могильщиков. Алексею Геннадьевичу осточертело провинциальное Шеломенцево со всеми местными жителями и их разборками. Серебряков присел на оградку ближайшей могилы.

Пока без Армеева он не сможет обойтись. При всех преимуществах не испытывающего щепетильности Димы, его ресурсы были ограничены. Найти, убить, покалечить. Украсть, запугать, поработать личным водителем в конце концов. Все это работало с обывателями. А вот достать Шаца в РОВД, вытащить оттуда терминал. Это уже задача покрупнее. За три года в бегах и строительстве своей подпольной сети Серебряков обзавелся серьезными союзниками. Он дарил дисконты на петли времени, теперь пришло их время вернуть долги. Шаца и изъятое из арендованной квартиры оборудование перевезут в Шеломенцево. Армеев решит вопрос с устранением живучего Клиента и достанет терминал. Дима в Екатеринбурге найдет оказавшегося шустрим Кирилла и вернет капсулы. Всё казалось решаемым, но Серебряков терял контроль. Да ещё и проклятое Шеломенцево навевало тоску.

Пожалуй, когда он вернет под контроль собственное оборудование, стоило полностью перебраться в Екатеринбург.

***

Административно Шеломенцево составляли только Промышленный и Левобережный районы, разделенные естественной преградой. Узкая, но глубокая река Шеломка разрезала город на две непропорциональные части.

Меньшая часть, правобережное Шеломенцево, вмещала окруженный горами и тягучим плотным хвойным лесом заброшенный комбинат и неброскую инфраструктуру. Вокруг бывшего градообразующего предприятия советские планировщики разместили небольшое скопление теперь уже малозаселенных разваливающихся на глазах трех-четырёхэтажных микрорайонов, военную часть и несколько невзрачных объектов. Исторически первый в городе Промышленный район умирал.

После закрытия комбината, снятия секретности и перехода всей страны в новую экономику, военные объекты раздали милиции, ФСИН и прочим ведомствам. Тюрьма в изолированной природой и человеком правобережном Шеломенцево пользовалась умеренным спросом при необходимости особого надзора за арестантами и осужденными со всего Урала. Правобережное Шеломенцево жило скудной на события жизнью под контролем нерасформированного с совет-

ских времен особого отделения милиции.

Левобережный район в противовес своему правобережному соседу развивался. Сюда стягивались рабочие руки, здесь шла торговля и строились современные дома. Оставшийся с былых времен потенциал трансформировался в предприятия машиностроения и цеха химических производств. Не разбежавшиеся учёные осваивали новые отрасли и создавали местный бизнес. Шеломенцево уверенно росло.

Разрастающийся частный сектор, как и по всей стране, пестрел индивидуальными проектами жилья, заборы участков доходили до трёхметровой высоты, хотя и встречались умеренные традиционные ограждения. Местная строительная компания возводила кирпичные монолитные дома, организовывая современное городское жильё в отдельные микрорайоны.

Власть в современной малозаселенной правобережной части делили Армеев с покойником Шулевым и измученное сокращениями полицейское отделение. Левобережное Шеломенцево жило обычной провинциальной жизнью небольшого – относительно соседних Екатеринбурга и Челябинска – промышленного городка и не проявляло интереса к происходящему за другой стороной реки.

Районы города соединялись единственным мостом.

Машина Армеева поскрипывая преодолела разбитый мост и вклинилась в неожиданно плотный для воскресного вечера поток. Серебряков сопоставил хорошую летнюю по-

году и вечер выходного дня, по своим домам массово разъезжались дачники и отдыхающие с озёр. В Екатеринбурге он наблюдал такую же картину.

– Думаешь, построят?

Степан показывал на плакат с рекламой высокоскоростной железнодорожной дороги между Челябинском и Екатеринбургом. Проектируемый транспортный узел проходил через Шеломенцево, что сулило городу приток финансов и неплохие перспективы. Сегодняшняя власть активно пиарилась на рассматриваемом в столицах соседних областей проекте, хотя реально местная администрация никак не могла повлиять на принимаемые решения.

Серебряков пожал плечами. Ему было наплевать и на проект, и на Шеломенцево.

– Вот ведь сволочи, – Армеев и не ждал ответа. – Напишут потом везде, что их заслуга. Знаешь, как это у них бывает, да? Власть работает и всё такое.

Алексей Геннадьевич опять пожал плечами. Он никогда не интересовался политикой. Сам Армеев два срока подряд руководил городом из кресла мэра. Карьера Степана Викторовича строилась на репутации собственного отца и поддержке партии власти. Долгие годы Степан Армеев был готов сражаться за честное имя своей партии, последние два – презрительно фыркал при одном упоминании.

Машина проехала мимо местного Дворца культуры и юркнула на улочки частного сектора.

– Наши партии курам на смех. Ты думаешь у нас есть политические партии?

– Нет? – осторожно предположил Серебряков.

– Конечно. Вместо партийной системы у нас есть каста и несколько сект. В касту принимают по статусу, а в секте все молятся на единственного гуру. Всем наплевать на программы и ценности. Вот у нас в городе как бы четыре партии, и я лично каждую неделю бухал с мужиками из каждой. Все делают дела, решают вопросы, прокачивают темы. А корочки партийные для понта, скорее, чтобы в тусовке быть. Ну это я про те времена, – пояснил Степан, сделав ударение на «те».

Алексей Геннадьевич кивнул. Истории об отчислении Армеева из партии, а затем и снятия с должности мэра получили резонанс. Степан Викторович был не из послушных и смиренных людей, он воспринял свой отвод как личное оскорбление и начал локальную войну. Пожалуй, именно он раскалил обстановку до сегодняшних масштабов и невольно подтолкнул собственного сына к трагической смерти.

Тем временем, они выехали на окраину. Своё жильё бывший мэр построил на последней улице входящего в город посёлка. Ночевать Серебрякову предстояло у Армеева.

****

Воскресенье. Екатеринбург

Он устал. Недосып, нервы, физическая и эмоциональная

изношенность. Глаза щипало. Хотелось закрыть веки и ненадолго отключиться, но голова гудела от мыслей, усталости и шума вокруг. Кирилл уже три часа сидел на неровной с выщербленным ободком табуретке в обнимку с покачивающимся алюминиевым столиком. Пора было заказывать очередную бутылку пива, на него и так посматривали без особого одобрения. Весь крошечный кабачок крафтового пива был забит завсегдатаями.

Крафтовое пиво... Кирилл не воспринимал этот напиток и раньше, а сейчас, когда хотелось ледяного чешского или немецкого, чтобы взбодриться, сбить внутренний жар, еле еле охлаждённые бутылки с экспериментальным продуктом стали настоящим мучением. Крафтовое пиво – одно из самых непонятных трендов последнего времени, за которым Кирилл, вполне себе молодой и современный человек, не успевал уследить. Каждая новая бутылка пива таила сюрприз – какую на этот раз комбинацию ингредиентов использует креативный пивовар? Добавит ли он в ведро с зельем специй для курицы или ограничится тремя видами солода?.. Однако он должен был хоть что-то заказывать, оправдывая свое нахождение здесь.

Нежилое помещение на первом этаже, скорее всего переделанная однушка, вмещало самодельную барную стойку, два холодильника с прозрачными дверцами, четыре столика, диванчик и кресло. В углу небольшого помещения, отданного под торговый зал, запихнули настольный футбол. Владе-

лец то ли магазина, то ли бара ежеминутно исчезал в подсобном помещении, выносил чистые стаканы и нехитрую закуску – чипсы, орешки, вяленые комочки мяса и кальмаров в пакетах. Обрато он забирал грязную посуду, пустые бутылки и мусор. Ряды разноцветных бутылок на полках холодильников еще пару часов назад напоминавшие стройные фаланги греческой армии несли сокрушительные потери. Через час заведение не сможет предложить своим посетителям ни одного напитка.

Посетителей было много. Не меньше двадцати человек забили крохотный торговый зал. Разгоряченная пивом и обсуждением последних новостей публика гудела. Массовые жестокие убийства по всему миру, два упавших самолёта, теракты, резня в самых разных местах... все произошло за первую половину воскресенья у нас и вечер субботы на американских континентах.

На Кирилла резко навалились, рука с бутылкой пива дёрнулась. Никакой агрессии, обычная случайность – в тесном помещении захмелевший посетитель оступился. Кирилла потрепали по плечу в знак извинения. Разговоры не умолкали. Никто и не заметил инцидента, опальный Оператор поднял глаза и осмотрел присутствующих – обычные люди, мужчины, несколько девушек. Все без умолка галдели и махали руками. Возбужденные от дурных, странных, пугающих новостей, выливающих на них с экранов телевизора, ноутбуков и смартфонов гнусности, вопиющие злодейства, дур-

ные фантазии больных убудков. В отличие от остальных посетителей Кирилл знал эти истории и раньше. В отличие от него, эти люди могли пойти домой и сладко потягиваясь вытянуть ноги в своих кроватях. У, наверное, теперь уже бывшего, Оператора были серьезные проблемы.

Кирилл пытался отвлечься от разворачивающихся вокруг него теорий заговоров, диких предположений и пустых обвинений. Один из парней, не присевший ни на минуту, зычным голосом доказывал теорию «левой» наркоты, на которой сидели обезумевшие в этот день по всему миру. Перекрикивая сторонника «теории наркотиков», девушка за спиной Кирилла уверенно поучительно докладывала об известных учёным случаям массового психоза. Кто-то приплетал жидомасонский заговор. С прикрепленного на стене телевизора кучка так называемых экспертов не очень-то и деликатно намекала на происки госдепа.

Сосредоточиться не получалось. Конечно, он, Кирилл Плеханов, знал реальную причину произошедшего. Наверное, он мог встать и изложить свою версию. Она бы не отличалась особой безумностью в сравнении с другими, но здесь не искали истину, важнее был сам факт обсуждения.

Кирилл попытался собрать воедино события последних трёх дней.

Он прибыл в Екатеринбург в кажущийся безнадежно далеким вечер четверга. По пути в гостиницу встретился с курьером, забрал терминал. Обычный курьер. Обычная встре-

ча. Затем гостиница, расслабленный вечер после дороги, приятные посиделки в ресторане с Вероникой (или Валерией? Он опять забыл), не менее приятные пара часов близости с девушкой, короткий сон. Утром его забрал Шац. Заурядный Вадим Аронович, немного нервничающий, запустивший сессию утром. В Екатеринбурге было десять тридцать утра. Ожидание вечера, бесцельная прогулка по городу, два сеанса в кино. Затем банальная сцена за городом. Баня, три трупа. Ничего особенного по меркам его работы. А вот дальше стало хуже. Сильно хуже.

Терминал не сработал, они не замкнули петлю. Кирилл растерялся, он стал ведомым, не смог помочь Клиенту и плыл по течению, предоставив действовать Шацу. Такому же растерянному, а может и больше. В конце концов, это Вадим Аронович убил тех людей.

Дыжин. Его хотелось назвать настоящим засранцем. Он подловил их ложным следом. Версия о диверсии Фирмы, целенаправленной подставе Шаца, а заодно и Кирилла, ради «красивого» убийства Севастьянова. Плеханов купился, он слишком много читал форумы в даркнете.

Суббота прошла в ожидании развязки. Новый Оператор, попытка разобраться в произошедшем. Вместо этого арест Шаца, смерть Нурлана, участие Кирилла в перестрелке, убийство Дыжина.

Странно, но убийство Павла Сергеевича не вызывало никаких эмоций. Похоже, Кирилл видел слишком много наси-

лия. Зачерствел, сам не заметив в себе изменений. Дыжин разозлил его, предал. Он подставил друга, стал причиной смерти верного человека, был угрозой самому Кириллу. И этот человек хотел выйти сухим из воды, благодаря запущенной петле времени. Идея прервать сессию убийством Дыжина настолько захватила, показалась великолепным решением, что само убийство, выстрел, стали просто продолжением мысли. Кириллу настолько хотелось реализовать это решение, что он с трудом дослушал невнятные слова Дыжина. У него не было времени на эмоции и сомнения.

Почти все последние сутки Кирилл просидел в кинотеатре. Ему казалось опасным ходить по городу, мелькать перед камерами, и чёрт знает кем ещё. Он спал урывками, но вырывал себя из сна, лихорадочно проверял содержимое рюкзака и оглядывался. Теперь он сидел в баре крафтового пива, но по-прежнему не ощущал себя в безопасности. Кроме того, он так и не решил, что делать.

Беглый Оператор даже не понимал, кого именно ему бояться. Он был замешан в убийствах Шаца, он сам убил Дыжина и его лицо могло засветиться на камерах, о нем могли знать в полиции. Его, наверняка, искали молодчики того безумного мужика, которого скрутил Шац в пятницу вечером. Кирилла могла разыскивать и Фирма. Они предпочитали ликвидировать возникшую проблему быстро и без особых сантиментов. А ещё у Кирилла был запас чужих капсул для терминала, и он знал, где этот терминал находится. А

люди, потерявшие такой ценный ресурс, пожалуй, страшнее всех вышеперечисленных.

Со слов Дыжина за его проваленной сессией и, возможно, всеми последними событиями стоял другой человек. Похоже Павел Сергеевич был откровенен, они и правда убили другого Оператора, прибывшего сюда в субботу. Наверное, Кирилл мог доказать свою невиновность перед Фирмой, а главное, если Шац умудриться выжить, то он сможет замкнуть петлю и вернуться в безоблачное во всех смыслах пятничное утро. А ведь на Шаца тоже могла вестись охота... Кирилл тихо застонал от усталости.

Что мог сделать обычный в общем то парень, Кирилл Плеханов? Кирилл не питал иллюзий о своих способностях, он был трусоват и совершенно не годился на роль героя. Кроме арестованного Шаца он не имел в этом городе не то что союзников, а даже знакомых. У него было оружие, но... Вломиться в РОВД и перестрелять имеющихся сотрудников? Найти терминал, окровавленными после стычек руками закрыть сессию. Нет, это из разряда Голливуда. Ему нужны сильные союзники, он должен довериться какой-то из действующих вокруг сил.

– Это просто, – затуманенный разум отказывался вести рассуждения и опять отвлекся на посторонний диалог. – Координировать действия по всему миру можно мгновенно и безопасно. Пусть не по мессенджерам, но в даркнете точно.

– Да что мы знаем о даркнете? Одни мифы о педофилах

и наркотиках.

– Не скажи! Там всё значительно разнообразнее.

Два мужика в, несмотря на воскресный вечер, деловых костюмах обсуждали подобие флэшмоба. Один из них доказывал собственную теорию некоего массового безумства в согласованное время. Координация действий предполагалась в Интернете.

Неожиданно для себя Кирилл принял решение.

Глава 19

Екатеринбург. Понедельник. Раннее утро.

Интенсивность работы аэропорта Кольцово, как и любого другого транспортного узла, не зависела от времени суток. Приземлившийся под утро самолет из Москвы расторопно встречали автобусы, позевывающие заспанные пассажиры выбирались из лайнера на воздух, грузились в наземные транспортные машины и торопливо пересекали залитые светом залы аэропорта. Часть пассажиров обреченно ожидала у транспортных лент свой багаж, завистливо поглядывая на вслед спешащим на улицу недавним спутникам.

Ярослав Бочарников летел без багажа, но он не спешил. Ему пришлось срочно вылететь в Москву и получив оперативную сводку вернуться назад, многое изменилось. Ярослав купил кофе и присел на свободное место. Необходимо ознакомиться с поступившей за время полёта почтой. Из-за раз-

ницы во времени он перебрался в раннее утро, его коллеги из ночной Москвы пересылали полученные за последние пару часов данные. Ещё в самолете Ярослав разработал нехитрый алгоритм действий. Расставил приоритеты в соответствии с новым поручением Андрея Андреевича.

Андрей Андреевич без энтузиазма подтвердил – всё происходящее в мире связано с ними. Воскресным утром в восемь тридцать по московскому времени терминалы перестали работать. Все открытые сессии не завершены и скорее всего уже не будут закрыты. Технари не давали внятных объяснений. Как минимум сто пятьдесят человек в сорока странах на шестидесяти пяти языках сейчас рассказывали о своих преступлениях и наверняка упоминали одну и ту же технологию, которая их подвела.

Андрей Андреевич говорил сухо. Ярослав был готов к такому ответу, но не предполагал серьезность масштабов. Сто пятьдесят Клиентов сдались полиции. Какая-то часть Клиентов могла погибнуть, большая часть не делала ничего масштабного и скорее всего пока не оказалась под следствием. Ярослав предполагал, что сто пятьдесят попавшихся мерзавцев не больше трети от общего числа Клиентов. Клиентов, открывших сессию вчера, в воскресенье. На каждого Клиента приходился один Оператор, каждого Клиента вёл аналитик и черт знает кто ещё. География из сорока стран впечатляла не меньше количества сессий. Оказывается, Бочарников даже близко не представлял масштабы Фирмы.

Теперь он пытался осознать последствия. Обычно Фирма оперативно ликвидировала открывших рот Клиентов. Реакция была безжалостной и быстрой. Ликвидаторы работали по всей стране. Хватит ли их сил для ликвидации всех очагов в разных регионах?

Аналитики Фирмы пока ничем не удивили. Бочарников вызвал такси и вышел на улицу. Рассвет уже вступил в свои права, но город только просыпался. Тихое безлюдное раннее утро – любимое время Ярослава в любом городе.

***

Пойманные на своих омерзительных делишках Клиенты попадались не часто, но почти всегда по своей вине. Тех, кто «залетал» из-за неэффективной работы Фирмы, Бочарников делил на трусов и молчунов.

Сразу после ареста трусливые Клиенты начинали болтать. Они тряслись от страха, говорили без умолку, называли имена, показывали свои смартфоны. Мерзавцы пытались убедить окружающих в своей невиновности, в том, что они просто «играли»...

Молчуны держались солиднее. Эта категория была уверена в своей непогрешимости, в скором решении проблемы силами Фирмы. И такая помощь приходила. Особенность действий во внештатных ситуациях сводилась к одному – немедленной ликвидации.

Пожалуй, Шаца можно было допросить. Ярослав мог раскрыть карты, признать свою принадлежность к Фирме, показать фото Оператора, надавить, пообещать, обмануть. Вадим Аронович мог знать или иметь предположения о местонахождении. Кирилла. Оператор будет прятаться, он должен чувствовать неизбежный конец. Поиск Плеханова Ярослав отложил напоследок.

Москва так и не предоставила информации о связи не закрытой сессии Шаца и неясной ситуации в Шеломенцево. У Бочарникова не было оснований считать дело Вадима Ароновича чем-то особенным. Да и сам Шац тупо смотрел перед собой стеклянными глазами. Когда он выйдет из ступора, немедленно начнет нести ахинею про петли времени, что может показаться глупой, но интересной фантастикой в свете последних событий.

Прогулявшись по коридору две минуты, Ярослав проводил Шаца до дверей камеры. Бочарников похлопал задержанного по плечу. Вадим Аронович никак не отреагировал на легкий укол. Ярослав предоставил Шаца конвойному и быстрым шагом направился в сторону выхода. Миниатюрная капсула с чуть заметной иглой переместилась в наружный карман пиджака.

У каждого ликвидатора был свой стиль. Бочарников предпочитал вводить препарат на основе флунитразепама. Задуманный как лекарство, но доработанный в яд, препарат вызовет сонливость, угнетение дыхания и смерть. Здоро-

вый мужчина прекратит дышать через тридцать-сорок минут. Вполне достаточно, чтобы удалиться. Даже удивительно как настолько эффективные и изящные орудия убийства как яды вышли из оборота.

Кивнув дежурному, Бочарников энергично прошагал на улицу. Он не расписался в журнале посещений при входе и предпочёл пропустить этот бюрократический шаг вновь. Настороженный дежурный не рискнул окликать сурового москвича из антитеррористического особого отдела ФСО.

На тротуаре перед крыльцом РОВД Ярослав облегченно выдохнул. Каждый раз он с тревогой ожидал нарваться на дотошного полицейского, засомневавшегося в предъявленном удостоверении. Волшебные буквы ФСО пока работали исправно. Теперь ему нужно было убраться подальше. Скорее всего, никто не сопоставит смерть Шаца и посещение Отделения Ярославом, да и патологоанатом не будет усердствовать.

В любом случае Бочарников выполнил первую задачу. Когда Шац испустит дух, Ярослав будет на далеко.

Дело Шеломенцево по-прежнему казалось интригующим. Если Андрей Андреевич прав и там можно было найти разгадку воскресного обрушения всех сессий, то возможно Ярослав сможет решить основную проблему. Возможно смерть Шаца и не была обязательной.

И все-таки Бочарников не любил излишнюю философию и досужие размышления. Пора было действовать. В другой

раз он бы выбрал автобус – минимум контроля, никаких удостоверяющих документов, но сегодня все-таки на машине. Ярослав достал телефон, он забыл включить звук, а вибрацию он никогда не использовал. На экране высветились два пропущенных вызова из Москвы и несколько смс с требованием срочного ответа. Бочарников.

Ярослав набрал пропущенный номер. В трубке затараторили. Как глупо! Через восемь секунд возбуждённого монолога аналитика из Москвы он отбросил телефон в сторону и освободившейся рукой зажал клавишу браслета на левом запястье. Мигнул зеленый индикатор. Только бы успеть!

***

Бочарников провожал Шаца до дверей камеры. До конвойного оставалось не больше трех метров, через три секунды Ярослав должен был похлопать задержанного по плечу, обрекая Вадима Ароновича на малоприятную смерть. Бочарников успел. Выручила привычка ходить быстро.

Ярослав взял Шаца под локоть и развернул. Они направились в обратную от конвойного сторону. Вадим Аронович не возражал. Бочарников вообще сомневался, что Шац отдает себе отчет в происходящем. Информация об убийстве жены и дочери Вадима Ароновича у него была и раньше. А вот сведения от вышедшего на связь Плеханова появились чуть меньше четырёх минут назад. Хотя временные термины бу-

дущего и прошлого сейчас были условны.

Кирилл Плеханов оставил несколько сообщений на форумах. Он справедливо полагал, что Фирма следит за активностью в темных глубинах Сети и постарался доложить о случившемся. Изюминкой полученной информации была пока что теоретическая, непроверенная возможность возвращения времени в безопасную пятницу. До воскресного сбоя всей системы. Одним из условий благоприятного исхода была жизнь Шаца.

Шац шагал в ногу с Бочарниковым. Вадим Аронович ничем не проявлял ни малейшей искры сознания, напоминая овощ на ножках. Ярослав серьезно обдумывал вероятность его помешательства. Бочарников развернул арестованного к себе лицом.

– Я представляю Фирму. Ту самую, – тихо и быстро заговорил Бочарников. – Мы можем замкнуть вашу петлю времени. Вы вернетесь в точку отсчета. Снова пятница и все как прежде. Включая жизнь ваших родных. Ты меня понимаешь? – Ярослав перешёл на «ты».

Взгляд Вадима Ароновича неуловимо обрел осознанность. Он немного сощурился, словно фокусируясь.

– Дочь, жена. Мы все вернем, – Ярослав продолжал пробивать брешь в блокировке сознания Шаца. – Ты главное выдержи, пока я не смогу тебя вытащить.

Ярослав ни разу не сталкивался с задачей освобождения. Теоретически ничего сложного. Он мог убить конвойного,

устранить дежурного. Но рабочий день уже начинался и скоро здесь будет вся местная полиция. В одиночку масштабные городские бои Бочарников вести не умел.

Пусть вызволение Вадима Ароновича будет проблемой Москвы. Они решат проблему на своем уровне и вытащат Шаца хоть на северный полюс. Ярославу нужно решать локальные задачи. Прежде всего найти Оператора.

Бочарников вновь проводил задержанного до камеры. Шац обернулся, в его глазах была осмысленность и робкая надежда. Ярослав ободряюще кивнул Вадиму Ароновичу и пожал руку конвойному. Хотелось сказать что-то вроде «береги его» или «отвечаешь головой», но это было бы лишним. Бочарников покинул здание РОВД в очередной раз проигнорировав дежурного и журнал посещений.

***

Кирилл постучался в дверь за пять минут до полуночи. Он поднялся на третий этаж по лестнице, проигнорировав лифт. Она не открывала долгие двадцать секунд. Дверь распахнулась. Даже в своем затуманенном состоянии Плеханов отметил её красоту. Растрепанные и мокрые, темные, почти чёрные волосы, белый гостиничный халат, оттеняющий смуглую кожу. Мгновение немой сцены и она развернулась, прошла вглубь номера. Дверь осталась открытой, Кирилл облегченно шагнул внутрь.

– Я думала, всё на одну ночь. В пятницу на связь не вышел, а вчера на ресепшене сказали, что твой номер был оплачен до субботы.

Девушка забралась в кровать и уставилась в работающий телевизор. Она сложила ноги по-турецки, поправив халат. Кирилл пытался вспомнить её имя. Вероника или Валерия? За ним и так слишком много проступков перед ней, чтобы теперь ещё ошибиться с именем.

– Сама себе говорю: а чего ты хотела, Лерка? Прыгнула в постель к фантазёру, поматросил и бросил. Ты не подумай, я не в обиде и замуж не прошусь. Сегодня так вообще не до тебя. Видел новости?

Она не отрывала взгляд от экрана. Хорошо, хоть разрешился вопрос имени.

– Лер, я с номером и правда пролетел. Сейчас ночью их дёргать не буду, но у меня там ноут остался. Ты своим не поделишься?

– Да не вопрос, если эппл тебя не смущает. Вон справа на зарядке висит, – Валерия кивнула в сторону подоконника.

– Отлично, спасибо.

Плеханов запустил ноутбук, зарядка была в красной зоне. Стоило подождать.

– Душ могу у тебя принять?

– Душ? Вот ты наглый!

Валерия оценивающе оглядела Кирилла. Молодой человек зарделся, щеки и уши мгновенно запыхали.

– Я не в том смысле, просто взбодриться надо. А ноутбук все равно на зарядке.

– Да иди, чего уж там. Только ни на что не рассчитывай!

Кирилл уже юркнул в туалетную комнату. В его номере была ванна, а на третьем этаже только душевые кабины. Более чем достаточно, он не любил валяться в ванне, а сейчас и не располагал временем. Оператор быстро разделся и встал под душ. Хотел попробовать контрастный, но холодная вода слишком обжигала. Повертел ручку смесителя, меняя оттенки тёплого.

Полочка рядом со смесителем еле вместила несколько увесистых флаконов с шампунем, маской и ещё какой-то ерундой для волос. Кирилл воспользовался одноразовым тюбиком отеля. Обильно вспенил шампунь на голове и натёр тело ладонками с оставшимся на руках шампунем. Немного постоял в пене и шагнул обратно под струи воды.

Плеханов оттер запотевшее зеркало. Покрасневшие от недосыпа глаза никуда не делись, но чувствовал он себя лучше. Было не приятно надевать грязную одежду, особенно носки. После пары секунд раздумья, Кирилл решил походить босиком. Взяв ещё паузу, он решительно поднял носки и простирнул ношенную пару в раковине. Кое-как прополоскав носки от отельного мыла, молодой человек развесил нехитрое бельё на полотенцесушителе. Пожалуй, вызывающе нагло, но лучше, чем щеголять в грязных носках в номере девушки.

Валерия по-прежнему не отрывалась от телевизора. Кирилл придвинул стул к подоконнику и открыл ноутбук. Девушка что-то говорила о масштабах зверств, рассказывала о свежем репортаже из бразильских фавел, но Оператор уже полностью погрузился в даркнет. Ему предстояло разместить призыв о помощи в закрытом форуме.

Последний год Кирилл активно сёрфил даркнет. Он искал рассказы о выходе из «игры», боялся последствий отказа от сотрудничества с Фирмой. Он никогда ничего не писал, боялся оставить ненужный след. Теперь же он отчаянно надеялся попасться на глаза кому-то из Фирмы.

Личный кабинет Плеханова был по-прежнему заблокирован, он не мог отправить сообщение. Для своего крика о помощи Кирилл выбрал форум про подставы Фирмы. Вероятность отслеживания аналитиками слухов и наговоров, а возможно и реальных косяков, Кирилл оценивал как наивысшую. Приходилось долго ждать загрузки каждой страницы. Наконец нужный форум. Пальцы зависли над клавиатурой. Плеханов задумался над формулировкой. Не хотелось раскрывать свою личность, нужно оставить только необходимое. Для тех, кто в теме. Взяв паузу на размышление, Кирилл быстро набрал сообщение.

Сзади подошла Валерия. Девушка нежно обвила шею руками. Кирилл развернулся, привстав в кресле. Лера улыбалась. Телевизор уже не работал.

Глава 20

День четвертый. Понедельник. Шеломенцево.

Серебряков проснулся ближе к восьми. Алексей Геннадьевич не спал почти всю ночь. Он вычислил Плеханова. Дима был недоступен, пришлось передать данные второму наемнику – Косте. Потом он ворочался в чужой постели, прислушивался к ночным звукам незнакомого дома. Хотелось подумать о предстоящем дне, ещё раз перебрать в голове запланированное, но привычка разговаривать самому с собой мешала. Он боялся быть услышанным, боялся встать и разбудить вынужденных соседей, боялся неудачи в наступающем дне. Он уснул после рассвета.

Пластиковые окна почти не пропускали звуков. Дом и так стоял на отшибе, замыкая собою вереницу улиц частного сектора. До ближайшей оживленной дороги больше двух километров, проезжающие по узким улочкам редкие машины не создавали шума. Скорее всего, на рассвете голосили петухи, чуть позднее хозяева немногочисленной здесь скотины вывели коров и коз. Серебряков крепко спал и ничего не слышал. Теперь все, кому было нужно, и вовсе разъехались.

Алексей Геннадьевич чертыхнулся и быстро выбрался из кровати. Добрался до телефона в другом конце комнаты. Сдернул смартфон с зарядки. На экране высветилось единственное сообщение от Димы. «Везём полный улов». Отправлено час назад. Полный улов означал капсулы и черес-

чур шустрого Кирилла Плеханова. Серебряков не знал, зачем ему нужен бесполезный Оператор, но решил повременить с ликвидацией. Дима оказался молодцом, они связались с Костей и повязали Плеханова. Первая часть задачи выполнялась в самые оптимистические сроки.

Серебряков споро оделся, вышел из комнаты. Его поселили в глубине дома. До туалетной комнаты нужно было пробираться по темному коридору. Алексей Геннадьевич аккуратно претупал ногами, придерживаясь стены левой рукой. Пальцы скользили по поверхности. Правую руку он выставил вперед. Так было спокойнее. Мало ли что может оказаться на пути, коридор вполне мог неожиданно свернуть, дорогу перегордит сундук или что тут еще могут хранить хозяева. Где включается свет Серебрякова не предупредили.

Он прошёл несколько плотно закрытых дверей, увидел одну приоткрытую. Чуть подтолкнул, дверь легко и беззвучно отворилась. Он ошибся. Полубоком к вошедшему стояла мать Армеева. Пожилая женщина, совсем не старуха, стояла перед небольшой полкой с зажжёнными свечами и фотографиями. В семье женщину было принято называть Анной Игнатьевной. Так свекровь звали невестки, также к бабушке обращались внуки.

Анна Игнатьевна не обратила внимания на Серебрякова. Погруженная в свои мысли, она сложила руки в молитве. Губы что-то шептали. Достаточно высокая для женщины, по-прежнему стройная, с правильной осанкой Анна Иг-

натъевна стояла в тёмной комнате и молилась. Приглушенный свет свечей, незнакомый аромат, тихий бубнеж Армейвой. В большом доме оказалось целая молельная комната. Серебряков почти не дышал. Он всмотрелся в подсвечиваемый россыпью свечей иконостас. Вместо икон и ликов святых на полке стояли фотографии почившего Армеева-старшего. Алексей Геннадьевич сдержал глухой стон. Идиотская семейка. Все тяжело и бесповоротно больные на голову.

Серебряков отступил в коридор, не закрывая дверь. Прошёл дальше. Через несколько шагов наконец-то добрался до умывальника. Прохладная вода освежила лицо. Он окончательно проснулся, мозг начал работать. Если Дима будет в Шеломенцево не больше чем через час, то спецконвой, который организовали для Шаца и его, Серебрякова, терминала, должен выдвинуться из Екатеринбурга сразу после девяти. В запасе оставалось почти три часа. И скоро рядом будет верный Дима. Оставалось продержаться чуть-чуть. Серебряков глубоко вздохнул и отправился на поиски Армеева.

Армеев оказался на заднем дворе. Степан направлялся к дому из-за забора, заросшего кустарником и сорняками. Растрепанные светлые волосы, голый торс, выдавшие виды брюки, заправленные в высокие носки. Серебряков задержал взгляд на облепленных травой брюках и носках.

– От клещей, – с улыбкой пояснил Степан. – Это мне в лотерею не везёт, а из всех, кто пойдет в лес, именно я клеща подцеплю. Эти маленькие падлы до августа прохода не дают.

Степан наклонился и широкими движениями рук сбил траву и репейник с одежды. При каждом движении под загорелой кожей волнами прокатывались мышцы. Серебряков в очередной раз отметил – даже в свои годы Армеев оставался в великолепной физической форме. Породистый мужик. Солидный.

– Будем завтракать и поедем, – радушный хозяин подмигнул. – Кристинка!

На зычный окрик тестя из дома выскочила девушка. Легкое летнее платье подчеркивало округлившийся живот. В руках невестка Армеева несла тяжелый чайник. Из узкого носика поднимался горячий пар. Вода только закипела. Девушка свернула направо. За пристройкой к дому стоял накрытый стол. Две чайные пары, порезанный хлеб, поднос с овощами, блюдец с ветчиной.

Алексей Геннадьевич хотел отправиться навстречу Диме. От волнения он не ощущал никакого аппетита, но Армеев никуда не торопился. Пришлось смириться и делить с хозяином утреннюю трапезу. Степан надел футболку и накинул куртку. Синоптики не обманули. На Урале стало холодно, на горизонте появились тучи. Алексея Геннадьевича грел предусмотрительно взятый с собой пуловер. На голове привычно красовалась красная бейсболка.

Серебряков сел напротив открытой пристройки. Пустой дверной проем щедро освещался солнцем. Алексей Геннадьевич отчетливо разглядел сваленные кучей таблички и па-

мятные доски. Он знал, что на них написано, постарался быстро отвести взгляд. Однако Армеев заметил паузу.

– Ну а куда мне было их деть? По всему городу ведь снимали сволочи.

Армеев сжал кулаки и навалился на столешницу. Моментально покрасневшее лицо Степана приблизилось к Серебрякову. Алексей Геннадьевич перестал дышать. Он уже знал это настроение Армеева.

– В этом сраном городе каждый второй, слышишь, Алексей, каждый второй отцу должен. Он всех знал, каждому помог. Они нацепили таблички, дали бумажку, – Армеев засипел и откашлялся. – Бумажку эту. Почётный гражданин. Я не успевал на собраниях выступать. А потом что? Какой-то упырь написал книжонку и что они? Они его прокляли. И меня прокляли вместе с ним.

– Может уехать тебе, Степан? – осторожно спросил Серебряков.

– Я думал, – Армеев откинулся и как-то резко обмяк, по добрел. – Но потом появился ты. Куда ж я уеду теперь, когда они все тут передо мной. Хочу – журналюгу, прощельгу этого, сволочь, размажу. Захочу – бабку ту, что пацана моего затоптала, на крюк подвешу. Нет, теперь мне здесь нужно оставаться. Да и дом, могилки, семья... Невестки обе опять-таки как почки по весне набухли, скоро приплод ждать.

Серебряков вспомнил мясоперерабатывающий цех – собственность и любимое место развлечений Армеева. Сильный

Степан мог скрутить и удерживать даже взрослого мужика, а уж немощную крикливую бабку... Бесконечные крюки, пи-лы... Даже по меркам опытного Алексея Геннадьевича это было чересчур. Хорошо, что Армеев зависел от него, но отчаянно опасно, что Степан был неуправляем в своем гневе.

Алексей Геннадьевич всегда относился к своим Клиентам с интересом и даже странной любовью. Он изучал их. Наблюдал. Большинство Клиентов начинает с малого. Они осторожно пробуют, сомневаются. Жестокость набирает оборот постепенно и даже потом, когда человек раскрывается, они прикрываются мыслью об игре, о нереальности происходящего. Армеев же был страшен сразу. Он поражал жестокостью и напором, ему было тяжело остановиться. Степан требовал всё новых и новых сессий.

В каких пропорциях в людях заложена жестокость Серебряков не знал. Он познакомился с Армеевым недавно, и Степан уже был озверевшим. Хотя так было далеко не всегда, об этом говорило мимолетное общение с старожилами Шеломенцево. Серебряков ещё раз посмотрел в открытый дверной проем подсобки. Отбившись от остальных артефактов, на полу лежал барельеф с именем и высеченным лицом. Такой же как на кладбище. Армеев Виктор Андреевич. Волевое лицо. Строгий взгляд. У Степана были сложные гены.

***

Степан Армеев родился в семидесятом. Большая семья, счастливое советское детство. Младший Армеев почти не болел, с ранних лет был приучен к труду и скромности. Даже повзрослев, начав собственный бизнес и заработав солидный капитал, Степан оставался в меру аскетичным, достаточно щедрым на деньги и эмоции. Он был прохладен к путешествиям, мало выезжал из города и сосредоточился на семье, соседях, горожанах. Несомненно, статус закрытого города накладывал свой отпечаток на кругозор Армеева. Вполне сносное снабжение города слабо компенсировало затворничество. Будущее Шеломенцево варилось в собственном соку, рождало и раздувало локальные легенды, воспевала местных героев. В какой-то момент главным, а то и единственным героем города стал отец Степана – Виктор.

Армеев Виктор Андреевич появился в Шеломенцево в начале пятидесятых. Прибыл без фанфар, в колонне осужденных. Один из многих. Высокий и широкоплечий, ещё в общем-то молодой человек. Потрепанная одежда, впалые живот и щёки. Горящий суровый взгляд. Армеева выслали вслед за Игнатьевым. Именно он, Николай Борисович, был настоящей звездой эшелона. И хотя Игнатьев умер ещё до рождения Степана, в семье Армеевых о Николае Борисовиче вспоминали с благодарностью. Считалось что он спас отца.

Игнатьев представлялся Степану добрым и старым, хотя был ровесником Виктора Армеева. Искренний коммунист, инженер-самоучка попавший под репрессивный каток, он

два десятка лет выживал в лагерях. Игнатъев не падал духом, занимал себя работой, искал задачи посложнее и неизменно блестяще их решал. Немного рассеянный, временами молчаливый, но чаще обаятельный Николай Борисович без перерывов строчил научные статьи и докладные записки, вносил рацпредложения и оптимизировал всё вокруг. В лагерях он умудрился жениться.

Никому неизвестно чем Игнатъеву приглянулся Виктор. Осужденный фронтовик Армеев прибыл в лагерь ещё крепким, физически сильным человеком. Возможно он помогал Игнатъеву в решении конфликтов или организовывал быт. Никто из этой пары не распространялся о прошлом, для обоих лагерь был чёрной неприятной полосой. Чем бы не объяснялась дружба этих двух разных людей, но история Армеева и Шеломенцево начиналась совместно с Игнатъевым. Инженера перевели на строящийся комбинат, Свердловск-14 входил в систему ГУЛАГа. Николай Борисович забрал с собой жену и выбил место для своего младшего товарища. Впоследствии память об инженерере стерлась, а имя Виктора Андреевича Армеева долгое время красовалось на многих зданиях и городских культурных объектах.

Степан слышал эту историю от матери. Сам Виктор Андреевич не любил распространяться о прошлом. Он в принципе не был болтлив.

Виктор Армеев родился в 20-м году. Брянская область, забытая богом деревня. Он не успел освоить профессию, на-

чалась большая война. Крестьянский вчерашний мальчишка начинал в пехоте, был контужен, прибился к артиллеристам и с ними шагал навстречу Берлину. Судя по всему, к оружию его не подпускали, так что Армеев не мнил себя героем, да и особо ничем не хвалился. Но признавался, что «фашистов бил» (в своих мальчишеских фантазиях маленький Степан с замиранием сердца представлял отца, здорового русского мужика, раскидывающего фрицев непременно деревянной оглоблей). А потом случился плен. Как и всегда Виктор не был щедр на подробности. Почему ему впаяли срок свои же оставалось загадкой. В семье предполагали причиной врожденную несговорчивость и крутой нрав Армеева. Как бы то ни было на самом деле, но лагерный срок фронтовик получил. Какое-то время Армеев мыкался по распредпунктам, сменил несколько лагерей и бесчисленное множество следователей. Его часто били. Старались сломать то ли дух, то ли тело. Именно поэтому родные справедливо полагали – перевод в Свердловск-14 вслед за Игнатьевым спас отцу семейства жизнь.

Если публичность Армеев не любил, то власть презирал и ненавидел. Он не хотел реабилитации, считал её позорным, унижительным актом. Всем всё было ясно и так. Очередной человек в жерновах государства. Выброшенный винтик, мелочёвка. Зная твердый характер Виктора Андреевича, близкие не пытались уговаривать Армеева подавать документы для пересмотра дела. Он и так был местным геро-

ем. Пусть и не оправданный, но свой, настоящий фронтовик, незаконно и несправедливо осужденный властью, стал неформальным знаменем горожан. Для этого потребовалось почти двадцать лет.

Благодаря внушительной внешности, тяжёлому взгляду, суровой степенности, Виктор Андреевич набирал авторитет в трудовом коллективе. Он боролся за права заводчан, к нему тянулись за советом, обращались с просьбами. Профсоюз, товарищеский суд – Армеев успевал повсюду. Виктор по-прежнему мало говорил, но если это было минусом в застольях, то помогало в разговорах с руководством. Мало кто выдерживал пристальный взгляд Армеева, его рубленые фразы. Популярность Виктора стремительно набирала обороты, а после разыгравшейся трагедии в местной больнице и вовсе вынесла Армеева в небожители. В тот день родился Степан.

Местную больницу возводили зэки. Первые заключенные, согнанные с лагерей, они строили комбинат и жилые постройки. Густой плотный лес вокруг будущего Шеломенцево будто сам собой напрашивался в стройматериалы. Первые дома-бараки возводились вокруг завода, недалеко от лесопилок. В одной из деревянных построек разместили единственную на всех больницу. Спустя два десятка лет Свердловск-14 разросся, уже появился Левобережный район города, но вокруг комбината по-прежнему стояли деревянные постройки. Медицинское учреждение оставалось на месте.

И оно загорелось.

Виктор Армеев оказался рядом случайно. Его семья росла. Анна Игнатьевна, супруга Виктора, девушка молодая, но крепкая, оказалась плодовитой. Степан стал четвертым ребенком в семье и в день пожара собирался появиться на свет. Виктор Андреевич носил в больницу воду. Сам Степан никогда не видел старой больницы и не понимал, как люди лечились и рожали без воды, но для Свердловска-14 это была повседневная жизнь. Виктор Армеев четвертый раз готовился стать отцом и наворачивал круги с ведрами. От колонки до больницы. Когда в окнах появился дым, он делал очередной заход.

К приезду пожарных расчетов (спасательные службы размещались на комбинате) отданный под больницу деревянный трёхэтажный дом сгорел. Во дворе тряслись от ужаса пациенты и персонал. Сначала Виктора Армеева увезли в другую часть города, а потом в Свердловск. Полученные им ожоги просто не умели лечить в маленьком городе. Всех рожденных в ближайшие дни мальчиков города называли Виктор. Разумеется, это не относилось к собственному сыну Армеева, имя которому подобрали заранее. Степан увидел отца через три месяца. Богатырское здоровье Виктора пошатнулось, но выдержало.

Несмотря на популярность, Армеев оставался беспартийным, упорно тормозил возможную карьеру, избегал командировок. Немногословный, он не объяснял причин. Ему бы-

ло достаточно ставшего родным небольшого города, спокойной работы, большой семьи.

Но семью Армеевых не обошли несчастья.

Старший сын Виктора Армеева погиб в Афганистане. Погиб обидно, незадолго до вывода войск. Почти одновременно со смертью старшего сына младшая дочь упала с мотоцикла. Обычная деревенская история – пьяный ухажер не удержался на дороге. Перебитый позвонок. Молодая девушка осталась прикованной к постели. В квартире Армеева поселился траур. Жизнерадостный Степан стал единственной отдушиной отца.

Страна стремительно менялась. Вслед за консервацией градообразующего комбината, город перестал быть закрытым. Всё Шеломенцево затаило дыхание, поглядывая на Москву. К Армееву привычно потянулись за советом. Кто-то предлагал ехать в столицу. Без особой цели. Чтобы присутствовать. Армеев предлагал подождать. Жизнь в новом обрезанном по границам государстве начинала бурлить. Шеломенцево не имело шанса остаться в стороне.

Шеломенцево замерло в ожидании перемен. Старшая дочь Армеевых сбежала в Екатеринбург. Виктор дряхлел. Пришло новое время, время Степана Армеева.

Степан рано женился. Брак быстро принес потомство. Мальчишки-погодки почти не видели папу. Степан занимался городом. Он был общительнее своего отца, ладил с людьми. Ещё достаточно молодой, Степан смело шёл в лю-

бые кабинеты прикрываясь именем отца. Вокруг молодого Армеева формировалась новая элита – начинающие предприниматели всех возрастов просили о помощи. Кому-то была нужна земля, другим-постройки, третьим– коммуникации. Основным партнером Степан выбрал Серёгу Шулева. Одноклассник Армеева, профессорский сынок, чуть ли не единственный в городе мог похвастаться экономическим образованием. Он и стал директором всех совместных компаний. Сам Степан старался казаться аскетом и активно участвовал в общественной жизни. Свои успехи и популярность младший Армеев скромно объяснял хорошей генетикой.

Виктор Армеев умер достойно. Ему шёл восемьдесят первый год.

Как ни странно, смерть Виктора Андреевича только усилила популярность семьи Армеевых. Ищущее философского фундамента общество словно открыло глаза. Маленький, искусственно созданный город, населенный потомками зэков, гарнизона и редких вольнонаемных, объединился вокруг фронтовика, прошедшего лагерь и нашедшего свое счастье на новой малой Родине. Кинематографичность истории требовала драматургических подробностей, знамен с портретами, увековечивания. Степан Армеев не вылезал с собраний, читал лекции в школах, был повсюду. Через четыре года народ потребовал Армеева в мэры. Степан не сопротивлялся.

Степан Армеев руководил Шеломенцево несколько лет.

Город потихоньку развивался. Сам Степан обзавёлся третьим сыном, построил дом, деликатно выбрав участок на окраине. Он по-прежнему был улыбочив, не гнушался общением с горожанами, никуда не выезжал и оставался свойским парнем. За полтора года до встречи с Серебряковым жизнь Армеева изменилась.

Степан Армеев пытался найти сведения о своем отце. Детство, служба в армии, война, пленение. Виктор Армеев не распространялся о прошлом, многие ветераны боялись воспоминаний, считали излишним озвучивать подробности войны. Чистая случайность, но изданные на немецком и переведенные на английский мемуары участника Второй мировой, основанные на их базе скрупулёзные исследования попались на глаза энтузиастов. Проскочившие записи о красноармейце Армееве выглядели многообещающе. Виктор Армеев и правда являлся уроженцем Брянской области, начал в пехоте, имел ранение, вернулся в строй, попал в окружение и плен. Обрывочные истории отца Степана подтверждались, историки располагали свидетельствами очевидцев, плененных вместе с Армеевых солдат. Проблема заключалась в том, что Виктор Андреевич Армеев был расстрелян осенью 1944 года перед эвакуацией концентрационного лагеря.

***

Много деталей о Шеломенцево Серебряков узнал от одного из своих первых Клиентов в Екатеринбурге – Артёма Мельника.

– Сюда приехали москвичи, – Артём сплюнул. То ли скопилась слюна, то ли реакция на слово «москвич». – Журналисты. Хотели позвать местных на шоу, но Степан их отменил.

Артём искренне рассмеялся. Он вывел Серебрякова на Степана, предложил помощь в вербовке. Историю Шеломенцево он знал от родственников и соседей. Сам Артём сбежал из города в начале двухтысячных, какая-то тёмная история с муниципальным тендером.

– Избил? – решил внести ясность в терминологию Алексей Геннадьевич.

– Ну да, – продолжил Артём. – Для него это очень личное. Можно понять. Москвичи предлагали гонорары, хотели сделать громкую историю. Малахов там или кто ещё, не знаю. В принципе, конечно, интересно. Армеева старшего тут почти на руках носили, фронтовик, ветеран, несправедливо осужденный. А оказалось...

– А что именно оказалось? – перебил Серебряков.

– Слушай, я читал только в интернете, сам особо не вникал. Был такой человек, звался Виктором Армеевым. Красная армия наступала, один из охранников в лагере уж очень похож был на этого Армеева, а военнопленные были с документами. Нехитрая комбинация, как мне кажется. Убиваешь

заключенного, прикрываешься его документами. Охранника этого Витязем звали. Похоже он тут у нас и спасал больницу. Сюрприз.

«Витязя» звали Романом Стецько. Эту информацию Се-ребряков прочитал позже. Аргументированный, полный ссылок и беспристрастного повествования документ находился в открытом доступе. Стецько и правда успел послужить в Красной армии, но был пленен в Крыму через год с начала войны. Он сразу пошёл в добровольные помощники, какое-то время отработал хиви, затем прошёл курс обучения и принес присягу СС. На фронт его не пускали. Роман Стецько занимался зачисткой немецкого тыла. Проявлял себя бесстрашным и хитрым человеком. Закончил службу в охране лагерей, оказался старательным и небрезгливым. Прозвище «Витязь» получил за богатырские силу и габариты.

– Степан психовал, – продолжал Артём. – Ему говорили остыть, все были в шоке, но никто не собирался линчевать самих Армеевых. Город замер, интерес, конечно, был. Особенно у молодёжи. Выуживали всякие подробности. Казни, истязания. Нет чтобы просто на нацистов работать, так он ведь старался похоже. Ну да не суть. В принципе почти уладили вопрос, но тут мать Степана отчебучила. Эта Анна Игнатьевна странная, ей-богу. До неё добрался какой-то прощелыга, из местных журналистов. Начал давить, бумажки, распечатанные принес, со зверствами, значит. Анна Игнатьевна и заявила, мол мы на этой войне не воевали, вот не

нам и решать кто и как выживал. За дорогим супругом вины не видит, все жертвы не его и прочее. Признала по сути, за стариком службу фашистам, но, типа, без отягчающих. Ну тут и началось. Степан с мэрского кресла слетел, именные таблички ему со всего города снесли. Ему бы посидеть чуток в тишине, народ ведь неоднозначно ко всему этому относился, добро то тоже помнят. Но Степан на «Бессмертный полк» припёрся.

– Это когда колонна идёт с портретами воевавших предков? – уточнил Серебряков.

– Ну. У него младший сын уж очень патриотичный парнишка получился. Пацану одиннадцать лет, а он чуть не главный активист в городе. Не мог пропустить шествие, ну и пришёл с плакатиком деда. Мальцу и не объяснили, наверное, открывшиеся новости. Короче, пошла колонна, идут и Армеевы. Настроение у всех хорошее, праздник как никак. Но одна тётка вредная в колонне Степана опознала, ор подняла. Степан нет чтобы уйти, он орать в ответ, народ столпился, заволновался. Армеев мужик здоровый, но не терминатор же. Началась толкучка, мальчишку затоптали.

– Насмерть? – ахнул Алексей Геннадьевич.

– Да, – Артём впервые за разговор погрустнел. – Несчастный случай, конечно. Он у него мелковатый был, хиленький. Самого Степана говорят впятером держали, пока полиция не приехала, – Артем помолчал. – Теперь понимаешь, почему тебе его рекомендую?

– Да, мне есть что ему предложить.

Глава 21

День четвертый. Понедельник. Екатеринбург.

Кирилла запахнули в белый фургон. Какая-то иностранная машина. Высокая, выдавшая виды. Боковая дверь открывалась в влево, мягко откатывалась. Оператора сильно толкнули в спину, он упал ничком, ударился носом. Резкая боль спровоцировала обильные слёзы, хотелось почесать нос, чихнуть. Сверху мешком забросили Валерию. Лера охнула и откатилась в бок. За две-три секунды дверь прошла по направляющим и захлопнулась. В кузове автомобиля стало темно. Никакого источника света. Голый жестяной пол. Кирилл перевернулся на спину и попробовал сесть. Принять более удобную позу получилось со второго раза. Сидя на заднице и отталкиваясь ногами, Плеханов подполз к стенке фургона. Облокотился спиной на прохладный рифлёный металл. Рядом села Валерия. Он слышал сбившееся дыхание девушки. Она должна быть безмерно напугана. Кирилл попытался ободряюще промычать. Перевязанный тряпкой рот не давал говорить.

– В Шеломенцево.

– А ты?

– Я чуть позже за вами. По всем трассам куча ментов. Не превышайте скорость.

– Да понятно. Куда на месте?

– Я позвоню.

Двое мужчин. Один голос был знакомым. Кирилл пытался вспомнить. Рядом забилась Валерия. Она принялась стучать затылком о стенку фургона. Девушка впала в истерику.

Дверь распахнулась. На улице уже рассвело. Кирилл сообщил, что находится на заднем дворе гостиницы. Пространство напротив двери отеля должна «простреливать» видеокамера, но машина стояла чуть поодаль. П-образный дом, в котором располагался отель был жилым. Сегодня понедельник. Кто-то мог уже проснуться и выйти покурить. Кириллу тоже стоило привлечь к ним внимание, стучать ногами по полу или головой о борт фургона как Лера.

Их похитители действовали быстро. В открытую дверь ворвался мужчина. Ему пришлось чуть согнуться, чтобы пролезть в кузов. Похититель мгновенно оценил обстановку и вплепил пощечину Лере. Девушка замерла. Лицо мужчины прекрасно освещалось. Яростная гримаса, сомкнутые губы, горящие агрессией глаза. В руке похитителя сверкнул нож, показавшийся Кириллу огромным. Лезвие коснулось щеки девушки.

– Ты, сука сраная! Ещё один звук, и я тебя порежу, – мужчина старался говорить тихо. – А ты ублюдок, – яростный шёпот в сторону Кирилла, – следи за своей выблядкой, понял? Дима!

Похититель обернулся в сторону улицы. В дверях появи-

лось знакомое Кириллу лицо. Дима разглядывал Плеханова и девушку сосредоточенно, он был в раздумьях.

– Давай я с ними в кузове поеду? Они же факультатив, если что чикну.

Мужчина в фургоне откинулся к стенке фургона, что примыкала к салону водителя, и поджал ноги как бы демонстрируя возможность предложенного передвижения. Дима по-прежнему стоял молча. На правое плечо главного похитителя была закинута лямка рюкзака. Рюкзака с капсулами и пистолетом Кирилла.

– Нет.

Дима наконец принял решение. Сказав «нет», он чуть растянул губы, обнаружив щербинку между передними зубами. Именно этот человек устроил перестрелку, в которой погиб Нурлан. Кирилл поджал ноги. Если Дима полезет в кузов, он постарается его ударить двумя ногами. Не то чтобы этот отчаянный шаг мог изменить расклад сил, но теперь Плеханов понимал, что у него нет шансов на выживание.

– Иди за руль. С ними поедет Костя, – Дима указал мужчине в кузове на выход. – Ты слишком нервный.

Похититель нехотя вылез. Лицо мужчины выражало недовольство, но судя по его молчаливой покорности, авторитет Димы был непререкаем. На некоторое время в кузове остались только пленники. Щербатый глава похитителей поставил правую ногу на порог кузова и наклонил тело внутрь. Кирилл немедленно разжал ноги. Улар получился хуже за-

думанного. Слишком медленно. Дима вскинул левую руку и отбросил ноги Оператора. При этом на лице похитителя отразилась резкая боль. Дима три раза очень быстро ударил Кирилла правым кулаком. В скулу, живот и бедро. Плеханов не знал от какой именно боли стонать, все три точки соприкосновения с будто стальным кулаком этого человека разом запылали. Рядом от страха засипела Лера.

– Заткнитесь оба, – шикнул на них Дима. – Не провоцируй их, – обращение к девушке. – Никогда так больше не делай, – уже к Кириллу.

Дима вылез из машины. Его сменил плотный невысокий парень с почти квадратной головой. Видимо Костя. Это тот второй, из номера. Их было двое. Один нервный, он сейчас захлопнул водительскую дверь, второй Костя.

Свет в номере включился сразу весь, включая настенные бра. Провалившийся в сон Кирилл разомкнул веки, но сразу зажмурился. Следующим за яркой вспышкой ощущением стало прикосновение лезвия к горлу. Тёплого лезвия. Плеханов приоткрыл глаза. Ровно настолько чтобы видеть и привыкнуть к свету. Костя зажал ладонью рот Леры, у её горла также был нож. Им по очереди дали одеться. После краткого инструктажа безмолвные похитители и их пленники молча спустились по лестнице. Выход на задний двор гостинцы проходил, минуя стойку администрации. По пути никто не встретился. Перед машиной их связали, выгнув руки за спину. Рты перевязали тряпками. Чуть позже подъехал третий.

Дима.

Костя уселся в кузов, предварительно продемонстрировав нож. Дверь плавно закрылась. Пленники опять погрузились в темноту.

***

Понедельник окончательно вступил в свои права. Солнце слепило через ветровое стекло. Почти каждый пройденный километр приходилось регулировать солнцезащитный козырёк. На горизонте маячили тучи, но пока они не закрывали солнечный свет.

Ярослав Бочарников выбрался из города, счастливо миновав дорожные заторы, и теперь старался контролировать скорость. Его удостоверения, брошенные россыпью, почти полностью укрывавшие пассажирское сиденье, могли решить любую проблему с постами ГАИ, но время играло против него. Лучше держать скорость, чуть превышающую дозволенную, чем останавливаться по требованию инспекторов, демонстрировать очередную «ксиву» и набирать скорость заново. Притормозить перед жезлом он будет обязан. В стране не ввели чрезвычайное положение, но один хрен, все силовики оставались взбудоражены. С воскресных событий не прошло и дня.

Машина Ярослава, ровно и плавно, шла по трассе Екатеринбург-Челябинск по направлению к Шеломенцево. Там

сходились все нити его задания. Бочарников успел выяснить многое, но сейчас он проигрывал. Он упустил слишком много времени.

Бочарников установил личность Серебрякова. Досье числившегося погибшим Алексея Геннадьевича переслали по первому запросу. Ловкий мужик. Умный. Бывший Техник, элита. Без эмоций, просчитывающий на несколько ходов вперед. Серебряков вырисовывался ключом ко всему происходящему. Ярослав был уверен – Алексей Геннадьевич скоро сменит дислокацию, обрубит концы.

Из Москвы дали всё что могли, но зацепиться в биографии Серебрякова не за что. Одинокий, чуть за пятьдесят. Его ничего не держало ни в одной точке мира. У него наверняка запасены наличные деньги, а главное, Бочарников уже не сомневался, был терминал и капсулы. Серебряков мог сорваться в любой момент.

Ярослав впустую потратил всю ночь и часть утра. Сначала он чуть не ликвидировал Шаца, потом не успел перехватить Плеханова. Затем вернулся за Шацем, но того отправляли в Шеломенцево. Слишком много полиции, следак из комитета. Кто-то направил Вадима Ароновича на верную смерть. Резонансный арестованный переводился в бывшую «запретку», подальше от журналистов, недоброжелателей. Красивое решение. Изящное. Тут не подкопаешься, обычная практика. Когда-то арестованного просто прячут, когда-то ломают. В любом случае, история не выбивается из ряда вон. Только

Ярослав был уверен, что билет у Шаца в один конец.

Поступивший на телефон звонок Ярослав вывел на громкую связь. Кратко поприветствовал начальство и пересказал собранную информацию.

– Какие делаешь выводы? – сухой без малейшей нотки волнения голос Андрея Андреевича.

– Основное действующее лицо Серебряков. Он обрушил нашу сеть, использовав сессию Оператора Плеханова. Каким образом мне не известно. Основной мотив, конечно, месть. Что он будет делать дальше? Я думаю, он исчезнет. Сменит географию, причем кардинально. К нему слишком много ниточек, мы его вычислим. Он имеет представление о ресурсах Фирмы, и он совсем не дурак, – Ярослав говорил чуть медленнее обычного, сказывалась необходимость следить за дорогой. – На сегодня у Серебрякова есть несколько сильных союзников. Во-первых, Степан Армеев. Жестокий и властный человек, по сути владеет целым городом. Лично, через совместные предприятия с покойным Шулевым. Скорее всего, давным-давно прикормил местную полицию и многих других. Во-вторых, богатые и властьюмущие из соседних крупных городов. Екатеринбург, Челябинск. Кто-то помог организовать перевод Шаца из Екатеринбурга. И этот кто-то на вершине пирамиды.

– Уверен, что не случайность? – перебил Бочарникова голос из Москвы.

– Абсолютно. Были сомнения, но видел, как из РОВД гру-

зили вещдоки. Готов спорить, что там терминал, который Серебряков умыкнул у Фирмы. Он собирает всех и всё в Шеломенцево, где чувствует себя в относительной безопасности.

– Последствия для Шаца?

– Смерть. Убирать его в РОВД слишком рискованно. Грамотное решение с их стороны.

– В СИЗО?

– Возможно. Либо по дороге. Серебряков может иметь несколько вариантов.

– Нам важнее Плеханов. Он блефовал?

Ярослав прокрутил в голове сообщение Кирилла. «Форумчане, делюсь опытом: в пятницу открыл сессию, но она до сих пор не закрыта. Сажу в отеле. Жду помощи бывалых. Клиент жив, терминал утерян, но работает. Хочу вернуть себя и мир обратно в пятницу».

Парень сообщил минимум. Нет указания на город, личность, обстоятельства. Информация для тех, кто в теме. Но Серебряков его вычислил, он тоже «в теме». Если парень не врал, то жизнь Шаца становилась по-настоящему драгоценной, поэтому Бочарников откатил время в РОВД и попытался взбудорить Вадима Ароновича. Местонахождение Оператора Ярославу сообщили из Москвы, помогла привычка расчета банковской картой. Как нашёл Оператора Серебряков для Бочарникова оставалось загадкой.

– Его похитили. Вряд ли он в одной связке с Серебряко-

вым. Другими словами, я верю Плеханову.

Андрей Андреевич непривычно долго молчал. Ярослав ждал инструкций.

– Я поднял историю Серебрякова, – наконец ответили из Москвы. – Его считали погибшим, с ним же похоронили терминал и все расходники. У тебя ведь нет об этом информации? – Бочарников кивнул, хотя собеседник не мог его видеть. – Это во многом наш позор. Ну и секретность, конечно. В те времена мы были наивнее, меньше следили за своими и чужими. Один из Клиентов, одиозный в определенных кругах человек, решил действовать самостоятельно. Он продавал наши услуги, вербовал других клиентов. Никто не обращал внимания, всё в рамках протоколов, деньги исправно поступали на счет. Он брал Операторов в свои командировки, перемещался по миру. Когда мы поняли, что зависим от него, последовала логичная попытка сбросить лишнего посредника. Фамилия этого человека Голытьба, он оказался готов к нашим действиям. Голытьба создавал настоящую секту, отбирал самых отможенных людей, готовых на все ради новых сессий. Конечно, большинство этих сектантов не относились к простым работягам. Чиновники, бандиты, олигархи, военные. Клиент хотел собрать эту армию и диктовать нам условия. А главное, он собирал свой технический отдел. Это вскрылось неожиданно, заставило нас действовать быстро и необдуманно. Голытьба угрожал раскрыть нашу деятельность, чуть ли не объявил войну. Чистая слу-

чайность, но в момент нашего ультиматума Голытьба находился в Волгограде. Не самое удачное место для сбора последователей, у нас было время. Голытьба взял в заложники Оператора, на переговоры отправили Серебрякова.

– Я что-то слышал об этом, – воспользовавшись паузой сказал Ярослав.

– Не вдаваясь в подробности, мы подтянули туда свои силы. Действовали под страховкой петли времени, но, – Бочарникову показалось, что Андрей Андреевич усмехнулся. – Голытьба тоже включил терминал. Можешь себе представить, эти вечно повторяющиеся штурмы. Наши ребята атакуют базу Голытьбы, но нас откидывают. Мы делаем выводы и пробуем снова, но нас опять поджидают, хотя еще сессию назад в этом месте никого не валялось. Всегда страшные потери. Время на исходе. Как воевать, если у обеих сторон терминалы? Только тотально. Мы подключили армию. В новостях сказали об очередном пожаре на складе вооружений. Помогавший нам местный полководец от греха подальше уехал в Испанию.

– Артиллерия?

– Нет, два бомбардировщика. Как ты понимаешь в пепле копались не долго. Серебрякова списали. Как оказалось, зря. Серебряков очень опасен. По сути он инженер, учёный, но уровень его амбиций никто и не пытался выяснить. Неизвестно какие беседы они вели с Голытьбой, кто кого и на что надоумил.

– Он нужен вам живым?

– Он нам особо и не нужен. А вот его терминал окажется очень кстати.

Бочарников не ответил. Если начальство хотело терминал, то Серебряков оставался на усмотрение Ярослава. Ликвидировать этого циничного человека даже в радость, но как быть с возможностью закрытия петли и теоретического возвращения Шаца с Плехановым к обычной жизни?

– Пойми, Слава, – Андрей Андреевич понял замешательство ликвидатора. – Терминал Серебрякова имеет огромную ценность. Он таскал с собой модель СВЛ-16. Мало того, что таких больше физически не существует, так он ещё и постоянно дорабатывал свою игрушку. Я не люблю громкие эпитеты, но этот человек близок к гениальности. В соответствующем отделе хотят разобрать его терминал. Есть основания считать, что Серебряков добился прорыва. По сути, изучив его терминал, можно понять и планы этого человека.

– Разве нам не стоит попытаться закрыть сессию Шаца? Наша репутация, общественный резонанс...

Ярослав понимал бесперспективность обсуждения судьбы конкретных Вадима Ароновича и Кирилла. Не те ставки, не те люди. Андрея Андреевича волновали более масштабные материи, чем несколько десятков сорванных по всему миру сессий.

– Мы уже устранили почти все источники возможного слива информации. За год всё успокоится. Может и раньше.

Слава, мы считаем приоритетным терминал Серебрякова.

Машина взбиралась на горку, изношенный двигатель загудел чуть громче обычного. Ярослав, не прощаясь, отключил связь. Немного по-хамски, но задача была предельно ясна.

До Шеломенцево оставалось сорок километров.

***

Вениамин Семенович Слепаков был готов выходить. Очередное утро, очередной понедельник. Он привычно проснулся за десять минут до будильника, но пролежал в кровати ровно до семи. Слепаков автоматически свесил ноги, нацепил домашние тапочки, встал, подошёл к окну, открыл шторы. В полном соответствии с прогнозом несколько жарких солнечных дней сменило пасмурное утро. Сегодня будет прохладно. Ещё редкие в это время прохожие кутались в ветровки. Вениамин Семенович отметил, что нужно накинуть пиджак.

Он прошёл в ванную, умылся, растер холодной водой шею. Придирчиво проведя ладонью по щекам, решил не бриться. Пригладил мокрыми руками растрепавшиеся непослушные волосы. Вернул одинокую зубную щетку в стакан и выдавил увлажняющий крем из тюбика. Кожа сохла. Раньше такого не было. Он глубоко вздохнул и прошёл на кухню.

Уже два года Вениамин Семенович не завтракал. Только

чашка чая и сразу после – растворимый кофе. По три ложки сахара на кружку. Пожалуй, он никогда и не хотел есть сразу после сна. Но Нина любила готовить. Слепаков отхлебывал горячий чай и смотрел в окно за нарастающим потоком пешеходов. Все-таки он изменил многим привычкам. Раньше завтрак сопровождался телевизором, но его он разбил после смерти Нины. Психанул из-за какой-то глупой передачи. Единственный телевизор в доме. По телевизору он почти не скучал. Больше по Нине.

В прихожей Вениамин Семенович взял вторую пару более плотных туфель, отодвинув к стене используемые последнюю неделю светлые мокасины. Поправил коричневый пиджак, посмотрелся в зеркало. Обычный горожанин предпенсионного возраста, ничем не выделяющийся из тысяч других, спешащих на работу. Форменную одежду он давно не вынимал из шкафа.

Слепаков скромно, почти стесняясь прошёл в Кировское РОВД. Во дворе припарковали служебную «буханку» и новенький автозак на базе Газели. В заставшую развал Союза «буханку» загружали вещдоки. Разнообразную компьютерную технику выносили в синих контейнерах. Никакой описи, настоящий бардак. Вениамин Семенович поймал за руку молодого полицейского, представился, получил сбивчивый ответ. Его подопечного переводили в специзолятор города Шеломенцево. Распоряжение пришло из его конторы. Старший следователь Следственного комитета растерялся.

Глава 22

День четвертый. Понедельник. Шеломенцево.

Автозак следовал за служебным Уазиком. Крошечный караван из двух служебных автомобилей проскочил заселенную часть города и проехал мост в правобережную часть Шеломенцево. Вениамин Семенович был здесь не меньше десятка раз. Разместившись рядом с водителем, он без особого интереса разглядывал местность. Зброшенные территории к середине лета заняли кустарники и сорняки, разросшиеся вверх и вширь. Забавно на сколько быстро природа завоевывала пространство, оставленное человеком.

Асфальтированная в прошлом веке дорога покрылась оспинами провалов, дорожное полотно заваливалось. Водитель автозака мягко уводил машину в разные стороны, избегая ям и неровностей. Машина мягко и послушно откликнулась на руль. Старая «буханка» впереди подпрыгивала и всхлипывала изношенными рессорами. Вениамин Семёнович подумал было вернуться в закрытую часть автозака, до изолятора Шеломенцево оставалось несколько километров по проспекту Мира, стоило попробовать разговорить Шаца. Он хотел попросить водителя об остановке, но в этот момент идущий впереди служебный уазик резко затормозил. Газель повторила маневр, вжав следователя в торпеду салона. Вениамин Семенович посмотрел вперед – перед «буханкой» до-

рогу блокировали машины. Несколько легковых автомобилей, плотно друг к другу. Поперек дороги!

До местного отделения полиции и находящемся позади него специзлятору каравану полицейский машин оставались считанные километры. Их заблокировали на узкой дороге по недоразумению названную проспектом. Одна полоса вперед, одна назад. По бокам, через метровый тротуар и пару метров дикого озеленения длинные трёхэтажные баракки. Семен Вениаминович знал, что дома шли парами, а после второго в ряду дома, и слева и справа, проложены параллельные дороги. За которыми опять стоят старые дома, опять парами. Несколько параллельных дорог и ряды домов между ними образовывали старый, построенный еще послевоенное время микрорайон. Все дороги вели в местный Рим, к двухэтажному зданию РОВД. Всё происходящее напоминало засаду. Самым мудрым решением казалось развернуться и дать дёру, но из «буханки» повыскакивали вооруженные полицейские. Водитель автозака, сопровождая каждое движение матом, тоже вылез из машины, игнорируя призывы следователя.

Вениамин Семенович отметил оставшиеся в замке зажигания ключи и тоже выбрался из Газели. Нужно было оценить обстановку лично. Следователь настороженно оглядывался. Заблокировавшие дорогу впереди легковые машины, медленно разрушающиеся унылые трехэтажные дома по бокам, тёмные тяжелые тучи над головой, пустая дорога поза-

ди. Никаких сомнений – затор на дороге настоящая баррикада. Следователь принял решение сесть за руль. Он обошёл автозак, боковая дверь открылась. Обеспокоенный конвойный высунул голову.

– Добрались?

– Не совсем.

Старший следователь хотел приказать закрыть дверь и приготовиться к быстрой езде, но вокруг началось движение. Во-первых, дорогу сзади заняли две легковые машины, а во-вторых за баррикадой появились люди. Они выходили из зданий позади, выныривали из-за кустов, возникали как будто из ниоткуда. Молодые мужчины, некоторые совсем мальчишки. И они были вооружены. Биты, куски труб, а ещё пистолеты, самые разные винтовки, пугачи и даже автоматы. Несколько десятков человек.

На одну из машин из затора ловко взобрался мужчина.

– Граждане! Давайте без оскорблений и геройства! Нам нужен ваш груз. Отдайте арестованного и идите по своим ментовским делам.

Полицейские из «буханки» пятились назад. Не нужно было видеть их лица, чтобы почувствовать растерянность. Вениамин Семенович не попадал в подобные истории за сорок лет карьеры и даже не слышал ничего схожего от коллег. Настоящий Дикий Запад. Конвойный из автозака, по-прежнему выглядывающий из двери ойкнул. Вениамин Семенович в очередной раз обернулся назад. Из двух машин, занявших

всю дорогу, вышли четыре вооруженных парня. Насчитать всех бандитов не представлялось возможным. Не меньше сорока. Это против шести конвойных и старшего следователя. Престарелого старшего следователя.

– Серьезно! Мусора! Не доводите до греха!

Мужчина на машине не скрывал своей радости. Он улыбался во весь рот и тряс над головой ружьем. Немного подумав, он выстрелил в воздух.

***

Они ждали здесь не меньше часа. Серое бетонное крыльцо РОВД, переминающийся в нетерпении Армеев, четыре умеренно возбужденных сотрудника полиции – весь личный состав Правобережного района полиции Шеломенцево, три завербованных Серебряковым местных Клиента. И, конечно, сам Серебряков. Он только что отпустил Диму, отправил за изъятыми у Плеханова капсулами. Избавиться от верного помощника заставил Армеев, аргументировал невнятным «чтобы не маячил», но Алексей Геннадьевич вполне, как ему показалось, отчетливо продемонстрировал Диме свою озабоченность.

Расклад был достаточно прост. Армеев не доверял Серебрякову, собрал трёх лично знакомых Клиентов и не спускал с Алексея Геннадьевича глаз. Тут же были преданные лично Степану полицейские. Мало того, что численный перевес и

так был за Степаном, так ещё и Клиенты прибыли с помощниками. Клиенты...

Татьяна Александровна – многолетний начальник комитета образования, куратор детско-юношеских олимпиад и мероприятий. Бесчисленные командировки по стране и за рубеж, экспертные мнения и статьи в научных журналах. Большая шишка, чиновник-долгожитель. Сублильная невысокая женщина с густой копной рыжеватых волос. Надень на такую очки, да поставь за кафедру – вылитый божий одуванчик. Правда Татьяна Александровна очень любила огнестрельное оружие.

Алексей Игоревич прибыл с охраной. Три молчаливых бойца в строгих костюмах. Эта четверка из Челябинска. Алексей Игоревич из молодых. Ну, относительно. Родился в удачной семье. Отец приватизировал город, сын активно строит дороги и здания. Как его охарактеризовать? Серебряков не вникал. Наверное, девелопер. Для него Алексей Игоревич оставался одним из любимых затейников. Сложные сценарии, почти драматургия, чуть больше необходимого убийств.

Третьего Клиента Серебряков знал хуже. Локальный олигарх из Свердловской области. Меценат, благотворитель. На личном счету четыре восстановленных храма. Этот больше по сексуальному насилию. Неприятно вспоминать, но гомосексуальному. Может какая-то детская травма. Серебрякову в общем-то без разницы. Этот тоже с двумя крепкими бой-

цами. Все трое сразу в охотничьей экипировке.

– Ты ведь не дурак, Алексей, – Армеев говорил тихо, почти нежно. – Выходные получились нервные, сегодня тоже тяжёлый день. Сейчас мы все дела закончим и спокойно о планах посудачим. Не только я волнуюсь, ребята – вот тоже. Не все приехать смогли, рабочий день всё-таки. Татьяна Александровна, например, отгул оформила в срочном порядке.

– Не доверяете?

– Нет-нет, не подумай. Просто многого не понимаем. Ты же нас объединил, мы теперь как семья. И всем домочадцам хочется знать, куда их патриарх ведёт.

– Думается мне, Степан, в этой компании ты на роль патриарха претендуешь.

– Нечего не могу поделатъ, тянуться ко мне люди.

Степан Армеев скромно улыбнулся. Серебрякова неприятно удивила прыть Армеева. Степан не просто предоставлял площадки и жертв для сессий, он ещё и устанавливал контакты. Теперь стал понятен его неумный интерес к работе терминала. Обычно Клиенты не вникают в технологии, но не Армеев. Степан пытался понять и разобраться. «Никак решил без меня попробовать работать, – подумал Серебряков и усмехнулся. – Тут тебе, Стёпа, умишка не хватит. Особенно с моей переработанной СВЛ-16».

– Зачем так много людей, – сухо спросил Серебряков.

– Идеяка возникла, – немедленно отозвался Степан. –

Кровью хочу всех связать. Не всё же в петле времени проказничать.

Алексей Геннадьевич резко повернул голову в сторону Армеева. Степан даже не пытался шутить, он был абсолютно спокоен и серьезен. Страшный человек. Серебряков положил правую руку на левое запястье. Со стороны казалось, что это обычная поза уставшего стоять ожидающего человека, но Алексей Геннадьевич прижал пальцы к браслету, снятого Димой с мертвого координатора. Отличная штука, Серебряков разобрался с ней за ночь. Портативный терминал. В даркнете мелькало название ME-4. Классная разработка, Фирма не стояла на месте.

Тишину, окружавшую ожидающих у РОВД людей, разорвал ружейный выстрел.

***

Перестрелка началась как-то сразу. Скорее всего подопечные бандита, залезшего на баррикаду из машин, неверно поняли символизм выстрела. Со всех сторон раздался треск самого разного оружия. Полицейские у первой машины пригнулись, вжались в «буханку», спустя пару мгновений начали отстреливаться. Несмотря на слабую подготовку атакующих, интенсивность открытого по полицейским огня не оставляла избыточных шансов на выживание. Первой потерей стал спешно возвращающийся к автозаку водитель. Он рухнул

ничком, так и не добежав до машины. По бортам служебной Газели забарабанили пока ещё редкие пули.

Вениамин Семёнович с тоской оглянулся. Перекрывавшие дорогу машины никуда не делись. Четверка вооруженных бандитов поджидала в резерве. Один из них даже начал целиться. Старший следователь шагнул к автозаку, чуть подпрыгнув наорал на запаниковавшего конвойного через открытую дверь. Полицейский взял себя в руки. Через пять, максимум семь секунд, Вениамин Семёнович вытаскивал из машины Шаца, за ними на асфальт спрыгнул обвешанный оружием конвойный. Все трое бросились к ближайшему дому, быстро преодолев тротуар. Вениамин Семёнович оглядел обстреливаемый участок. У «буханки» оставались двое живых конвойных. Один стрелял с земли, второй опираясь на одно колено. Три парня с охотничьими винтовками обходили машину сзади.

– Дай мне оружие, – за спиной шипел арестованный Шац.

– Заткнись, – в полный голос орал конвойный.

Вениамин Семенович снял с плеча конвойного автомат с запасным рожком и приказал уводить Шаца. Сам старший следователь распластался на земле в кустах и открыл огонь по обходившим «буханку» бандитам.

***

Стальные кисти Армеева легли на запястья Серебрякова.

Алексей Геннадьевич не успел зажать кнопку браслета, его руки развели в сторону. Сопrotивляться Степану не было никакой возможности. Армеев зло оскалился. Начавшаяся в нескольких километрах перестрелка смешала чёткие планы Степана. Ну что же, у Серебрякова тоже был запасной план, он нашёл телефон Юрия Колмакова и предупредил о перемещении Шаца. Колмаков обещал не вникать в ситуацию, забрать только арестованного, изъятые вещдоки передать Диме. Именно поэтому Алексей Геннадьевич был не против отослать с глаз Степана своего подручного. Всё должно было пройти тихо. Вся это кучка болванов на крыльце не смогла бы осознать произошедшее, рано или поздно, все бы разошлись. Но кто-то начал стрельбу.

– Свою игру ведёшь, Лёша, – зловеще проскрипел Степан.

Серебряков привык смотреть на всех свысока, не из-за интеллекта как можно было бы подумать, а высокого роста, но Армеев не уступал Алексею Геннадьевичу в росте и смотрел ему прямо в глаза. Сильные руки по-прежнему держали запястья Серебрякова. Алексей Геннадьевич отсчитывал время. Опытным путем он выяснил, что браслет и запакoванный в него портативный терминал ME-4 откатывает время на три минуты сорок четыре секунды. Чем позднее Серебряков зажмет кнопку и вернется назад по петле, тем сложнее будет избежать сложившейся неприятной ситуации.

– Все по коням!

Армеев проорал команду в лицо Серебрякову, чуть не

оглушив последнего. Алексей Геннадьевич даже зажмурился. Из-за этого он не увидел, как Степан чуть отклонился назад и вложив весь свой вес врезался лбом в лицо Серебрякова. Алексей Геннадьевич мгновенно обмяк.

Рядом затарахтели моторы. Начальник местной шайки продажных полицейских подкатил коричневый Amagok Армеева.

– Ты в кузов, Степан?

Армеев кивнул. Он снял с левой руки Серебрякова браслет, поразглядывал непонятный предмет и засунул его в карман джинсов. Серебряков приоткрыл глаза, у него не было сил протестовать. Лицо и голова горели от боли.

– Пристегни его и следи.

Степан бросил указание замершему на крыльце полицейскому и запрыгнул в кузов Amagok, к нему присоединилась уже экипированная Татьяна Александровна – невысокая субтильная женщина, обвешанная ножами и огнестрельным оружием. Четыре машины, набитые вооруженными людьми, снялись с места и, быстро набирая скорость, понеслись в сторону перестрелки.

***

Даже в такой момент Серебряков не чувствовал себя побежденным. Вместо отчаяния он с интересом прислушивался к боли, изучал её. Крови почти не было. Удар Степана

пришёлся в скулу, задев нос из-за чего из глаз обильно лились слёзы. Алексей Геннадьевич осторожно притронулся к лицу. Пропальпировал мягкие ткани. Больно. Он не станет прощать такое поведение Армееву. Отомстит не сразу, но ждать он умел. В конце концов, Степана могли и убить в ожесточенной перестрелке. Все эти люди, четыре клиента, их охрана и менты, словно забылись, играли в какой-то дурацкий вестерн. А ведь он, Серебряков, не прикрывал их петлей времени. Всё было по-настоящему. В завязавшейся кровавой драке Алексей Геннадьевич болел за по сути незнакомого ему Колмакова и его парней.

Полицейский на крыльце нервничал. Он не пристегнул Серебрякова к перилам и даже не связал. После удара Алексей Геннадьевич осел на ступеньку и не особо шевелился. Побитый худой довольно-таки старый человек в нелепом сером пуловере не слишком волновал молодого полицейского. Бедолаге оставили только пистолет. Современное оружие с боекомплектом в восемнадцать патронов. Как и любой Оператор, Серебряков немного разбирался в оружии. Полицейский накручивал круги по широкому казённому крыльцу, не выпуская из рук оружия. Почти каждые десять секунд он приподнимался на цыпочках, словно пытаясь разглядеть происходящее впереди. Треск выстрелов подтверждал – схватка в самом разгаре.

– А вот и Дмитрий, – неожиданно для полицейского сказал Серебряков.

Молодой парень на крыльце замер. Метрах в ста от здания РОВД появился подручный Серебрякова. Полицейский знал его визуально, он лихорадочно соображал относится ли этот парень к врагам. В итоге решил не подпускать Диму к крыльцу.

– Только давай без нервов, парень!

Дима кричал издалека. Он демонстрировал пустые руки, шёл выставив вперед открытые ладони. На плече лямка рюкзака, больше ничего. Но он приближался. Полицейский ещё раз проорал предупреждение, предусмотрительно отошёл от Серебрякова на пару шагов и выставил вперед пистолет. Дима замер, когда до крыльца оставалось не больше пятидесяти метров. Расстояние прицельной стрельбы из оружия возбужденного полицейского.

– Где все? Кто стреляет?

Он обращался к Серебрякову, но первым ответил полицейский.

– Проваливай!

– Не вполне информативно, – буркнул Дима и громко добавил – И все же?

– Охота идёт за моим имуществом, Дима, – что есть мочи заорал Серебряков. – Выручай, увеличу гонорар по контракту.

Дима сделал шаг вперед, полицейский затряс пистолетом.

– Проваливай, говорю! Нас больше, сейчас все вернутся.

– Контракт! – вторил полицейскому Серебряков.

Алексей Геннадьевич потирал руки. Дима должен справиться с этим безусым мальчишкой. Пусть тот в форме и с оружием, но Дима не зря получал от Серебрякова своё жалование. Дима стоял в сомнениях, несколько раз обернулся назад, беспокояно реагируя на звуки выстрелов.

– Плеханов в фургоне, за ним присмотрят. Сам решай, что делать. Я всё сделал! Не ищи меня, не провоцируй. Здесь капсулы!

Дима поднял рюкзак над головой. Немного помедлил и бросил сумку на несколько метров вперед. Закрытый на молнию рюкзак тяжело плюхнулся на землю. Дима развел руками, развернулся и бегом припустил назад. Чуть левее дороги, где шла перестрелка.

– Так то, – довольно прокомментировал бегство полицейский.

Серебряков замер. Если Дима посчитал свои обязательства выполненными, то вполне мог уйти. Уйти навсегда. Ушлый парень, достаточно умный, чтобы не ввязываться в смертельную для себя заварушку. Серебряков не мог не похвалить рационализм подопечного. Надо было пообещать ему ещё больше денег.

И всё же Алексей Геннадьевич надеялся, что Дима всего лишь отправился за подмогой.

Глава 23

День четвертый. Понедельник. Шеломенцево.

Ярослав приближался к белому фургону. На проспекте Мира шла перестрелка, выдавший виды грузовой Transit припарковали на параллельной улице Труда. Оба похитителя Кирилла и Валерии вылезли из автомобиля и, машинально чуть пригибаясь, смотрели в сторону раздающихся выстрелов. Высокий нервный Валера перекидывал из руки в руку пистолет, обладатель почти квадратной головы коренастый Костя расслабленно жевал сорванный листик. В руках Костя сжимал телефон.

Бочарников торопился. Он перешёл с тротуара на дико растущую траву. Неслышные быстрые размашистые шаги. В правой руке пистолет. Ярослав обогнул фургон, два выстрела. По одному в каждый затылок. Сначала Костя, потом Валера. С такого расстояния он не сомневался в результате, не осматривая рухнувших похитителей, Бочарников дёрнул в сторону выдвигающуюся дверь. Кирилл и Валерия успели развязать друг другу руки, возможно они даже готовили какой-то план, но солнечный свет залил фургон и ненадолго ослепил пленных. Плеханов пришёл в себя чуть быстрее, он постарался махнуть рукой. Скорее наугад, чем по конкретной цели. Ярослав легко увернулся, вlepил Кириллу пощёчину. Бочарников не успел ничего сказать, а уже девушка отчаянно бросилась на него, но он легко толкнул в ответ, и Лера завалилась обратно в кузов.

– Замерли оба, слушаем меня. Кто дёрнется, буду бить, –

Ярослав говорил быстро и жёстко. – Ты сидишь здесь, а лучше ляг на пол фургона, – он показал поскуливающей от страха девушке место в углу кузова. – И бога ради заткнись. А ты идешь со мной, будем выдергивать терминал. Ты писал, что сможешь всё вернуть?

Ярослав грубо схватил Кирилла за ухо и притянул к себе.

– Д-да, – чуть заикаясь ответил Плеханов. – Нужно прекратить этот кошмар. Хотя бы попытаться.

Бочарников кивнул и отпустил опального Оператора.

– Н-но ты же плохой... – совсем уж наивно по-детски добавил Кирилл.

– И этот кошмар тоже нужно прекратить.

Ярослав надевал на руку браслет. Он оценивающе осмотрел Плеханова. Сейчас этому парню придётся себя проявить. Бочарников одобряюще улыбнулся, обнажив щербинку между передними зубами.

***

Они проскочили безопасную часть пути от фургона до первого дома по проспекту Мира. Осторожно прошли через сквозной подъезд. Сорванная с петель деревянная дверь валялась рядом с прогнившим крылечком. Пока их защищали кустарники и редкие деревья. Защищали от обнаружения, но не шальных пуль. Ярослав присел, прикрываясь дверным косяком. Объяснил Плеханову работу своего браслета и обри-

совал временные рамки.

– Я успею?

– Три минуты и бонусом сорок четыре секунды. Туда-обратно. Больше чем достаточно.

– Как выглядит его терминал?

– А я знаю? – Бочарников злился, слишком многое в его плане было на соплях. – Ты же Оператор, а не я. Это предыдущая модель, но не должна сильно отличаться от современных. Тащи всё, что будет похоже. И проверь автозак.

– Та Газель? – автозак стоял совсем рядом с ними, конвойная «буханка» чуть дальше.

– Проверь там Шаца.

Весь план мог сработать только при сохранении жизни Шаца. Вадима Ароновича не было среди трупов, а если и был... Ярослав не хотел об этом думать, он принял решение и собирался довести дело до конца.

– Хорошо.

Кирилл зачем-то пожал руку Бочарникова, решительно развернулся и короткими перебежками двинулся к дороге.

Интенсивность перестрелки спадала. Противоборствующие силы поредели и перестроились. Кто-то разместился в заброшенных домах, стрелял из окон. Часть людей постоянно перемещалась, бойцы замирали, целились, открывали огонь и снова меняли место. Несколько человек сошлись в рукопашной. Все участники перестрелки сместились от баррикады ближе к каравану из двух полицейских машин. Это

усложняло задачу Плеханова.

Кирилл незаметно проскочил к автозаку. Переждал, присев у заднего колеса, обогнул фургон, юркнул в кузов. Через несколько секунд появился на улице, помотал головой и руками. Шаца не было. Неизвестно хорошая ли это новость. Ярослав сжал губы, многие в таких случаях начинают молиться.

Плеханов не мешкая бросился к «буханке». Эх, лучше было переждать – Кирилл упал и взвыл. Винтовка. Ранение в области груди. Кто-то прицельно стрелял из-за баррикад. Ярослав выждал минуту, услышал взрыв гранаты. Уже третий за этот бой. Как раз в районе заставы из легковых машин. Стоит запомнить и учесть. Бочарников зажал кнопку браслета. Зелёный индикатор мигнул в ответ.

Ярослав следил за Кириллом и отсчитывал время. На этот раз не было смысла соваться в автозак, Плеханов был проинструктирован ждать взрыва гранаты и распластался на газоне в двух метрах от заветной буханки.

Бочарников поглядывал по сторонам, чтобы не пропустить новой угрозы. На улице шла самая настоящая бойня. Он успевал разглядеть лица. Особенно тех, кто отстреливался от Армеева и его команды – они были ближе. Многие совсем молодые, крепкие и половозрелые, они считали себя крутыми, но Бочарников видел, как их апломб исчезал вместе с реальной смертью, он считывал страх на почти детских лицах. Он и сам был таким, он посмотрелся на подобные ли-

ца и метаморфозы в армии и в боевых операциях.

Как много трупов. Их уже было не меньше пары десятков. Это не считая, мертвых полицейских и нескольких человек со стороны Армеева. А ведь это были не первые трупы за последние три дня. До этого были убийства Шаца, координатор и его пастухи. Под утро в воскресенье, после перестрелки с тем здоровым казаком, Ярослав вернулся на Уктус. Дыжин с Серебряковым замучили женщину. Жестоко пытали и убили. Костя, сука, зарезал жену и ребенка Шаца. Теперь уличная перестрелка как в каких-то бразильских фавелах. А Фирме нужен только терминал Серебрякова. Мысли о словах Плеханова и возможности все вернуть крутились в голове. Надо попробовать. Нахрен Андрея Андреевича с его приказами.

Чёрт, Плеханова подстрелили. Ярослав опять зажал кнопку браслета.

***

Кирилл справился. Потный и грязный, со взъерошенными волосами, с прилипшей к одежде травой он одним длинным забегом вернулся к Бочарникову. Ярослав кивнул в знак одобрения и сразу двинулся назад. Не время праздновать, оставалось ещё самое главное – замкнуть петлю.

Они вернулись к фургону. Можно было остановиться и раньше или наоборот, запрыгнуть в машину и уехать подаль-

ше от бандитов и шальных пуль. Но нервное возбуждение диктовало свою логику. Кирилл с Ярославом склонились над потертым алюминиевым дипломатом. Плеханов совсем запыхался, он определенно перенервничал и устал нести тяжёлый терминал. Трясущиеся руки не могли справиться с застёжками. Ярослав нетерпеливо фыркнул, убрал оружие и присел перед дипломатом. Два движения пальцами, два щелчка. Крышка дипломата открылась.

Кирилл благодарно кивнул, затем испуганно дёрнулся назад и попытался крикнуть. Ярослава оглушил удар в затылок. Он завалился на терминал, как мог быстро развернулся. Ещё один удар. Теперь в лицо.

Ярославу не давали времени прийти в себя. На него навалились. Армеев. Ох и здоровый мужик. Степан схватил левую руку, сильно дёрнул. В глазах Ярослава потемнело. Большой сустав. Ахиллесова пята. Бочарников пытался извернуться, все его рефлексy оказались бесполезными под нахлынувшей болью. Армеев крутил руку, прижимая противника к земле.

– Что ж это за цапки у вас?!

Армеев говорил о браслете Ярослава, он заметил его на руке и сопоставил со снятым у Серебрякова. Если странные часы Алексея Геннадьевича вызывали лишь подозрения, то аналогичный браслет у приспешника Серебрякова справедливо можно считать опасным.

Не отпуская левую руку Ярослава, Степан Армеев все-

таким образом прижал Бочарникова к земле. Над головой Ярослава сверкнул страшный нож-мачете Армеева, один короткий удар перерубил левую кисть Ярослава. Зеленый индикатор браслета с встроенным терминалом модели ME-4 погас.

Бочарников взвыл от боли. Он уже понял, что проиграл. Никто не замкнет петлю, озверевший Армеев убьет всех в пределах досягаемости. Ярослав резко ощутил противное чувство беспомощности. Оно затмило боль. Распростертое под мертвой хваткой Армеева тело перестало сопротивляться.

На какой-то периферии сознания Ярослав услышал вопль Плеханова. Это было что-то вроде крика отчаяния вперемежку с ободряющим подбадривающим самого себя рёвом. Давление на спину Бочарникова ослабло. Он приподнял голову. Кирилл напрыгнул на Армеева. Напрыгнул глупо, с распростертыми руками. Словно Плеханов хотел обнять врага. Армеев привстал с поверженного Ярослава, выкинул руку с ножом вперед. Кирилл сам напоролся на широкое лезвие. Нож прошёл слева, разрезав плоть. Плеханов проскочил мимо. Заваливаясь он все-таки успел махнуть рукой и нанести ощутимый удар Армееву.

Конечно, удар Кирилла не потряс Армеева. Заряженный адреналином и кровопролитием озверевший Степан только распался, сталкиваясь с сопротивлением. Он встал на обе ноги, пора добить обнаглевшего мальчишку. Кирилл прижимал обе руки к окровавленному боку. Оператор смотрел без

страха, с презрением. Он сделал что мог. Отчаянная попытка бороться необученного человека. Достоинство уважения. Теперь оставалось достойно умереть.

Армеев уже заносил свой страшный нож, когда на него налетела Лера. Девчонка, конечно, не послушалась. Она вылезла из машины, как только ушёл Ярослав и переждала перестрелку в кустах. Незнакомое место, не ясно куда идти. Девушка сжимала свою сумочку и шептала молитвы вперемежку с проклятиями. Она уже хотела выйти навстречу Кириллу с Бочарниковым, но увидела Армеева. Девушка побоялась предупредить, осталась в кустах. Теперь она импульсивно спасала жизнь Кириллу.

Лера запрыгнула на спину Армеева. Пыталась поцарапать. Степан усмехнулся. Он даже не пошатнулся. Что могла против него лёгкая девчонка? Армеев дернул правым плечом, скидывая девушку. Развернулся. Раненный Плеханов мог подождать, Степан хотел разглядеть очередную жертву. Девушка упала с его широкой спины и теперь таранилась на него с земли. Армеев оценил красоту девчонки, решил, что не будет убивать её сразу.

Удар в горло вместе с дыханием перебил все сладкие мысли.

Ярослав поднялся с земли. Даже боясь смотреть на обрубок левой руки, он вlepил правый кулак в горло Армеева. Широкая шея, хорошая цель. Степан замер, вращая глазами, пытаясь вздохнуть. Бочарников ударил туда же. Он перехва-

тил из слабеющей руки Армеева нож и всадил лезвие в грудь хозяина по рукоять. Армеев ещё падал, когда Ярослав подобрал дамскую сумочку Леры. Ему был нужен ремешок для жгута.

***

Кирилл пытался разобраться с терминалом. Он полулежал на правом боку. Лера совместно с Ярославом попытались перевязать рану. Плеханов терял слишком много крови, он побледнел и плохо соображал. Ярослав сделал себе жгут, закрыл открытую рану куском собственной футболки. Натянуть на голое тело через изуродованную руку ветровку стало серьезным испытанием.

– Нет, что-то не то, – Кирилл был отчаянии. – Здесь другая клавиатура, она больше похожа на классическую, – Ярослав кивнул, он был знакомым с современными терминалами. – Но я разобрался, сессии закрываются комбинацией клавиш. Только система не реагирует. Такое было и с моим терминалом.

– Варианты?

– Пароль.

– Пароль? – переспросил Бочарников.

– Наши терминалы блокируются кодом Оператора. Сегодняшний интерфейс сразу сообщает о блокировке, но это старая модель, возможно эта информация скрыта. Но ведь

предусмотреть код безопасности со стороны этого человека вполне разумно.

Ярослав задумчиво кивнул. Пока Кирилл разбирался с терминалом, Бочарников пересказал имеющуюся скудную информацию о модели СВЛ-16 и личности Серебрякова. Как заставить Серебрякова закрыть сессию? Время было на исходе, Кирилл терял сознание. Бочарников думал, перебирал варианты давления на Алексея Геннадьевича. Его беспокоило прекращение стрельбы. Кто бы не победил в уличных боях, их покалеченную маленькую компанию не ждало ничего хорошего. Из припаркованного в нескольких метрах от них фургона вылезла Лера. Девушка победно трясла найденной бутылкой питьевой воды. Ярослав улыбнулся. Скорее машинально, чем разделяя радость девушки. Ему надо брать ситуацию в свои руки и увозить Плеханова в больницу. Совсем рядом прогремел выстрел. Валерию отбросило.

Ярослав вскочил на ноги. Кирилл лишь приоткрыл потяжелевшие веки. Из-за фургона появилась невысокая женщина с комбинированным ружьем-винтовкой в руках. Лёгкое и компактное американское оружие женщина направила на Ярослава. Она уже успела оценить диспозицию. Мёртвый Армеев, умирающий Плеханов, покалеченный Ярослав. Как и все здесь, женщина опьянела от крови.

– Я за терминалом, – женщина кивнула на открытый рядом с Кириллом дипломат. – Где Алексей?

– На крыльце. Под охраной.

– Это он Степана?

Ярослав понял, что женщина по-прежнему считает его подопечным Серебрякова, но не собирается ему доверять. Вполне логично на её месте предположить убийство Армеева Кириллом. Бочарников кивнул.

– Ты же мстить не будешь? А мне вот Степана будет не хватать.

Женщина перевела оружие на Плеханова. Кирилл лежал с закрытыми глазами, он не видел угрозы и скорее всего ему было наплевать. Ярослав оценивал свои шансы на бросок. Между ним и женщиной было три метра. Слишком много. Свой пистолет он оставил на земле. Никак не успеет согнуться, подхватить оружие и выстрелить. Женщина была настороже. И несомненно умела стрелять. Татьяна Александровна. Он вспомнил её имя.

Татьяна Александровна дёрнулась. Одновременно Ярослава настиг звук выстрела. Женщина опустила взгляд. На груди расплывалось пятнышко крови. Татьяну Александровну мотнуло ещё раз. Очередная звуковая волна. На груди появилось ещё один кровавый развод. Татьяна Александровна подняла удивлённый взгляд на Ярослава. Она рухнула так ничего и не сказав. Ярослав обернулся. Из-за ближайших кустов через дорогу ковылял Шац с винтовкой на перевес. Его движение прикрывал конвойный с автоматом.

***

Бочарников оставил Шаца и Кирилла Плеханова на попечении конвойного. Вышедший молодцом из перестрелки молодой полицейский совершенно растерялся, не понимая где враги, а где союзники. Очень пригодились многочисленные удостоверения Бочарникова. Конвойный отдал честь, хотя Ярослав даже не посмотрел какую именно «ксиву» сунул под нос полицейскому.

Раненый в ногу Шац пытался расшевелить Кирилла. Время поджимало. Бочарников и сам чувствовал нарастающую слабость. Ярослав проинструктировал Шаца и забрал терминал. Пистолет пришлось убирать за пояс.

Ярослав оставил мелкокалиберную берданку, которой Вадим Аронович выбил жизнь из Татьяны Александровны. Оружие было не точное, могло дать осечку, да и отсутствие руки мешало нормально целиться, управляться с тяжелым оружием. Оставалось положиться на пистолет.

Как любой математик Серебряков любил уравнения. Ярослав хотел показать этому циничному человеку свою собственную задачку. Он подкрался к РОВД сделав серьезный крюк. На крыльце скучал Серебряков. Охранявший его полицейский разговаривал по телефону. Судя по интонации, охранника била истерика. Он пытался уговорить кого-то прийти на помощь сбиваясь с крика на мольбы. Полицейский потерял бдительность. Тем лучше для Ярослава.

Полицейского на крыльце Бочарников убрал из уравне-

ния одиночным выстрелом. Ему пришлось засунуть оружие за пояс, чтобы взять в единственную руку терминал.

– Дима!

Испугавшийся выстрела Серебряков подпрыгнул от радости при виде соратника. Терминал в руке пришедшего на помощь «Димы» заставил Алексея Геннадьевича аплодировать.

– Что с рукой?

Серебряков спросил мимоходом, он уже установил дипломат на крыльце, откинул крышку и любовался работающим экраном терминала.

– Несчастный случай.

Ярослав положил правую руку на рукоять пистолета, следя за каждым движением Серебрякова. Алексей Геннадьевич не обращал на него внимания. Он вскочил на ноги, подхватил слетевшую от удара Армеева красную бейсболку, и побежал за валяющимся на земле рюкзаком Плеханова. Сорок метров туда, сорок метров обратно, уже медленнее, разглядывая на ходу содержимое.

– Ещё и оборудование Плеханова, – воскликнул Серебряков. – Не знаю, как его использовать, но лишним не будет. Обязательно расскажу тебе про терминалы. Только напомни. Ты молодец, Дима!

Серебряков наконец поднял глаза. Ярослав выстрелил два раза. Убрал пистолет. Спустился с крыльца. Подтащил к Алексею Геннадьевичу терминал и сел на землю рядом. Сно-

ва достал пистолет.

– А я знаю. Про терминалы, знаю. Не как ты, конечно. Ничего, что я перешёл на «ты»? Просто не хочется «выкать» такой мрази.

– Дима? – с обидой в голосе просипел Серебряков.

– Меня, кстати вербовали как Оператора, – как ни в чем не бывало продолжил Ярослав. – Да. Два года назад. Но я убил Клиента. Первая же сессия, такой конфуз! Я не жалею, он сам заслужил. Редкостная сволочь. Даже не буду вдаваться в подробности, ты же наверняка насильников насмотрелся? Вот. Я видимо эмоционально неустойчивый. В общем никудышный Оператор. Но оказался хорошим Ликвидатором. Мне понравилась работа. Ликвидирую мерзавцев, а за это ещё и платят. Больно? – Бочарников не без удовольствия смотрел на скрючившегося Серебрякова. – Меня направили сюда месяц назад. Для тебя я Дмитрий Торопин, наемник, боевик, верный помощник.

– Красивая комбинация, – Алексей Геннадьевич постанывал от боли.

– Твой прокол был с Шулевым, если интересно, конечно. Какие-то странные сессии в заштатном городишке. Я начал с Армеева. Две недели, чтобы пообтереться тут. Потом вычислил тебя. Нанялся, убедил в своей полезности. И вот мы здесь. Вдвоем.

– Почему сразу не убил?

– Приказ был разобраться. Ты же терминалом не светил,

ясности в планах твоих не было. Даже когда сессии по всему миру обрушил, мы точно уверены не были. Короче говоря, пришлось у тебя на побегушках поноситься. Пакости всякие выполнять. Почти привык, неприятное чувство. Но теперь ты умираешь. Считай я уволился.

– Я посмотрелся на смерть, не страшно.

– Да, ладно! Ты хочешь жить. Очень хочешь.

Серебряков молчал. Он отчаянно хотел жить. Алексей Геннадьевич прожил жизнь без серьезных ранений, только бытовые царапины и, разумеется, в него ни разу никто не стрелял. Он умирал? Пожалуй, да.

– Закрой сессию. Мы не смогли. У тебя там код?

Ярослав говорил спокойно, тихо. Он очень устал, ослабел. Серебряков нашёл в себе силы улыбнуться.

– Конечно. Его не взломать.

– Спаси свою жизнь. Замкни петлю.

– Шац жив? Он сдаст меня. Я ничего не вспомню.

– Сдаст, – согласился Ярослав. – Но я не убью тебя. Дам уйти. Честное слово.

– Я сейчас должен сказать «ха».

– Не все такие мерзавцы как ты. Да и в любом случае, – Бочарников прислушался, вдалеке слышались сирены, – ты умираешь.

Серебряков хотел что-то сказать, но в горле забулькало. Рот наполнился кровью. Алексей Геннадьевич потянулся к терминалу. Ярослав пододвинул устройство ближе. Несколь-

ко нажатий на клавиши. Бочарников не смотрел на терминал. Темные нависшие над городом тучи наконец прорвало. Крупные капли, почти тропический дождь. Только холодно. Хотя ещё вчера на солнце было плюс тридцать. Удивительный регион.

Эпилог

Ростов-на-Дону. Переулок Денисова.

Алексей Геннадьевич представился. Его дотошно обыскали. Наконец пустили внутрь. Сказали ждать.

Красивый участок в частном секторе. По периметру толстый высокий забор. Светлый кирпич. Слева длинный гараж с тремя воротами. Внешняя отделка из иерусалимского камня. Также облагорожен и двухэтажный дом. Изящно. Необычно. Мощённый плиткой двор, не меньше пары соток. Дальше изящный фонтан, изумрудный блестящий от утренней росы газон. Ещё один дом. Этот из бруса. Гостевой. Справа небольшая постройка для охраны. Ну что ж, богато. То, что нужно.

Жутковатого вида охранник не сводил с Серебрякова тяжёлого взгляда. Не впервой. Алексей Геннадьевич поправил красную бейсболку и принялся разбирать свой инвентарь. Прежде всего терминал. Алюминиевый потёртый дипломат. Серебряков попросил стул или столик. Охранник не отреагировал. Просто смешно. Вышел второй, тоже в строгом ко-

стюме. Этот оказался отзывчивее, принес деревянную табуретку. Сойдет. Серебряков взгромоздил дипломат, медленно провёл ладонью по корпусу, отметил каждую потертость и трещинку. Щелкнул замками, открыл. Терминал модели СВЛ-16, доработанный самим Серебряковым, откликнулся диаграммами и графиками. Ни одной открытой сессии. Терминал вообще оставался без дела три недели.

Серебряков сбежал из Екатеринбурга. Безупречный план неожиданно развалился. Шац отказался от сессии, Плеханов исчез. Все тщательно запоминаемые события о сессии Шаца перестали быть актуальными. Точка бифуркации? Какая-то блажь Шаца? Алексей Геннадьевич затаился, пытался отслеживать их активность, понять причину. Он не любил странностей, не верил в случайность. Через три дня в петлю залез Армеев. На этот раз петля была не временная, а самая что ни есть конечная. Серебряков не мог поверить, но судмедэкспертиза была однозначна. Алексей Геннадьевич взял такси. Никаких поездов и самолётов, никаких документов. В три этапа, меняя машины и водителей, он добрался до Ростова. Достаточно большой город для интереса к его услугам, недостаточно большой для высокой вероятности встретить кого-то из Фирмы.

Через несколько минут подготовки Серебряков был готов к презентации. На будущее он смотрел с оптимизмом. То, что получилось в Екатеринбурге, вполне можно повторить и здесь. Его сегодняшний гостеприимный хозяин, Борис Фи-

липпов, мог стать новым Армеевым. Большие связи, властные замашки, настойчивые слухи о жестокости. Такому человеку мало рассказов, его нужно шокировать и сразу подсекать. Серебряков улыбнулся. Он любил презентации.

Филиппов вышел из дома. Джинсовые шорты, белая поло, синие летние туфли. На голове плетеная шляпа из синей соломы. Твердый скептический взгляд, сжатые губы, тяжёлый подбородок. Борис Филиппов без энтузиазма пожал руку Серебрякову.

– Мне бы не хотелось тратить много времени.

Это выходило за рамки приличия. В конце концов, этот человек вот-вот должен был узнать о новой реальности. Настолько демонстративно не доверять Серебрякову...но Алексей Геннадьевич кивнул и начал суетиться. Он быстро обрисовал основные правила, озвучил суть технологии и предложил начать. Филиппов сложил руки на груди, слушал. Долго смотрел на протянутую капсулу. У его ног веселился йоркширский терьер. Неутомимая собачка подпрыгивала, пыталась встать на задние лапки и тянулась к хозяину. Борис отодвигал собаку ногой. Но нежно, без агрессии. Серебряков отметил животное. Лучшее средство для презентации.

Филиппов проглотил капсулу. На экране замигали диаграммы и графики. Сессия запущена. Серебряков выпрямился. Теперь самый неприятный момент. Он попросил оружие. После недолгой паузы ему выдали пистолет, демонстративно оставив один патрон. Оба охранника достали свое ору-

жие. Борис взял у одного из них пистолет. Твердая рука направила оружие на Алексея Геннадьевича.

– Я прошу дать мне ровно минуту. Не стреляйте, чтобы не произошло.

Борис опустил оружие. Серебряков держал пистолет на уровне пояса, он выждал, когда собачка, которая уже забыла о хозяине и резвилась на газоне, вышла на новый круг. Выстрел пригвоздил терьера к траве. Ещё секунда и к голове Серебрякова приставили дуло пистолета. Филиппов побагровел.

– Мгновение! Борис, одно мгновение! В этом весь смысл. Я сейчас замкну петлю, всё как я говорил!

Серебряков бросился к терминалу, два шага, и он у табуретки, присел перед экраном, успел заметить подскочившее давление Клиента. Привычная комбинация клавиш, улыбка... Терминал не отозвался на манипуляции. Одной клавишей Серебряков вывел справку. Кто-то заблокировал устройство. Алексей Геннадьевич успел повернуться к Филиппову, он хотел попросить больше времени.